

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФРАЗЕОЛОГИЯ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР:
ОПЫТ КАЗАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

**КАЗАНЬ
2025**

УДК 81'373
ББК 81.053.6
Ф82

Авторы:

Е.В. Варламова, Л.Г. Газизова, Г.К. Гималетдинова, И.О. Гурьянов, К.А. Гурьянова,
А.Р. Каюмова, Т.И. Колабинова, А.Ф. Мухамадьярова, М.С. Пестова, Р.А. Сафина,
Р.Н. Салиева, Г.Р. Сафиуллина, Н.П. Соболева, Ф.Х. Тарасова, Л.К. Халилова

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор Ф.Х. Тарасова

Рецензенты

доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики
преподавания иностранных языков ИФМК КФУ **А.Г. Садыкова**;
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
иностранных языков ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет» **Г.Ф. Лутфуллина**

Ф82 **Фразеология на пересечении культур: опыт Казанской фразеологической школы:** коллективная монография. – Казань: Издательство Казанского университета, 2025. – 192 с.

ISBN 978-5-00130-894-2

Настоящая монография посвящена доктору филологических наук, заслуженному работнику высшей школы РФ, заслуженному деятелю науки РТ, члену-корреспонденту Международной педагогической академии, члену международного сообщества фразеологов Europhras, профессору Казанского федерального университета Арсентьевой Елене Фридриховне. Монография представляет собой цикл научных очерков, посвящённых актуальным аспектам современной фразеологии. Авторы отмечают наиболее важные направления исследования фразеологии и научные достижения Казанской фразеологической школы. В монографии рассматриваются такие вопросы, как моделируемость фразеологических единиц, контекстуальное употребление и трансформации фразеологических единиц на материале прессы и художественной литературы, затрагиваются проблемы фразеографии и эквивалентности фразеологических единиц, а также символика колоронимов в национальных картинах мира в фразеодидактическом аспекте. Книга адресована лингвистам, культурологам, переводчикам, может быть полезна студентам филологических и переводческих специальностей.

УДК 81'373
ББК 81.053.6

ISBN 978-5-00130-894-2

© Издательство Казанского университета, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Памяти

Елены Фридриховны Арсентьевой – Ученого, Наставника, Учителя

Занимайтесь наукой, она вас никогда не предаст.
E.Ф. Арсентьева

6 июня 1956 года в городе Казани Татарской Автономной Советской Социалистической Республики родилась Елена Фридриховна Арсентьева. Ей суждено было стать выдающимся филологом, который продолжил и преумножил славное достояние Казанской лингвистической школы.

В жизни Елена Фридриховна была человеком широкой души, она умела убеждать, а ее улыбка и мягкий голос помогали собеседнику прибодриться и обрести веру в свои силы. Трудолюбие, честность и любовь к своему делу – этими тремя правилами Елена Фридриховна руководствовалась в своей работе. И эти принципы дали свои ростки.

За более чем 40 лет преподавательской деятельности сотни студентов писали курсовые, дипломные работы, проходили академическую и производственную практику, около сотни кандидатов и докторов наук защищали свои работы под умелым руководством Елены Фридриховны. К каждому своему ученику она подходила вдумчиво, с чуткостью, не жалела времени на объяснение основ фразеологии, методов научного исследования и структурирования научной мысли.

Ученики и коллеги согласятся с тем, что Елена Фридриховна относилась с большим вниманием к исследуемым языковым процессам и явлениям в области фразеологии, отличалась высокой требовательностью к достоверности каждого из выявленных фактов, к их тщательному, глубокому, всестороннему анализу, начиная со сравнительно-исторических и типологических описаний и заканчивая описанием современного состояния фразеологии через детальное исследование сложной семантической, грамматической структуры, контекстуального употребления фразеологических единиц в различных сопоставляемых языках.

Начало фразеологического направления Казанской лингвистической школы обычно относится к концу 70-х – началу 80-х гг., когда появляются фундаментальные исследования в области сопоставительной фразеологии в Казани.

Елена Фридриховна пошла по стезе фразеологии сразу после защиты в 1984 году кандидатской диссертации на тему «Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках», в которой фразеологические единицы тщательно исследовались в сопоставительном аспекте на различных языковых уровнях. Будучи молодым ученым, овладевающим принципами компаративного исследования иностранных языков и русского, Елена Фридриховна выбрала сознательно фразеологию, а позже – и фразеографию, которые стали основным смыслом и главным делом ее научной жизни.

В 1993 году Елена Фридриховна успешно защитила докторскую диссертацию «Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского словаря», в которой кроме сопоставительного анализа фразеологических единиц исследовались различные аспекты и трудности создания русско-английского словаря. Докторская диссертация, фразеологические материалы ее личной коллекции, собирающиеся в течение многих лет, многочис-

ленные публикации, связанные с этой сферой ее интересов, явились заделом для создания и выхода в свет в 1999 году русско-английского фразеологического словаря. Появление словаря было важным событием для развивающегося фразеографического направления Казанской лингвистической школы.

Под научным руководством Елены Фридриховны Арсентьевой были успешно защищены более пятидесяти кандидатских диссертаций, заложивших фундамент для сопоставительной фразеологии в Казани. Перечислим лишь некоторые из них: Г.Р. Сафиуллина «Фразеологические единицы с затемненной внутренней формой в английском и турецком языках» (2000), Р.А. Сафина «Фразеологические единицы, выражающие материально-денежные отношения, в немецком и русском языках» (2002), Е.Ю. Семушкина «Сопоставительный анализ субстантивных фразеологических единиц и сложных слов, семантически ориентированных на характер человека» (2004), Р.Н. Салиева «Фразеологические единицы с прозрачной внутренней формой в английском и русском языках» (2005), Н.В. Коноплева «Фразеологические единицы, характеризующие лиц мужского пола, в английском и русском языках» (2009), А.Р. Каюмова «Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствие в русских и испанских переводах» (2010), Ю.С. Арсентьева «Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках» (2012), Н.П. Соболева «Контекстуальное использование фразеологических единиц в языке рекламы» (2015), И.О. Гурьянов «Книжные фразеологические единицы в английском, русском и немецком языках» (2016) и другие диссертационные исследования.

Параллельно Елена Фридриховна Арсентьева проводила научное консультирование при подготовке докторских диссертаций: М.И. Солнышкиной «Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка» (2005), Л.Р. Сакаевой «Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности: на материале русского, английского, таджикского и татарского языков» (2009), Р.А. Аюповой

«Фразеографическое описание татарского, русского и английского языков» (2010) и других ученых.

Благодаря неустанному труду Елены Фридриховны, сравнительная фразеология и ее различные направления в германских, романских и других языках в сопоставлении с русским и татарским стали основным вектором развития мысли целого поколения ученых.

Кафедра романо-германской филологии, которую основала и которой на протяжении 20 лет бессменно руководила Елена Фридриховна, стала прочно ассоциироваться с командой специалистов, занимающихся фразеологией и фразеологической проблематикой. О результатах исследований, о достижениях докладывалось на ежегодных научных конференциях, проводившихся филологическим факультетом Казанского государственного университета: «Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект» (2004), «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (2007), «Сопоставительная филология и полилингвизм» (2010), «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития» (2013), «Германистика сегодня» (2015) и других.

В 2013 году для российских фразеологов знаменательным событием стала международная фразеологическая конференция EUROPHRAS, инициатором и организатором которой явилась Елена Фридриховна. В Казанском университете собрались ученые из разных стран не только ближнего зарубежья, но и из стран Европы и Америки. Поднятые на дискуссионных площадках вопросы прокладывали новые пути в науке, в понимании сложных вопросов, связанных с исследованиями в области фразеологии. По результатам этой конференции в 2014 году была издана коллективная монография *Phraseology in Multilingual Society* под редакцией Елены Фридриховны, в которую вошли статьи ученых из разных стран мира.

В 2021 году вышла в свет очередная коллективная монография *The Discursive Use of Phraseological Units* под редакцией Елены Фридриховны. Появление монографии стало значительным событием в мире

науки и еще одной вехой истории развития фразеологической школы в Казани.

Елена Фридриховна является автором множества работ по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкоznанию. Под ее руководством было опубликовано около 150 научных работ, хорошо известных как в России, так и за рубежом. Издавались ее монографии и коллективные монографии, внесшие большой вклад в развитие науки. Многочисленные публикации, связанные со сферой ее интересов, посвящены изучению фразеологической семантики, семантической структуры, внутренней формы, фразеологической эквивалентности. Елена Фридриховна сформулировала ряд теоретических положений, существенных для этимологического, семантического, функционального, контекстуального анализа фразеологических единиц.

Позже в своей научной деятельности Елена Фридриховна обратила более пристальное внимание на изучение поведения фразеологических единиц в различных контекстуальных окружениях, на особенности перевода таких единиц. Когда эта тема захватила ее, по крупицам собирался, оттачивался, выверялся доказательный материал, составивший впоследствии личную коллекцию фразеологических единиц ученого. После проверки и изучения доказательного материала утверждались положения, которые впоследствии составили методическую и методологическую базу исследований, осуществляемых представителями Казанской лингвистической школы, в частности – ее фразеологического направления.

Кроме того, в течение долгих лет Елена Фридриховна была членом филологических диссертационных советов.

Все перечисленное является лишь частью гигантского труда Елены Фридриховны. Все эти годы она много и плодотворно работала, продолжая исследовать фразеологическое направление в языкоznании, собирать уникальные материалы, касающиеся фразеологической семантики.

Елена Фридриховна Арсентьева – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель науки РТ, член международного сообщества фразеологов EUROPHRAS, член-корреспондент Международной педагогической академии, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, выдающийся ученый Казанской лингвистической школы.

В возрасте 66 лет Елена Фридриховна ушла из жизни.

Коллеги, многочисленные студенты и аспиранты уважали и любили ее. Всегда спокойная, отзывчивая, доброжелательная, целеустремленная, трудолюбивая – для многих она была ориентиром, который вдохновляет.

Светлая память о Елене Фридриховне навсегда останется в наших сердцах.

ГЛАВА I

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Сафина Р.А., Салиева Р.Н.

Введение

Казанская лингвистическая школа имеет давние традиции, а труды ученых этой школы широко известны в мировом лингвистическом сообществе. Одним из важных направлений развития лингвистической науки в Казани на современном этапе являются фразеологические исследования, причем сопоставительный аспект изучения фразеологии, безусловно, является ключевым. В процессе сопоставительного изучения фразеологических систем разных языков ученые определяют сходства и расхождения в образном мышлении разных народов, выявляют фразеологические универсалии и специфические для различных культур устойчивые выражения, которые обусловлены социально-историческими факторами, культурными традициями и бытовыми реалиями. Объектом контрастивного изучения в Казанской фразеологической школе становились следующие языки: русский, татарский, английский, немецкий, французский, испанский, португальский, турецкий, арабский, таджикский, польский, болгарский, украинский, белорусский, вьетнамский и т. д. Чаще всего для сопоставления фразеологи выбирают два или три языка, однако есть работы, где это количество достигает четырех и пяти языков. По степени частотности ведущие позиции занимают русско-английские, русско-англо-татарские и англо-турецкие сопоставительные исследования.

Казанские лингвисты используют в своих научных работах различные подходы и концепции, в частности, методы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Известно, что фразеологические

единицы несут в себе ценностные установки и культурные стереотипы народов, они являются ключом к пониманию культуры и менталитета. Благодаря этому факту фразеологам удается успешно описывать процесс концептуализации действительности, выявлять сходства и различия в системе ценностей и мировосприятии представителей разных культур. Структурно-семантический и структурно-типологический подходы позволяют ученым проводить всесторонний анализ формы и семантики устойчивых выражений, раскрывать их глубинную сущность и своеобразие.

На современном этапе развития лингвистики одним из приоритетных направлений является изучение функционального аспекта фразеологизмов, а именно разновидностей трансформаций ФЕ на материале различных типов текстов: в рекламном и публицистическом дискурсе, а также на материале художественных произведений. Ученых волнует проблема моделируемости фразеологических трансформов, а также способов фиксации окказиональных фразеологизмов в словарях.

Достаточно интенсивно в Казани развивается фразеографическое направление. Ученые продолжают исследовательские традиции отечественного и зарубежного языкознания, работают над проблемой комплексного подхода к описанию структуры словарной статьи, который позволяет охватить все компоненты фразеологического значения, предпринимают попытку усовершенствования системы эмотивных помет. Важным достижением казанских фразеологов является создание многочисленных одноязычных и многоязычных фразеологических словарей.

В данной главе дается хронологический обзор основных научных достижений казанских фразеологов на примере кандидатских и докторских диссертаций, а также ряда наиболее значимых монографий и фразеологических словарей, изданных за последние 50 лет.

Структурно-семантический и структурно-типологический подход к исследованию ФЕ

Обращаясь к истокам сопоставительной фразеологии в Казанской лингвистической школе, необходимо отметить, что первые серьезные исследования были написаны уже в конце 60-х – начале 70-х гг. и посвящались преимущественно анализу германских языков в сопоставлении с русским языком [32, 46].

В 80-х гг. появляется ряд важных исследований, заложивших фундамент для дальнейшего развития сопоставительной фразеологии в Казани [105, 23, 9]. Особенno весомое значение приобрели работы Э.М. Солодухо, посвященные изучению вопросов заимствования и интернализации в сфере фразеологии, анализу фразеологических параллелизмов в разных языках и выявлению причин их возникновения. Феномен возникновения параллельных образований в языках ученый объясняет общностью законов мышления, логики, психологии, а также общностью в плане реалий, быта, социальных отношений, культуры народов – носителей языков. Еще одним ключевым вопросом, разработанным ученым, является проблема фразеологической эквивалентности, основным признаком которой применительно к многоязычному сопоставительному анализу Э.М. Солодухо считает совпадение содер-жательной стороны соотносимых ФЕ. Именно такой подход, по мнению исследователя, позволяет распространить данное понятие на большое количество ФЕ, не признаваемых большинством исследователей межъязыковыми эквивалентами, поскольку они не обладают полным формальным сходством [87, 88].

В 90-е гг. в Казанской лингвистической школе формулируются методы и принципы контрастивного анализа языков, ставится вопрос о типологии фразеологических универсалий, разрабатывается методология формирования фразеотематических полей в разных языках [21, 86]. Интерес к сопоставительному изучению фразеологии значительно возрастает, о чем свидетельствует большое количество защищенных диссертационных работ. В 1993 году была опубликована докторская

диссертация Е.Ф. Арсентьевой, объектом исследования которой являются фразеологизмы, семантически ориентированные на человека в английском и русском языках. В определенной мере данная работа стала точкой отсчета для целого ряда последующих работ антропоцентрического характера. Примечательно, что это была одна из первых работ, где семантический аспект исследования выходит на первый план. Кроме того, автор разрабатывает собственную типологию фразеологической эквивалентности, а также основополагающие принципы фразеографии, что приводит в конечном итоге к созданию русско-английского фразеологического словаря [8, 9].

Работы, ориентированные на исследования определенных структурно-семантических групп фразеологизмов, широко представлены среди трудов казанских ученых: это глагольные фразеологизмы [69, 94], субстантивные фразеологические единицы [84, 90, 95], адъективные фразеологические единицы метафорического характера [50, 56]. Что касается исследований грамматических категорий во фразеологии различных языков, то можно сказать, что они представлены единичными работами, в частности, Р.Й. Шарипова исследует категорию рода на материале фразеологизмов английского и татарского языков [100].

В рамках семантического подхода к исследованию фразеологизмов казанскими учеными была проведена интенсивная работа в области теоретического изучения фразеологического значения. В частности, ряд диссертационных работ посвящен изучению таких компонентов коннотации, как функционально-стилистический компонент [63], экспрессивный компонент значения [71], оценочный компонент значения [107]. Учеными были изучены парадигматические отношения, свойственные фразеологизмам, такие как синонимия [28], полисемия [25] и антонимия [75].

В исследовании Г.Р. Сафиуллиной объектом изучения становятся фразеологизмы с затемненной внутренней формой, анализируется взаимосвязь мотивационно-образной основы фразеологизмов с другими компонентами коннотации фразеологизмов, а также рассматриваются

способы перевода единиц данной группы [83]. Р.Н. Салиева делает основной упор на семантические особенности фразеологизмов с прозрачной внутренней формой и их контекстуальных трансформациях [79]. Также казанскими учеными были проанализированы такие стилистические феномены, как гипербола, явление эвфемии и дисфемии во фразеологическом фонде английского языка [97, 12, 101].

В ряде исследовательских работ рассматриваются фразеологизмы конкретных стилистических пластов. В различные периоды объектом изучения становились фразеологизмы библейского происхождения на материале русского, английского и испанского языков [68, 47, 44]. Диссертационное исследование И.О. Гурьянова посвящено изучению фразеологизмов книжного стиля в русском, английском и немецком языках. Автор изучает проблему разработки критериев отнесения ФЕ к книжному пласту фразеологии и определения уровня восприятия книжных ФЕ не носителями языка. Также в работе исследуются особенности контекстуального употребления фразеологических единиц книжного стиля [40].

Структурно-типологический подход к исследованию фразеологического материала наиболее глубоко и всесторонне представлен в научной работе Г.К. Гизатовой: ученый предпринимает попытку определить соотношение универсального и специфического во фразеологических системах русского, татарского и английского языков, выявить общие понятийные категории и специфичные признаки для каждого языка на разных уровнях лингвистического анализа, определить внутрисистемные языковые взаимосвязи и сформулировать общие тенденции развития изучаемых языков. В результате проведенного анализа была разработана типология фразеологических универсалий, которые включают в себя как лексико-фразеологические, так и собственно фразеологические универсалии, выявлен системный характер окказиональных авторских фразеологических трансформаций на материале трех языков, а также составлен словарь английских идиом, поговорок и пословиц, построенных на окказиональных трансфор-

мациях. Большое значение также имеет выделение закономерных отношений между фразеологической системой (мерой регулярности данной системы) и типом языка. Практическая значимость данного исследования заключается, прежде всего, в создании идеографического фразеологического словаря сопоставляемых языков [34, 35, 36].

Сопоставительная когнитивная лингвокультурология

Начиная с конца 90-х гг. приоритетным подходом к изучению фразеологии становится лингвокультурологический, основная задача которого сводится к выявлению национально-культурной специфики фразеологического фонда изучаемых языков. ФЕ рассматриваются как репрезентации лингвокультурных явлений, отражающие в своей семантике национальный менталитет и систему ценностей народа.

Как показывает обзор литературы, исключительное большинство работ по фразеологии лингвокультурологической направленности основано на антропологической парадигме. В центре исследования фразеологов находится сам человек и его наиважнейшие характеристики, такие как внешность человека [3], интеллектуальные способности человека [4, 59], эмоциональное и психическое состояние человека [30, 31, 93], возраст и здоровье человека [45, 106], а также гендерно-маркированные фразеологизмы [57, 59, 98]. Появляется большое количество работ, направленных на сопоставительное изучение определенных фразеосемантических групп, отражающих ценностные категории в различных культурах. В частности, казанскими учеными была исследована репрезентация во фразеологическом фонде различных языков таких социально значимых категорий, как семья [73], материально-денежные отношения [81], трудовая деятельность человека [60, 99], религиозный мир человека [39], праздничные традиции [37, 104].

Достаточно часто критерием отбора материала исследования становится компонентный состав фразеологизмов: в качестве сопоставляемых объектов выступают фразеологизмы, содержащие в своем составе частотные компоненты, характеризующиеся символической

маркированностью, например, такие как колоративные компоненты [27, 48, 54, 72, 76], соматизмы [7, 52], компонент «человек» [49], компоненты-зоонимы [64, 65], компоненты-орнитонимы [74], компоненты-фитонимы [61], компоненты-космонимы [80], компоненты-антропонимы [43], маринизмы [102], музыкальные термины [66], наименование профессии [29], компоненты-религионимы [44].

В современной фразеологии лингвокультурологический подход неотделим от когнитивно-интерпретационной парадигмы исследования. На данном этапе развития фразеологии в качестве объектов исследования все чаще выступают определенные концепты, например: «пространство и время» [53, 13], концепт «бог» [18], концепт «счастье» и «несчастье» [22], концептосфера «материнство» [6], концепт «труд» [60], концепт «власть» [89], фразеология военной сферы [14].

Постепенно ученые переходят от частных исследований фразеосемантических полей к более широкому охвату фразеологического материала исследования, и здесь в первую очередь следует отметить научные исследования Г.А. Багаутдиновой, Л.А. Байрамовой и Л.Р. Сакаевой, посвященные изучению антропоцентрического и аксиологического аспекта во фразеологии различных лингвокультур. Ученые ставят перед собой масштабные задачи: через призму фразеологии выявить национальные особенности языкового членения мира, определить особенности функционирования языкового мышления.

В докторской диссертации Г.А. Багаутдиновой определяется роль когнитивного подхода к изучению антропологических фразеологизмов, занимающих особое место в общей фразеологической системе разноструктурных языков. В работе впервые разрабатывается научная концепция универсальности фразеологических диад, систематизируются универсальные и уникальные ценности и антиценности в разных социумах. Ученый подчеркивает необходимость учитывать амбивалентность или неоднозначность отношения человека к окружающему миру и противоречивость системы ценностей, что находит отражение и во фразеологии. Значительный интерес в работе представляет выде-

ление следующих культурных кодов антропоцентрических фразеологизмов: антропоморфного, биоморфного, объектного, анимического, мифологического, темпорального, пространственного, колоративного и квантитативного [17].

В исследовании Л.Р. Сакаевой на материале 4 языков (русского, английского, татарского и таджикского языков) были выявлены типологические сходства и различия ФЕ антропоцентрической направленности, обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами, на семантическом и структурно-грамматическом уровнях. Теоретическая значимость работы обусловлена дальнейшей разработкой вопросов, возникающих при создании «Многоязычного словаря фразеологических единиц», включающего в себя наряду с устойчивыми переосмыщенными выражениями пословицы и поговорки четырех разноструктурных языков [78].

Объектом целого ряда докторских диссертаций казанских ученых становится паремиология – пословицы, поговорки, а также народные приметы.

В докторской диссертации Т.Г. Бочиной осуществлен комплексный анализ русских пословиц и поговорок, основанных на контрасте. Автор исследует такие обобщенно-типизированные выразительные средства, как антитеза, акротеза, дезидентификация, оксюморон и ирония. На основе проделанного анализа ученый приходит к выводу о том, что субъективность контраста обнаруживается в аксиологической сущности бинарного восприятия мира, вследствие чего контраст является универсальным лингвокогнитивным принципом русских пословиц, кроме того, ассоциирование по контрасту обеспечивает динамичность познания, дискурса и его результатов [26].

Диссертации Ф.Х. Тарасовой посвящена сопоставительному изучению принципов структурирования паремий в татарском, русском и английском языках. Автор выявляет асимметрию пословичной картины мира, которая проявляется в синтагматических и парадигматических несоответствиях между содержательной структурой паремий

сопоставляемых языков и обозначаемыми реалиями, рассматривает pragmaticический потенциал пословиц и поговорок, которые нацелены на передачу опыта и ценностно нравственных устоев. Одной из важных задач, которые ставит перед собой ученый, является решение проблемы репрезентации в структурно грамматическом пространстве паремий исходных языков универсальных семантических категорий [90].

Статус народных примет в паремиологической системе языка был определен в диссертационной работе Н.Н. Фаттаховой: народные приметы впервые рассматриваются ученым как языковая единица, имеющая свою семантику и структуру. Автор работы прослеживает взаимодействие и взаимосвязь имплицитных и эксплицитных факторов на семантическом уровне и на уровне формальной репрезентации категориального значения. Большое значение имеет разработка типологии синтаксических моделей, а также разновидностей способов реализации типовой семантики народных примет в зависимости от их синтаксического статуса, степени сложности и уровневой принадлежности [92].

Проблема изучения феномена народной приметы как части паремиологического фонда находит свое логическое развитие в диссертации М.А. Кульковой, в которой раскрывается когнитивно-прагматический аспект смыслообразования приметы на материале русского и немецкого языков. Автор изучает способы семантического осложнения примет посредством анализа актантных, атрибутивных и сирконстантных компликаторов, выявляет прагматический потенциал народных примет и производит их каталогизацию в соответствии с иллоктивной направленностью. Одним из важных аспектов диссертационного исследования является исследование оценочной категоризации объективной действительности в народных приметах (с последующим выявлением в них эксплицитных и имплицитных средств отражения оценочной семантики), а также описание когнитивного механизма декодирования косвенного смысла в приметах [62].

Функционально-речевой и переводческий аспекты исследования ФЕ

В последние десятилетия все более популярным становится функционально-речевой аспект исследования фразеологизмов, который предполагает изучение речевого поведения и функциональной значимости фразеологизмов в различных типах текстов. Особый интерес ученых вызывают различного рода контекстуальные трансформации ФЕ, поскольку именно модифицированные фразеологизмы характеризуются повышенной эмоционально-экспрессивной насыщенностью [1, 2, 41, 51].

Фразеологические трансформации рассматриваются казанскими учеными на различном материале, в частности, в рекламных текстах [85], в англоязычных и русскоязычных официальных правительственные блогах [70], на материале произведений А.И. Солженицына и их англоязычных переводов [96].

Предметом изучения докторской диссертации Д.Н. Давлетбаевой являются структурно-семантические, когнитивные и прагматические особенности процесса фразеологических трансформаций в русском, английском, французском и турецком языках, а также факторы, детерминирующие процессы образования фразеологических трансформов. Главным результатом исследования является разработка комплексного метода моделирования фразеологических трансформаций и раскрытие системного характера фразеологических трансформаций. Другой важный аспект, который раскрывается в диссертации – это особенности перевода окказиональных фразеологических единиц и решение проблемы лексикографической фиксации фразеологических трансформов в словаре [42].

В центре внимания исследования К.А. Башкировой находятся механизмы моделируемости трансформированных единиц в устном публицистическом дискурсе. Результаты проведенного ученым эксперимента были получены с помощью специализированных компьютерных программ по изучению различных типов перевода фразеологических единиц публичного дискурса в двух сопоставляемых языках [24].

Ключевым аспектом исследования двух коллективных монографий, написанных под редакцией проф. Е.Ф. Арсентьевой, также является использование фразеологизмов в контексте. Проблема окказионального использования ФЕ рассматривается на обширном фактическом материале русского, английского, немецкого, испанского и татарского языков, что позволяет авторам раскрыть стилистический потенциал модифицированных ФЕ и прийти к выводу о значительном сходстве в использовании контекстуальных трансформаций в различных языках [58, 109].

Центральной проблемой научных работ, выполненных в перевodческом аспекте исследования, становится вопрос адекватности перевода ФЕ в художественных произведениях. Как правило, в качестве материала исследования выбираются произведения классиков мировой художественной литературы, к примеру, фразеология в произведениях А.С. Пушкина [103], фразеологизмы-шекспиризмы [15]. Ученые выделяют наиболее частотные способы перевода фразеологизмов, характерные для того или иного автора, определяют особенности перевода окказиональных фразеологических единиц [23, 67].

А.Р. Каюмова исследует в своей диссертации способы перевода фразеологизмов в произведениях У. Коллинза на русский и испанский языки. По мнению ученого, переводчики зачастую не уделяют должного внимания переводу авторских ФЕ, что приводит к семантическому буквализму либо к искажению смысла. Исследователь предлагает свой собственный алгоритм перевода трансформированных ФЕ, который способствует более точному переводу авторских фразеологизмов и к более полному раскрытию замысла автора [55].

Н.И. Гололобова проводит исследование на материале переводов произведений Д.Г. Лоуренса и обращает внимание на то, что критерии качества перевода ФЕ осложняются необходимостью максимально возможного сохранения образности. В то же время автор отмечает, что современное состояние лексикографии, развитие электронных словарей способствует повышению качества перевода ФЕ [38].

Монография Е.А. Андреевой посвящена исследованию проблемы эквивалентности и лакунарности аксиологических фразеологизмов русского и немецкого языков [5]. Особое внимание в работах автора уделяется образности фразеологических единиц, с которой может быть связан их аксиологический статус. Автор справедливо отмечает, что восстановление экстралингвистической ситуации, под влиянием которой возник фразеологический образ, необходимо для понимания национальной специфики русской и немецкой фразеологии.

Достаточно интенсивно в Казани развивается и фразеографическое направление. Вышел в свет ряд монографий, в которых освещены актуальные проблемы современной фразеографии в сопоставительном аспекте, описываются оптимальные принципы организации фразеологического материала и релевантной структуры словарной статьи [11]. В монографию, изданную по результатам конференции EUROPHRAS, состоявшейся в Казанском федеральном университете в 2013 году, включены исследовательские работы не только казанских ученых, но и ведущих специалистов по фразеологии из Германии, Австрии, Словакии, Испании и др. В книге отражены многочисленные аспекты семантики и сопоставительного изучения фразем европейских языков. Значительное место занимают работы по исследованию модифицированных фразеологизмов и фразеографии [108].

В 2010 году была защищена докторская диссертация Р.А. Аюповской, посвященная изучению основных принципов макроструктурной организации фразеологических словарей и общих тенденций лексикографического описания всех аспектов фразеологического значения, выработанных в татарском языкознании в сопоставлении с русским и английским. Данное исследование вносит значительный вклад в развитие теоретических основ фразеографического описания татарских ФЕ, так как в его рамках осуществлено обобщение фразеографического опыта трех разносистемных языков на основе сопоставительного изучения основных фразеологических словарей как на уровне макроструктуры, так и на уровне их микроструктуры. Важно отметить, что в

рамках данного исследования впервые с теоретической точки зрения поднимаются и рассматриваются проблемы электронной фразеографии татарского языка [16].

На сегодняшний день казанскими учеными составлено достаточно большое количество одно- и двуязычных словарей с привлечением различных комбинаций языков: русско-английские фразеологические словари, русско-татарские и татарско-русские фразеологические словари [82]. В отдельную группу можно выделить фразеологические словари, включающие определенные тематические группы фразеологизмов, например, словарь фразеологизмов библейского происхождения [20, 33]. Особого внимания заслуживают многоязычный словарь Е.Ф. Арсентьевой [77], идеографический фразеологический словарь русского, татарского и английского языков Г. Гизатовой [36] и аксиологические словари ценностей и антиценностей Л. К. Байрамовой [19, 20].

Заключение

Таким образом, подводя итоги обзора деятельности Казанской лингвистической школы в области фразеологии, можно утверждать, что на сегодняшний день в Татарстане достаточно широко представлены различные направления и аспекты изучения фразеологии. Существующие исследования свидетельствуют о высоком познавательном интересе к сопоставительному изучению фразеологического материала, особенно в лингвокультурологическом и когнитивно-дискурсивном аспекте. Обзор диссертационных работ в области фразеологии позволил выявить широкий спектр исследованных фразеотематических полей, который на данном этапе помогает ученым проводить типологические исследования с целью выявления закономерностей, присущих фразеологическому уровню языка в целом. Изучение ценностной картины мира посредством сопоставительного изучения фразеологии способствует пониманию культурных и моральных норм, национальной специфики носителей сопоставляемых языков.

На современном этапе развития фразеологии все чаще предметом исследования становятся процессы дискурсивного использования фразеологизмов, различные виды трансформаций, а также проблемы моделируемости фразеологических трансформов. Исследователи учитывают последние достижения теории фразеологии, используют современные методы и технологии в своей работе, такие как корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, что позволяет проводить более точный и эффективный анализ окказиональных фразеологических единиц и находить новые подходы к их изучению.

Важно отметить, что работы казанских фразеологов имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Они могут быть использованы как для преподавания фразеологии и лексикологии, так и для переводческих целей. Ученым удалось обобщить фразеографический опыт предыдущих лет и создать достаточно большое количество как одноязычных, так и многоязычных фразеологических словарей. Особенно большой вклад был сделан в области фразеографии татарского языка.

В целом, работы казанских фразеологов характеризуются высоким уровнем научности, инновационностью, теоретической и практической значимостью. Они вносят существенный вклад в развитие фразеологии как лингвистической дисциплины и имеют большое значение для сопоставительного изучения языков и культур.

Литература

1. *Абдуллина А.Р.* Контекстуальные трансформации фразеологических единиц в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Абдуллина. – Казань, 2007. – 167 с.
2. *Абдуллина Л.Р.* Функционирование глагольных фразеологических единиц в газетном тексте: на материале французского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук / Л.Р. Абдуллина. – Казань, 2008. – 163 с.
3. *Алеева Г.Х.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, характеризующих внешность человека, в английском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Х. Алеева. – Казань, 1999. – 22 с.

4. *Аль-Дайбани А.А.* Фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Аль-Дайбани. – Казань, 2003. – 199 с.
5. *Андреева Е.А.* Эквивалентность и лакунарность русских и немецких аксиологических фразеологизмов / Е.А. Андреева. – Казань: ООО «Офсет-Сервис», 2015. – 184 с.
6. *Андреянова М. А.* Реализация концептосферы «материнство» в русском, английском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Андреянова. – Казань, 2012. – 206 с.
7. *Ардаширова Р.Б.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц репрезентации концепта «сердце»/«йөрәк» в русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Б. Ардаширова. – Казань, 2011. – 22 с.
8. *Арсентьева Е.Ф.* Русско-английский фразеологический словарь / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Хэтер, 1999. – 320 с.
9. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1983. – 214 с.
10. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1993. – 329 с.
11. *Арсентьева Е.Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.
12. *Арсентьева Ю.С.* Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Ю.С. Арсентьева. – Казань, 2012. – 177 с.
13. *Афанасьева О.В.* Семантическая структура концепта «время» и ее отражение во фразеологических системах английского, испанского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Афанасьева. – Казань, 2007. – 188 с.
14. *Ахметсагирова Л.И.* Языковая картина мира сквозь призму фразеологии военной сферы: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Ахметсагирова. – Казань, 2010. – 197 с.
15. *Аюпова Р.А.* Фразеологизмы-шекспиризмы и способы их перевода на татарский язык: дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Аюпова. – Казань, 2001. – 229 с.
16. *Аюпова Р.А.* Фразеографическое описание татарского, русского и английского языков: дис. ... д-ра филол. наук / Р.А. Аюпова. – Казань, 2010. – 367 с.

17. *Багаутдинова Г.А.* Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / Г.А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 332 с.
18. *Базарова Л.В.* Концепт «Бог» во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Базарова. – Казань, 2011. – 22 с.
19. *Байрамова Л.К.* Аксиологический фразеологический словарь английского языка. Словарь ценностей и антиценостей / Л.К. Байрамова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 376 с.
20. *Байрамова Л.К.* Аксиологический словарь фразеологизмов-библеизмов на русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском, английском, немецком, французском языках: словарь ценностей и антиценостей / Л.К. Байрамова, В.А. Бойчук. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – 352 с.
21. *Байрамова Л.К.* Введение в контрастивную лингвистику / Л.К. Байрамова. – Казань, 1994. – 119 с.
22. *Байрамова Л.К.* Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков / Л.К. Байрамова. – 2-е изд., доп. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – 496 с.
23. *Байрамова Л.К.* Фразеология в произведениях В.И. Ленина и принципы ее перевода на татарский язык: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.К. Байрамова. – М., 1983. – 34 с.
24. *Башкирова К.А.* Моделируемость фразеологических единиц в дискурсе публичной коммуникации в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / К.А. Башкирова. – Казань, 2022. – 177 с.
25. *Бичурина Г.И.* Фразеологическая полисемия в русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Г.И. Бичурина. – Казань, 1998. – 169 с.
26. *Бочина Т.Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... д-ра филол. наук / Т.Г. Бочина. – Казань, 2003. – 449 с.
27. *Быйык Я.А.* Фразеологические единицы с колоративным компонентом в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук / Я.А. Быйык. – Казань, 2015. – 151 с.
28. *Галиева А.Т.* Синонимия глагольных фразеологических единиц, выражающих отношения между людьми, в немецком и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.Т. Галиева. – Казань, 2004. – 220 с.
29. *Галлявиева Л.Ш.* Фразеологические единицы с компонентом – наименованием лица по профессии в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Л.Ш. Галлявиева. – Казань, 2018. – 214 с.

30. *Гарифуллина А.М.* Фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства человека, в турецком и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.М. Гарифуллина. – Казань, 2005. – 325 с.
31. *Гатауллина Р.В.* Фразеологические единицы, характеризующие психические состояния человека, в немецком, английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Р.В. Гатауллина. – Казань, 2010. – 205 с.
32. *Гатиатуллина З.З.* Сравнительное исследование фразеологических единиц с компонентом глаголом движения (на материале английского, немецкого и шведского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.З. Гатиатуллина. – М., 1968. – 16 с.
33. *Гатиатуллина З.З.* Англо-русский словарь библейских фразеологизмов / З.З. Гатиатуллина, В.А. Мендельсон. – Казань: Аделаида, 2002. – 180 с.
34. *Гизатова Г.К.* Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии: на материале татарского, русского и английского языков: дис. ... д-ра филол. наук / Г.К. Гизатова. – Казань, 2010. – 283 с.
35. *Гизатова Г.К.* Типология фразеологических универсалий / Г.К. Гизатова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010.
36. *Гизатова Г.К.* Идеографический фразеологический словарь русского, татарского и английского языков / Г.К. Гизатова, З.А. Люстиг, Л.Ш. Галявиева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 420 с.
37. *Гильфанова Д.А.* Фразеологические единицы, выражающие свадебные традиции, в английском, русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Гильфанова. – Казань, 2013. – 146 с.
38. *Гололобова Н.И.* Фразеологические единицы в произведениях Д.Г. Лоуренса и их перевод на русский язык: дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Гололобова. – Казань, 2021. – 163 с.
39. *Григорьева Л.Л.* Фразеологическая репрезентация религиозного мира человека: на материале русского, английского и арабского языков: дис. ... канд. филол. наук / Л.Л. Григорьева. – Казань, 2009. – 196 с.
40. *Гурьянов И.О.* Книжные фразеологические единицы в английском, русском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук / И.О. Гурьянов. – Казань, 2016. – 173 с.
41. *Давлетбаева Д.Н.* Индивидуально-авторская фразеология: вызов времени и объективация в языке (на материале русского, английского, французского и турецкого языков) / Д.Н. Давлетбаева. – Казань: Изд-во АН РТ, 2012. – 260 с.
42. *Давлетбаева Д.Н.* Типологическая моделируемость фразеологических трансформаций (на материале русского, английского, французского и

турецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук / Д.Н. Давлетбаева. – Казань, 2012. – 490 с.

43. *Дарзаманова Г.З.* Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Г.З. Дарзаманова. – Казань, 2002. – 174 с.

44. *Деньгина А.В.* Фразеологические единицы с компонентом религионным в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Деньгина. – Казань, 2019. – 18 с.

45. *Диас Е.Д.В.* Фразеологические единицы, обозначающие возраст человека, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Е.Д.В. Диас. – Казань, 2019. – 160 с.

46. *Долгополов Ю.А.* Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Долгополов. – Казань, 1973. – 23 с.

47. *Жолобова А.О.* Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.О. Жолобова. – Казань, 2005. – 267 с.

48. *Закиров Р.Р.* Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Р.Р. Закиров. – Казань, 2003. – 267 с.

49. *Залялеева А.Р.* Английские и русские фразеологические единицы с компонентом «человек»: дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Залялеева. – Казань, 2003. – 240 с.

50. *Зиннатуллина Л.М.* Адвербальные фразеологические единицы в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Зиннатуллина. – Казань, 2013. – 170 с.

51. *Зыкова А.А.* Функционально–речевой аспект фразеологических единиц литературного происхождения в русском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Зыкова. – Казань, 2010. – 192 с.

52. *Ибрагимова И.И.* Сравнительно–сопоставительное исследование соматических фразеологизмов (на материале английского и татарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.И. Ибрагимова. – Казань, 1993. – 21 с.

53. *Игнатьева М.Э.* Отражение времени и пространства во фразеологии русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / М.Э. Игнатьева. – Казань, 2004. – 176 с.

54. *Ильясова Л.И.* Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Ильясова. – Казань, 2009. – 244 с.

55. *Каюмова А.Р.* Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствия в русском и испанском переводах: дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Каюмова. – Казань, 2010. – 170 с.
56. *Каримова С.Г.* Адъективные фразеологические единицы метафорического характера в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / С.Г. Каримова. – Казань, 2007. – 169 с.
57. *Коноплева Н.В.* Фразеологические единицы, характеризующие лиц мужского пола, в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Коноплева. – Казань, 2009. – 23 с.
58. Контекстуальное использование фразеологических единиц / под ред. проф. Е.Ф. Арсентьевой. – Казань: Хэтер, 2009. – 168 с.
59. *Кормильцева А.В.* Лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках (на примере устойчивых выражений): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Кормильцева А.В. – Казань, 2015. – 228 с.
60. *Кочемасова Д.Р.* Языковая репрезентация концепта «труд» в паремиологических единицах английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук / Д.Р. Кочемасова. – Казань, 2012. – 166 с.
61. *Крепкогорская Е.В.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Крепкогорская. – Казань, 2012. – 233 с.
62. *Кулькова М.А.* Когнитивно-смысловое пространство народной притомы: дис. ... д-ра филол. наук / М.А. Кулькова. – Казань, 2011. – 410 с.
63. *Макарова С.Г.* Функционально-стилистический компонент коннотации фразеологических единиц русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Г. Макарова. – Казань, 1999. – 24 с.
64. *Маклакова Е.М.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом и их лексикографизация: на материале английского, французского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Маклакова. – Казань, 2012. – 247 с.
65. *Марданова Д.М.* Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук / Д.М. Марданова. – Казань, 1997. – 283 с.
66. *Матвеева Ю.О.* Фразеологические единицы с музыкальным термином в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Ю.О. Матвеева. – Казань, 2017. – 185 с.
67. *Медведев Ю.В.* Фразеологические единицы в английских поэтических текстах и их русских переводах: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Медведев. – Казань, 2007. – 215 с.

68. *Мендельсон В.А.* Фразеологические единицы библейского происхождения в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / В.А. Мендельсон. – Казань, 2002. – 347 с.
69. *Миннуллина Г.В.* Фразеологические единицы с глаголами движения в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Миннуллина. – Казань, 1998. – 25 с.
70. *Миргалимова Л.М.* Употребление трансформированных фразеологических единиц в англоязычном и русскоязычном официальных правительственные блогах: дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Миргалимова. – Казань, 2021. – 185 с.
71. *Молостова Е.П.* Экспрессивный компонент семантики фразеологизмов-антропоцентризмов русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Молостова. – Казань, 2000. – 191 с.
72. *Мухамадьярова А.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических и паремиологических единиц с компонентом-колоронимом (на материале немецкого, русского и татарского языков): дис. ... канд. филол. наук / А.Ф. Мухамадьярова. – Казань, 2019. – 170 с.
73. *Нуризянова З.Х.* Сопоставительный анализ ФЕ фразеотематического поля «семья» в английском и турецком языках: дис. канд. филол. наук / З.Х. Нуризянова. – Казань, 1999. – 173 с.
74. *Пименова Н.Д.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом в английском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Пименова. – Казань, 2002. – 20 с.
75. *Полькина Г.М.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с антонимичными компонентами в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Г.М. Полькина. – Казань, 2002. – 242 с.
76. *Праченко О.В.* Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Праченко. – Казань, 2004. – 273 с.
77. Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь / сост. Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 720 с.
78. *Сакаева Л.Р.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности: на материале русского, английского, таджикского и татарского языков: дис. ... д-ра филол. наук / Л.Р. Сакаева. – Казань, 2009. – 408 с.
79. *Салиева Р.Н.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с прозрачной внутренней формой в английском и русском языках / Р.Н. Салиева. – Казань, 2009. – 152 с.

80. *Сафина Г.М.* Фразеология с компонентами-космонимами в русском, татарском, английском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.М. Сафина. – Казань, 1998. – 18 с.
81. *Сафина, Р.А.* Фразеологические единицы, выражающие материально–денежные отношения, в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Сафина. – Казань, 2002. – 264 с.
82. *Сафиуллина Ф.С.* Татарско-русский фразеологический словарь: ок. 16000 фразеол. единиц / Ф. С. Сафиуллина. – Казань: Магариф, 2001. – 335 с.
83. *Сафиуллина Г.Р.* Фразеологические единицы с затемненной внутренней формой в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук / Г.Р. Сафиуллина. – Казань, 2000. – 257 с.
84. *Семушкина Е.Ю.* Сопоставительный анализ субстантивных фразеологических единиц и сложных слов, семантически ориентированных на характер человека, в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Семушкина. – Казань, 2004. – 24 с.
85. *Соболева Н.П.* Контекстуальное использование фразеологических единиц в языке рекламы: дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Соболева. – Казань, 2015. – 184 с.
86. *Солнышкина М.И.* Общее и различное в формировании и структуре фразеотематического поля в разных языках (на материале фразеотематического макрополя мореплавания русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.И. Солнышкина. – Саратов, 1993. – 18 с.
87. *Солодухо Э.М.* Проблемы интернационализации фразеологии: (на материале языков славянской, германской и романской групп): дис. ... д-ра филол. наук / Э.М. Солодухо. – Казань, 1983. – 456 с.
88. *Солодухо Э.М.* Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан, гос. ун-та, 1989. – 294 с.
89. *Спирина Т.С.* Фразеологические единицы, характеризующие власть, в английском, немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Спирина. – Казань, 2015. – 24 с.
90. *Тарасова Ф.Х.* Лингвокультурологические и когнитивнопрагматические основания изучения татарских паремий на фоне других языков: дис. ... д-ра филол. наук / Ф.Х. Тарасова. – Казань, 2012. – 404 с.
91. *Труфанова Л.А.* Субстантивные фразеологические единицы с неличным значением в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Труфанова. – Казань, 2009. – 23 с.

92. *Фаттахова Н.Н.* Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект: дис. ... д-ра филол. наук / Н.Н. Фаттахова. – Казань, 2002. – 402 с.
93. *Хабибуллина А.Э.* Фразеологические единицы, выражающие состояние человека, в русском, английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.Э. Хабибуллина. – Казань, 2010. – 194 с.
94. *Хамматова А.Ш.* Сопоставительное исследование глагольных фразеологизмов с компонентами-глаголами динамики в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук / А.Ш. Хамматова. – Казань, 1999. – 139 с.
95. *Хасанова Л.Г.* Турецкие субстантивные фразеологические единицы в сопоставлении с английскими: дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Хасанова. – Казань, 2003. – 234 с.
96. *Хасибулина Д.А.* Модели фразеологических трансформаций в произведениях А.И. Солженицына и их переводах на английский язык: дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Хасибулина. – Казань, 2017. – 243 с.
97. *Чернова М.С.* Фразеологические единицы, построенные на гиперболе, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / М.С. Чернова. – Казань, 2008. – 180 с.
98. *Шаймарданова М.Р.* Прагмалингвистический анализ гендерно-маркированных паремий (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / М.Р. Шаймарданова. – Казань, 2015. – 292 с.
99. *Шангараева Л.Ф.* Фразеологические единицы, характеризующие трудовую деятельность, в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / Л.Ф. Шангараева. – Казань, 2004. – 218 с.
100. *Шарипова Р.Й.* Категория рода во фразеологии английского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук / Р.Й. Шарипова. – Казань, 2004. – 174 с.
101. *Шишова Е.В.* Дисфемия в современном российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Шишова. – Казань, 2017. – 26 с.
102. *Шигабутдинова Л.Н.* Сопоставительный анализ фразеологизмов-маринизмов в английском, русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Шигабутдинова. – Казань, 2004. – 222 с.
103. *Щербакова И.К.* Глагольные лексические и фразеологические единицы в языке переводов произведений А. С. Пушкина на английский языке: дис. ... канд. филол. наук / И.К. Щербакова. – Казань, 2003. – 223 с.
104. *Юнусова Р.Д.* Аксиология фразеологизмов со значением «гостеприимство» / "кунакчыллык" в русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук / Р.Д. Юнусова. – Казань, 2009. – 157 с.

105. *Юсупов Р.А.* Общее и специфическое в лексико-семантической и фразеологической системе русского и татарского языков: дис. ... д-ра филол. наук / Р.А. Юсупов. – Казань, 1981. – 370 с.
106. *Ялалова Р.Р.* Фразеологические единицы, характеризующие болезнь – здоровье, в английском, немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Р.Р. Ялалова. – Казань, 2014. – 203 с.
107. *Яхина А.М.* Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках: на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека: дис. ... канд. филол. наук / А.М. Яхина. – Казань, 2008. – 226 с.
108. *Phraseology in Multilingual Society* / ed. E. Arsenteva. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. – 386 с.
109. *The Discoursal Use of Phraseological Units*. Edited by Elena Arsenteva. – Cambridge Scholars Publishing, 2021. – 368 p.
110. *Structural fixedness and conceptual idomaticity: Elena Arsentieva in memoriam*. – Granada: Editorial Comares Spain, 2023.

ГЛАВА II

КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ МОДЕЛИРУЕМОСТЬ

В УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ТЕКСТЕ

Гурьянов И.О., Гурьянова К.А.

Введение

Фразеологические единицы представляют собой уникальный культурный и стилистический пласт языка, который активно используется носителями языка и создателями электронного контента. Фразеология и сегодня представляет интерес для широкого числа исследователей. Е.Ф. Арсентьева указывала в своих многочисленных трудах по изучению фразеологии, что «исследование всей фразеологической системы может быть успешным лишь при тщательном изучении её отдельных микросистем, которые характеризуются наличием общих и специфических признаков, присущих всей системе в целом» [1, с. 5].

Достаточно высокая частотность употребления фразеологизмов приводит к активному стиранию метафор, заложенных в изначальных единицах, что влечет за собой значительные трансформации и моделируемость таких единиц, вызывающие интерес у лингвистов и исследователей медиадискурса. Особенность фразеологических единиц создавать новые модели и трансформировать привычную форму, при этом не меняя свой исходный метафорический образ, признается большим количеством ученых, несмотря на отсутствие по этому поводу единодушного мнения. Существует ряд ученых, которые полагают, что при создании фразеологической трансформации образ исходной единицы разрушается, и это приводит к созданию новой единицы [10]. В нашем исследовании мы, вслед за И.Ю. Третьяковой, Д.Н. Давлетбаевой, В.М. Мокиенко, признаем способность фразеологических единиц к структурно-семантической моделируемости [3, с.19].

Данное исследование посвящено анализу публичного дискурса с точки зрения использования фразеологических единиц в свободной речи различных спикеров, ориентированных не только на массовую, но и множественную аудиторию. Нами был проведен количественный и качественный анализ моделируемости фразеологических единиц книжного, в том числе библейского, происхождения.

Несмотря на то, что книжная фразеология чаще употребляется в литературе, значительное количество подобных единиц проникает как в общественно-политическую, публичную, так и в разговорную речь носителей языков. К книжной фразеологии можно отнести единицы, в составе которых встречаются компоненты, сохранившие стилистическую характеристику устаревших слов, слова-термины древнего антропонаима и топонима, слова иноязычного заимствования [5, с. 40]. Данное утверждение объясняет тот факт, что книжные фразеологические единицы со временем перестают быть общеупотребительными, однако существуют определенные тенденции, которые мы перечислим ниже.

Во-первых, можно проследить тенденцию к ассимиляции книжных фразеологизмов в речи, во-вторых, к созданию новых моделей трансформаций подобных единиц. В первом случае единицы не воспринимаются носителями языка как книжные вследствие частотности их употребления, что может приводить к стиранию их изначального фразеологического образа, а также к этимологической ошибке в их употреблении. Приведем в пример выражение: «*рыбак рыбака видит издалека*». Данная фразеологическая единица используется для обозначения людей, имеющих схожие интересы или профессиональные навыки, что позволяет говорить о профессиональной солидарности. Однако этимологический анализ единицы приводит нас к полной форме выражения: «*рыбак рыбака видит издалека и стороной обходит*». Мы наблюдаем изменение значения единицы, в частности речь идет о людях, которые знают свои и чужие особенности и стараются не контактировать друг с другом.

Во втором случае характерными моделями могут являться примеры диахронного эллипсиса, когда часть фразеологической единицы отбрасывается говорящими: *не все коту масленица* (оригинал, как указано в «Пословицы и поговорки русского народа» Владимира Даля, – *не все коту масленица, будет и великий пост*); *Ignorance is bliss* (исходная единица – *where ignorance is bliss, 'tis folly to be wise* – относится к 1742 году, когда ее впервые употребил Томас Грей в поэме «Ode on a Distant Prospect of Eton College») [3].

Фразеологические единиц с библейским компонентом в современном медиадискурсе

Библеизмы – это особая группа фразеологических единиц, представляющих собой образные выражения и афоризмы библейского происхождения. Словари лингвистических и литературных терминов трактуют библеизмы как библейские слова и выражения, вошедшие в обиход. У Верещагина Е.М. мы находим следующую трактовку: «...библеизмы – это обширное понятие, включающее в себя лексические единицы разных уровней языка, непосредственно заимствованные из Библии или созданные на основе библейских сюжетов, которые получили широкое распространение в разных жанрах литературного языка» [4, с. 92].

Кунин А.В. утверждал, что библеизмы наиболее часто подвергаются процессу стирания стилистической маркированности ввиду их частотного употребления: «фразеологизмы библейского происхождения ... обрастают вариантами, подвергаются изменениям, от них могут образовываться производные» [7, с. 71].

Изучение фразеологических единиц, ввиду их осложненной семантики и наличия метафорического образа, понятного зачастую лишь носителям культуры, остается и сегодня затруднительной задачей, еще и в силу способности ФЕ видоизменяться на различных уровнях: лексическом, синтаксическом, структурном, морфологическом [3, с. 22].

Сегодня существует множество новых способов, позволяющих осуществлять исследования фразеологических единиц, благодаря развитию компьютерных технологий. В частности, появляется возможность проводить статистические подсчеты, квантитативный анализ, обрабатывать большие массивы данных. Однако трудность исследований фразеологии заключается, как уже отмечалось выше, в наличии устойчивого метафорического образа, который не нарушается при серьезных структурных и семантических трансформациях. Даже при смешанных типах моделируемости, при которых утрачивается исходный вид единицы, метафорический образ сохраняется и узнается носителями. Например, при смешении грамматической, семантической и квантитативной вариантности: *А кто у нас все портит? Конечно же одна-единственная овца* (С. Минаев 12:53), образ исходной единицы «паршивая овца все стадо портит» остается узнаваемым. Подобную моделируемость можно наблюдать как в русском, так и в английском языках: *Не Мбappe единым!* (Матч Пари Сен-Жермен – Барселона, Лига Чемпионов 2024) – «не хлебом единственным», *В Англии родился, в Испании пригодился* (О Джуде Беллингеме, Реал Мадрид – Пари Сен-Жермен, Лига Чемпионов 2022) – «где родился, там и пригодился»; *Glass houses, Mr Mason* (About Perry Mason 13:15) – «people who live in glass houses shouldn't throw stones», *Listen to the damsels in armour* (Joan of Ark) – «damsel in distress». Данная трансформационная подвижность фразеологических единиц значительно усложняет квантитативные исследования, так как поисковые алгоритмы работают по принципу поиска полного соответствия единицы, поиск трансформированных единиц подразумевает перечисление всех возможных вариантов трансформаций таких единиц. Так как нами была предпринята попытка проанализировать спонтанную речь спикеров, поиск трансформированных единиц на таких платформах, как Youglish, YouTube, был осложнен.

До последних лет исследования в квантитативной области лингвистики заключались, в основном, в изучении письменного дискурса. Так, в предыдущих работах мы основывались на таких ресурсах, как: «Google

«Ngram Viewer», «Ruscorpora» – корпус русского языка, «BNC» – британский национальный корпус [5, с. 101]. Данные ресурсы позволили нам исследовать книжные фразеологические единицы (в частности, библейизмы) с точки зрения пика их употребления в разноструктурных языках и проанализировать частотности их употребления в современных медиадискурсах. При проведении исследования мы столкнулись с такими проблемами, как невозможность исследовать частотность использования трансформаций, так как, к примеру, «Google Ngram Viewer» позволяет вводить в окна поиска только узульные формы единиц [5, с. 103]. Кроме того, программа не может отличить буквальное значение единицы от метафорического, что приводит к тому, что трансформации необходимо вводить самостоятельно.

Квантиативный анализ фразеологизмов библейского происхождения

Методом сплошной выборки из словарей и энциклопедий нами было отобрано 89 фразеологических единиц библейского происхождения, которые впоследствии мы исследовали при помощи поисковых программ для письменного публичного дискурса – «Google Ngram Viewer», и устного публичного дискурса – «Youghlish». Данные ресурсы позволяют отследить частотность употребления единицы, кроме того, «Google Ngram Viewer» позволяет определить пик употребления единицы за последние два столетия, а при помощи «Youghlish» возможно также отследить стилистическую корреляцию использования единиц и выявить некоторые виды моделируемости единиц.

Несмотря на тот факт, что исследованные единицы относятся к книжному, порой устаревшему стилю, к редко встречаемым единицам в обоих компонентах публичного дискурса относятся лишь 26 % исследованных единиц (рис. 2.1).

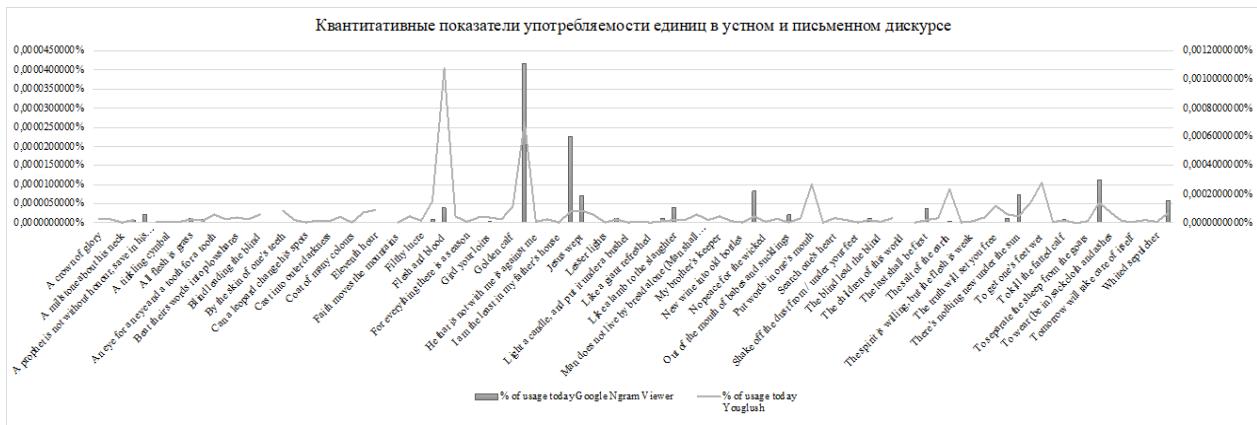

Рис. 2.1. Кванитативные показатели употребляемости библеизмов в устном и письменном дискурсе

Остановимся на пиковых значениях: 15 наиболее часто встречающихся единиц представлены на диаграмме ниже (рис. 2.2).

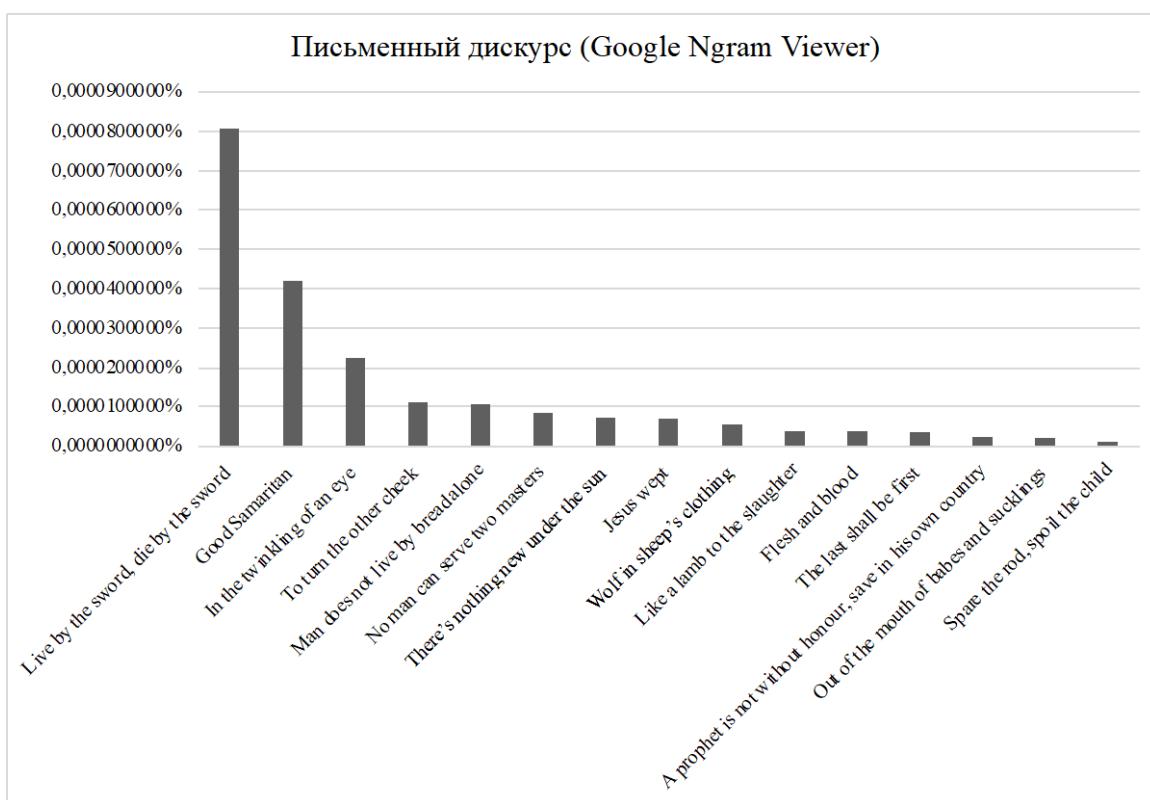

Рис. 2.2. Наиболее часто встречающиеся библеизмы в письменном дискурсе

Далее были рассмотрены наиболее частотные библеизмы в устном дискурсе с помощью ПО Youglush (рис. 2.3).

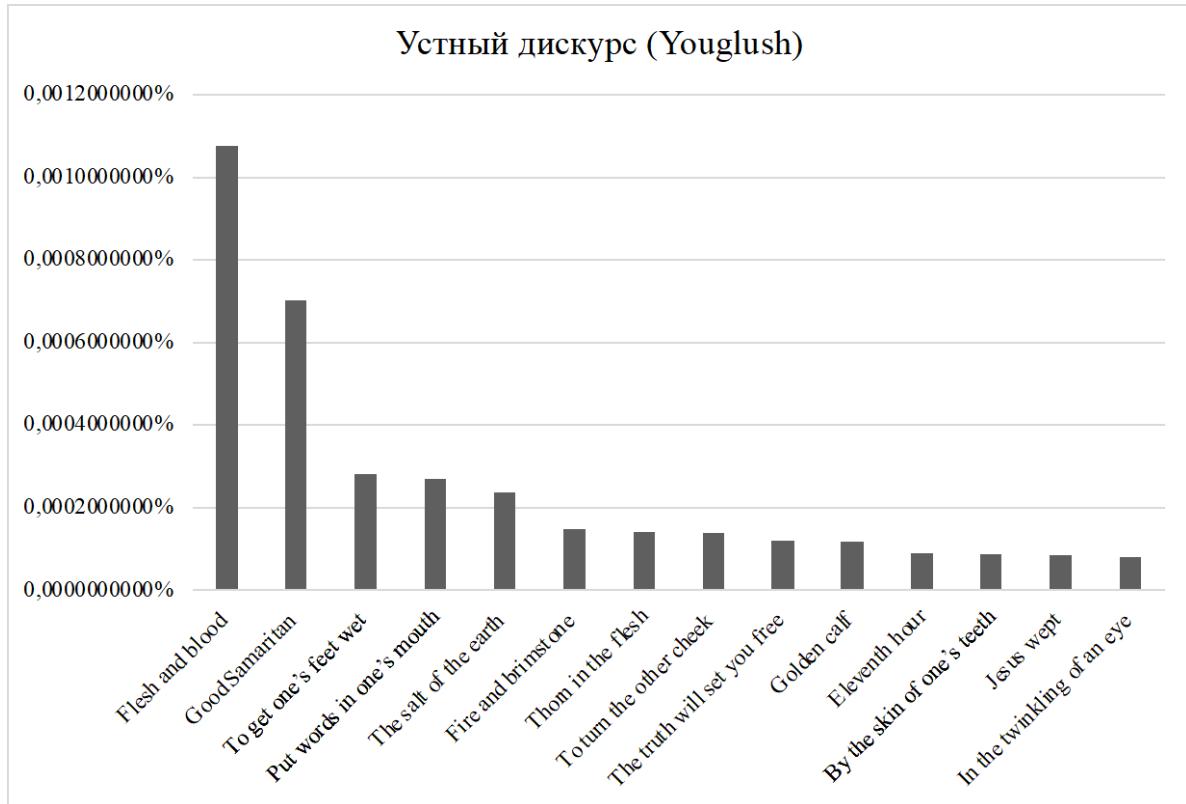

Рис. 2.3. Наиболее часто встречающиеся библеизмы в устном дискурсе

На представленных выше диаграммах мы можем наблюдать экстремумы для изучаемого массива данных. Можно отметить, что показатели максимальной частотности для письменного и устного дискурсов отличаются: наиболее часто употребляемой единицей для письменного дискурса является единица *Live by the sword, die by the sword* (*Matthew 26:52*), в то время как для устного дискурса – единица *Flesh and blood* (*Matthew 16:17*).

Некоторые единицы из исследованного массива не были найдены в письменном дискурсе: *A rod for one's own back* (*Proverbs 10.13*), *Bow down one's ear to somebody* (*Psalms XXXI*), *By the skin of one's teeth* (*Job 19, 20*), *By the sweat of your brow* (*Genesis 3:19*), *Can anything good come*

*out of Nazareth? (John 1.46), Entertain an angel unawares (Hebrews XIII, 2), The children of this world (Luke XVI, 8) и другие. Необходимо отметить, однако, что подобное отсутствие данных может быть вызвано особенностями поисковой системы Google Ngram Viewer. Данные показатели частично коррелируют с устным дискурсом, в котором единицы *Entertain an angel unawares (Hebrews XIII, 2), The children of this world (Luke XVI, 8), Bow down one's ear to somebody (Psalms XXXI)* также не были найдены. В устном публичном дискурсе не была обнаружена единица *A prophet is not without honour, save in his own country (Matthew 13.57)*, в то время как в письменном дискурсе она использовалась достаточно часто. Сравнительный анализ данных можно увидеть на диаграмме ниже (рис. 2.4).*

Рис. 2.4. Сравнительный анализ употребляемости единиц, не обнаруженных в дискурсе

Также сравним наиболее частотные и наименее частотные единицы в двух анализируемых дискурсах (рис. 2.5, 2.6).

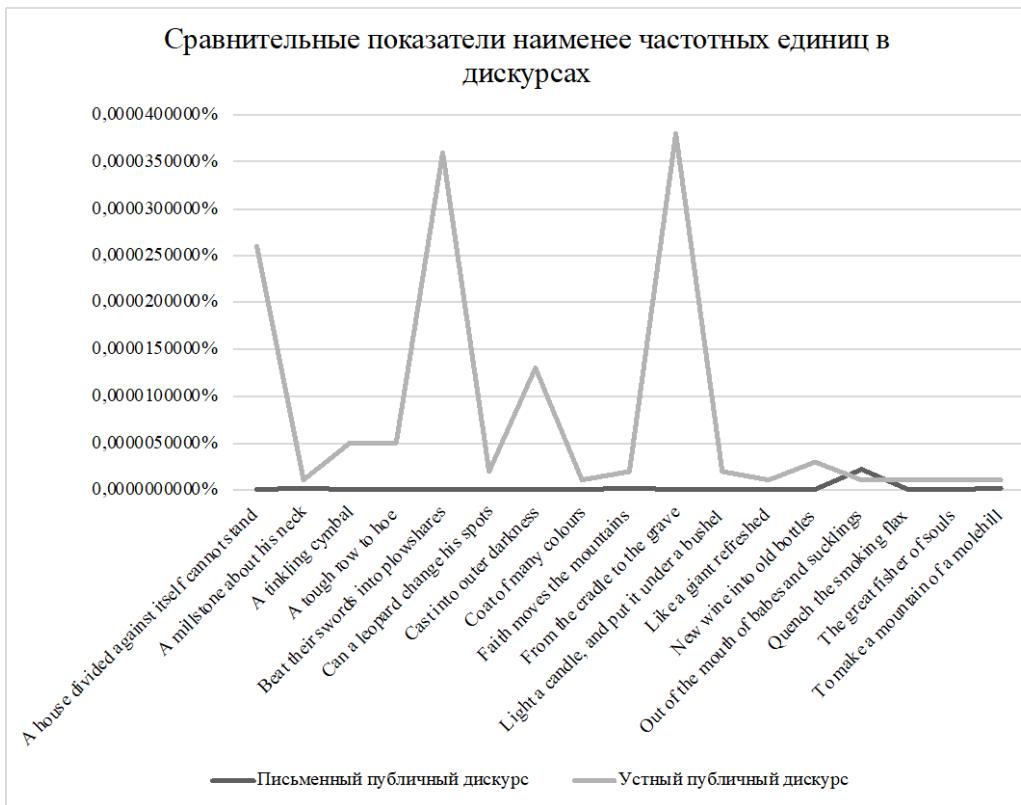

Рис. 2.5. Сравнительные показатели наименее частотных единиц в письменном и устном дискурсах

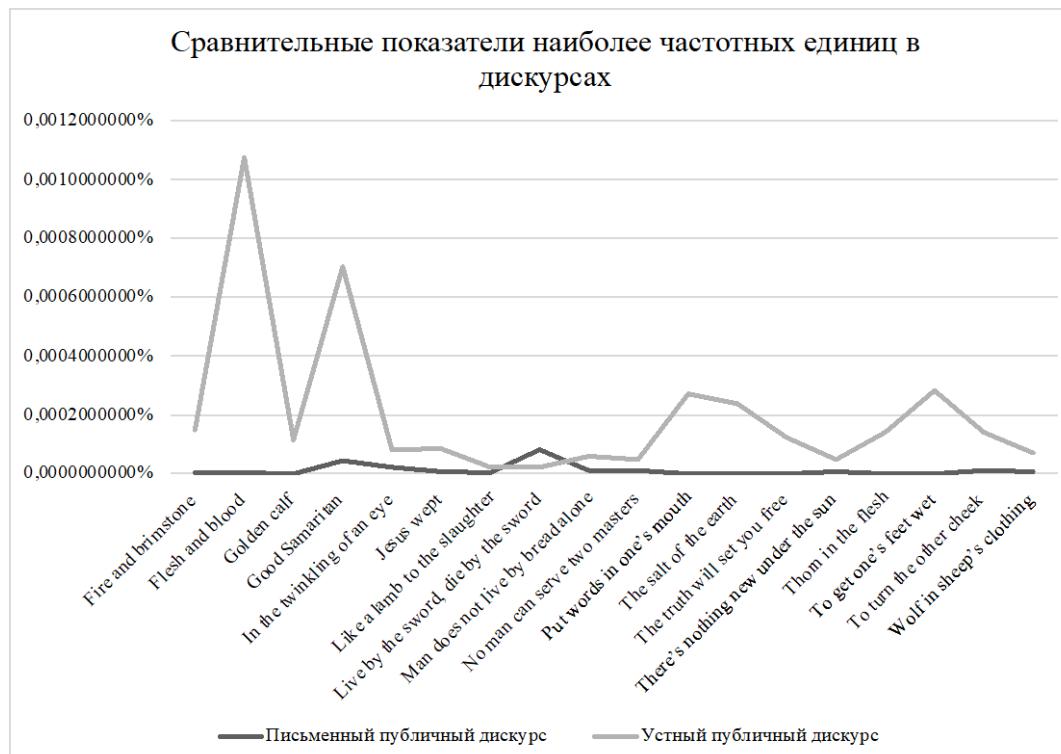

Рис. 2.6. Сравнительные показатели наиболее частотных единиц в устном и письменном дискурсах

Коэффициент корреляции между процентными показателями частотности единиц в письменном и устном дискурсах составляет 0,226, что говорит об отсутствии прямой или обратной взаимосвязи. Мы можем сделать частные выводы, исходя из квантитативного анализа данных. Так, для письменного компонента публичного дискурса наиболее употребляемой единицей является *Live by the sword, die by the sword* (*Matthew 26:52*), наименее употребляемой – *Beat their swords into plowshares* (*Isaiah 2.4*). Для устного компонента публичного дискурса наиболее часто употребляемой единицей является – *Flesh and blood* (*Matthew 16.17*) – 1076 упоминаний на платформе, наименее употребляемой – *Coat of many colours* (*Genesis 37.3*).

Поисковая программа Youglish позволяет провести не только квантитативные исследования, но также и изучить аспект их употребления, что дает возможность установить стилистическую корреляцию использованных единиц в дискурсе. Нами было изучено 3067 видеороликов с употребляемыми единицами из массива данных, в ходе изучения мы устанавливали контекст употребления и стилистику видеоролика, в котором используется единица.

На диаграмме ниже (рис. 2.7) видно, что большее количество единиц было использовано в видеороликах, относящихся к религиозной стилистике. Данный показатель объясняется, во-первых, библейским происхождением изучаемых единиц, во-вторых, значительным количеством религиозных каналов в англоязычном публичном дискурсе. Подавляющее количество подобных ресурсов относится к американскому публичному дискурсу. Наиболее часто встречающиеся каналы: *United Church of God*, *Beyond Today*, *Grace To You*, *SearchTVMinistry*, *I'll be Honest*, *Discovering Jesus with Rabbi Schneider*, *The Church of England* и другие. Данные каналы являются популярными ресурсами: количество подписчиков у наиболее часто встречаемых колеблется от 120 тысяч человек, что позволяет относить подобные каналы к публичному дискурсу. Часть единиц встретилась нам только в данной стилистической принадлежности: *Like a giant refreshed (Psalms LXXVIII)*, *My*

name is legion (Mark 5.9), I am the least in my father's house (Judges 6.15), He that is not with me is against me (Matthew 12.30), Coat of many colours (Genesis 37.3), A tinkling cymbal (Corinthians XIII) и другие.

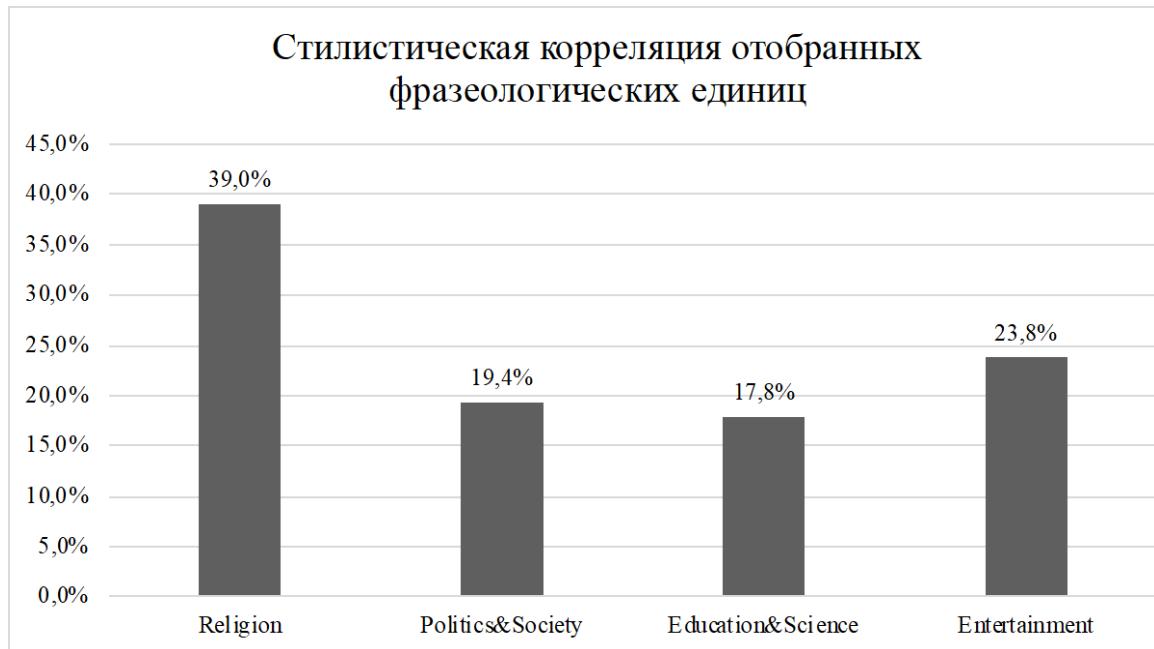

Рис. 2.7. Стилистическая корреляция отобранных библеизмов

Также необходимо отметить, что в ходе исследования мы обнаружили значительное количество моделированных единиц – примеры диахронного эллипсиса, структурные и семантические трансформации. При сопоставлении исходных и моделированных единиц мы выявили наличие исходных единиц в религиозной стилистике – тогда как моделируемость появлялась в видеороликах иной стилистики.

Грамматико-стилистические особенности употребления фразеологизмов библейского происхождения в медиадискурсе

Нами была предпринята попытка выявить особенности контекста, в котором употребляются фразеологизмы библейского происхождения. Ранее было упомянуто, что основными каналами, где мы наблюдаем высокую частотность использования таких фразеологизмов являются каналы религиозной тематики. Каналы, не относящиеся к религиозной стилистике, мы разделили на 3 крупных кластера:

Politics&Society – каналы с политической, экономической, социальной повесткой, новостные каналы, выступления политических деятелей (сюда мы включили такие каналы, как The White House, Scottish Parliament, Nesta UK, UK Parliament, CUNY, PBS, BBC, Library of Congress, NASA и другие);

Education&Science – каналы, посвященные вопросам науки и образования, такие как TED, Talks at Google, Harvard University, MIT Open Courses, Toronto Public Library, GRCCTV, BBC Learning English, Timeline Word History Documentaries, Stanford и другие;

Entertainment – развлекательные каналы, например, Infographic Show, SciShow Kids, Top Gear, Today I Found Out, Grunge, Geographics и другие.

На рисунке 7 наглядно продемонстрировано, что распределение единиц между тремя стилистическими кластерами практически ровное. Коэффициенты корреляции между Politics&Society и Education&Science, и Politics&Society и Entertainment составили 0,3 и 0,589 соответственно, что свидетельствует о том, что между распределением единиц в политической стилистике и научной взаимосвязь практически отсутствует – единицы могут в равной вероятности использоваться и в той, и в другой стилистике, что согласуется с теорией функциональных стилей, относящей политическую, социальную, научную стилистику к одному уровню регистра; между распределением единиц в политической и развлекательной стилистике существует слабая обратная взаимосвязь: единица, часто употребляемая в политической и социальной стилистике, реже встречается в развлекательной, и наоборот. Однако, как уже было отмечено, данная корреляция достаточно слабая, чтобы утверждать о наличии серьезной взаимозависимости. Нами было выявлено несколько примеров единиц, являющихся употребительными в развлекательной стилистике дискурса: *To turn the other cheek* (Matthew 5.39), *To get one's feet wet* (Joshua 3, 13 and 17), *The writing is on the wall* (Daniel 5), *The salt of the earth* (Matthew 5. 13), *Fire and brimstone* (Genesis 19:24), *Flesh and blood* (Matthew 16.17), *Wolf in sheep's clothing* (Matthew 7.15).

Необходимо также выделить пиковые значения для каждой из стилистических областей: для политической стилистики наиболее употребляемыми единицами являются *Put words in one's mouth* (*Samuel 14:3*), *Good Samaritan* (*Luke 10:30-37*), *Eleventh hour* (*Matthew 20:1-16*), *To turn the other cheek* (*Matthew 5. 39*); для научной – *Flesh and blood* (*Matthew 16.17*), *Fly in the ointment* (*Ecclesiastes 10.1*), *Many are called, but few are chosen* (*Matthew 22.14*), *Old as the hills* (*Job 15.7*), *Spare the rod, spoil the child* (*Proverbs 13:24*); для развлекательной – *Feet of clay* (*Daniel 2. 42*), *Cross to bear* (*Luke 14.27*), *By the skin of one's teeth* (*Job 19.20*), *Blind leading the blind* (*Matthew 15:13-14*).

Мы также отметили особенности использования моделированных фразеологических единиц в дискурсах.

Так, у единицы *A millstone about his neck* (*Matthew 18.6*) существует аналог *A millstone around his neck*. Единица с компонентом «about» встретилась в 0,0000001292 % примерах в письменном компоненте дискурса (с пиком употребляемости в 1800 году) и в 1 примере в устном компоненте (BYU Speeches 23:02). Тогда как единица с компонентом «around» встретилась в 0,0000005563 % примерах письменного дискурса с пиком употребляемости в 2016 году, а также в 20 примерах (0,00002000 %) устного дискурса.

Также полный вариант фразеологической единицы *Light a candle, and put it under a bushel* (*Matthew 5.15*) встретился в 2 примерах устного компонента дискурса (в видеоматериале религиозной стилистики) и не был обнаружен в письменном компоненте. Сокращенный вариант *Hide a light under a bushel* встретился в 0,0000000597 % примеров письменного дискурса (с пиком употребляемости в 1838 году, что доказывает, что диахронный эллипсис данной единицы появился не в последние годы и употребляется давно) и в 9 примерах (0,000009000 %) устного дискурса, кроме того, стилистика употребления данной единицы расширилась до программ с политической и социальной направленностью, а также развлекательных видеороликов.

Единица *An eye for an eye and a tooth for a tooth* (*Matthew 5:38*) также подвергается диахронному эллипсису: полный вариант не обнаружен в письменном компоненте и обнаружен в 59 примерах устного компонента (79,66 % – религиозная стилистика, 6,78 % – политическая и социальная стилистика, 13,56 % – научная и образовательная стилистика). Тогда как усеченный вариант единицы *eye for an eye* встречается в 0,0000106761 % примеров письменного дискурса с пиком употребляемости в 2018 г. и в 2435 примерах устного компонента (44,19 % – развлекательная стилистика, 30,97 % – политическая и социальная стилистика, 14,87 % – образовательная и научная стилистика, 9,98 % – религиозная стилистика). Также примером диахронного эллипсиса может служить единица *serve two masters*, образованный от исходной единицы *No man can serve two masters* (*Matthew 6:24*): *but trying to serve two masters* (Entitled || Spoken Word by Ian Head 0:45), *because she has to "serve two masters"* (Hong Kong Withdraws Extradition Bill After Leaked Audio 6:31). Исходный вариант единицы можно отнести к часто употребляемым – он встретился в 46 изученных видеороликах (48 % – религиозная стилистика, 24 % – политическая стилистика, 10 % – развлекательная стилистика, 18 % – научная стилистика); в усечном варианте единица встретилась в 22 видеороликах со следующим распределением стилистической принадлежности: 27 % – религиозная, 27 % – научная, 22 % – развлекательная, 24 % – политическая.

У единицы *Led as a sheep to the slaughter* (*Acts 8:32*) существует также библейский аналог *Like a lamb to the slaughter* (*Jeremiah 11:19*). Первый вариант единицы встретился в 12 видеороликах (80 % – религиозная стилистика, 20 % – политическая и социальная стилистика). Второй вариант оказался более распространенным, он использовался в 22 видеороликах (59 % – религиозная стилистика, 18 % – политическая стилистика, 23 % – развлекательная стилистика).

В ходе исследования мы выявили значительное количество примеров моделируемости библейских фразеологических единиц в устном публичном дискурсе. Опираясь на классификацию модели-

руемости фразеологических единиц, предложенной Д.Н. Давлетбаевой (2012) и К.А. Башкировой (2022), рассмотрим примеры более подробно.

Среди примеров грамматической моделируемости можно выделить частое изменение множественного / единственного числа. К примеру, у единицы *Wolf in sheep's clothing* (Matthew 7:15) модель с множественным числом субстантивной лексемы «wolf» встретилась в 52 видеороликах (35 % – политическая стилистика, 23 % – научная стилистика, 24 % – религиозная стилистика, 18 % – развлекательная стилистика): *deniers are wolves in sheep's clothing* (My legal battle with a Holocaust denier – Deborah E. Lipstadt TEDx Talks 3:46), *it made them wolves in sheep's clothing* (Secretary Pompeo Delivers Remarks 11:41). Единица *Search one's heart* (*Romans VIII*, 27) с лексемой «heart» во множественном числе встречается в 18 примерах (49 % – религиозная стилистика, 28 % – политическая, 17 % – научная, 6 % – развлекательная): *So that we search our hearts when we consider* (The President Honors the Life of Reverend Clementa Pinckney 26:29). Также, отметим обратную ситуацию – изменение субстантивного компонента с множественного числа на единственное в единице *New wine into old bottles* (Matthew 9, 17): *Is this old wine in a new bottle as the Chinese like to say* (Unpacking China's Multilateral Initiatives: GDI, GSI, GCI 4:12).

Также к грамматической моделируемости отнесем изменения видовременного разряда глагольного компонента единиц. Так, единица *To make a mountain of a molehill* (Matthew 21:21) в исходном варианте встретилась лишь в 1 видеоролике с политической стилистической окраской (Prime Minister's Questions: 11 July 2018 33:55), тогда как в форме *making a mountain of a molehill* она была выявлена в 28 видеороликах с преобладающим процентом (56 % видеороликов) в развлекательной стилистике: *There's no sense making a mountain out of a molehill, right?* (OpenCL vs Metal for Adobe Rendering on a Mac, September 2018 2:30), *perhaps we are making a mountain out of that molehill* (Lecture 6.1: Stress and Coping 9:02 PSYC).

Также в грамматической моделируемости частотной является модель варьирования порядка слов, несмотря на характерный для английского языка фиксированный порядок слов [3, с. 55]. Единица *Wolf in sheep's clothing* (Matthew 7:15) встретилась в моделированном варианте в 3 видеороликах: *that are kinda like a sheep in wolf's clothing* (SciShow Can We Make A Vaccine Against Smoking? 2:59), *Normally the phrase is, sheep in wolf's clothing* (Chicago's Best Bacon: Shrimp Shack 1:12), *more than transformation in sheep's clothing* (Deep Confusion As A Victory Tool | Robin Sharma 7:45). Последние примеры также можно отнести к межмодельной моделируемости, при которой создается фразеологическая антонимия.

Мы также отметили наличие примеров лексической моделируемости в дискурсе. Однако стоит заметить, что подобную моделируемость сложно выявить при помощи поисковых алгоритмов, так как подобные ресурсы работают по принципу поиска лексем, введенных в строку поиска. Соответственно, система не выявит модель подобной вариантности сама. Тем не менее приведем несколько примеров лексической вариантности, которые нам встретились. Единица *Out of the mouth of babes and sucklings* (Matthew 21.16) в исходном варианте представлена в 1 примере с заменой лексического компонента «sucklings» на синоним «infants» *Out of the mouth of babes and infants* встретилась в 5 видеороликах (религиозная стилистика). Также, мы отметили примеры субSTITУции на основе синонимического ряда в единице *No peace for the wicked* (Isaiah 48.22, 57.21): *there's no rest for the wicked though* (Priority Jobs and a Trip to London | Sailing Britaly 11:46), *Okay, so no rest for the wicked.* (Four Rivers Ag Report for September 27th, 2013, 3:22). Также примером субSTITУции на основе синонимического ряда может служить замена модального глагола *shall* на более распространенный вариант *will* (как и примером понижения стилистического регистра) в единице *The last shall be first* (Matthew 20.16). Подобных примеров было обнаружено 12: по 20 % – религиозная и развлекательная стилистика, 10 % – научная стилистика, 50 % – политическая. Также

интересным вариантом замены компонента на основе перифраза является пример *The spirit is willing, the flesh just was not designed to do it.* (Sermon: Is God and Christ the Desire of Your Heart? 42:46), исходная единица – *The spirit is willing, but the flesh is weak* ((Matthew 26:41).

Квантитативная вариантность – количественные изменения в структуре фразеологической единицы – составила наибольший процент примеров моделируемости внутримодельного типа, что подтверждает выводы наших предыдущих исследований [3].

Мы уже отмечали выше наличие значительного процента диахронного эллипсиса, рассмотрим также другие подвиды квантитативной вариантности. К примерам увеличения количества более чем одного компонента отнесем следующие примеры: *I'm about to put a lot of words in the author's mouth* (Raybearer ~ An African Inspired Fantasy Adventure 0:33) – исходная единица *Put words in one's mouth* (Samuel 14:3); *And the writing is now surely on the wall* (Bay Science Collaborative 2016: Connect, Communicate, Collaborate 42:45) – исходная единица *The writing is on the wall* (Daniel 5). Также мы выделили значительное количество примеров с наличием / отсутствием артикля: *you put the words in my mouth* (A Million and One | My Brightest Diamond (Shara Nova) | Talks at Google 18:00) – исходная единица *Put words in one's mouth* (Samuel 14:3).

Рассмотрим также примеры межмодельной вариантности, при которой происходит распад исходного фразеологизма и создание нового с сохранением некоей тождественности с исходной единицей. Мы выявили значительное количество фразеологических антонимов: *tomorrow won't take care of itself.* (Mahatma Gandhi's Advice, For Young People Who Want to Be Rich 1:08) – исходная единица *Tomorrow will take care of itself* (Matthew 6:34) видоизменена при помощи появления антонимообразующего компонента *will not; I mean, is that really something new under the sun?* (Where Does Innovation Begin? | Google Zeitgeist 8:51) – исходная единица *There's nothing new under the sun* (Ecclesiastes 1:9) изменена при помощи замены субстантивного компонента *nothing – something.*

Кроме того, мы обнаружили примеры фразеологической конверсии с последующим превращением единицы в адъективный компонент и образованием сложного эпитета [Башкирова 2022: 93]: *Corn-fed, salt-of-the-earth, misery guy* (Hidden Meaning in GONE GIRL – Earthling Cinema 2:40) – исходная единица *The salt of the earth* (Matthew 5.13); *I was asked questions by flesh-and-blood members of the audience* (Art, visual culture, and media education Promises, problems, and possibilities 17:32) – исходная единица *Flesh and blood* (Matthew 16.17); *His father was a failed fire-and-brimstone preacher* (THE UNWINDING: An Inner History of the New America | George Packer | Talks at Google 12:26) – исходная единица *Fire and brimstone* (Genesis 19:24); *This turn-the-other-cheek-at-least-outwardly mentality is the opposite of what Cersei does* (Charisma on Command / How to Outsmart People In Conversation 7:22) – исходная единица *To turn the other cheek* (Matthew 5.39).

Заключение

Библеизмы являются отдельной и достаточно многочисленной группой фразеологических единиц. Множество единиц построено на образах, отсылающих к прецедентным библейским текстам. В связи с этим мы наблюдаем с помощью методов квантитативного анализа достаточно широкую распространенность таких единиц в современном устном и письменном дискурсе (26 % из отобранных 89 единиц являются малоупотребительными). Данная тенденция демонстрирует тот факт, что метафоры, составляющие ядро единицы, до сих пор остаются актуальным инструментом передачи образности сообщения.

Медиадискурс является одним из самых широких и быстро развивающихся видов дискурса. Именно медиадискурс, направленный на максимальный охват аудитории позволяет выявить языковые тенденции, которые могут далее повлиять на более консервативные области языка, такие как литературный язык и язык профессиональных сообществ. Так, мы наблюдаем подтверждение данного заявления при сравнении наиболее часто употребимых единиц в устном и пись-

менном дискурсе. Квантитативный анализ показал, что в рамках данного исследования не было выявлено прямой или обратной взаимосвязи между наиболее и наименее частотными единицами в устном и письменном дискурсах.

Стилистические особенности библеизмов и сфера их применения в медиадискурсе продемонстрировали преобладание библеизмов в религиозной тематике, однако распределение данной лексики по другим кластерам привело к интересным выводам: вторым по популярности контекстом употребления библеизмов является развлекательная часть медиадискурса, что позволяет говорить об универсальности фразеологических единиц библейского происхождения. Отчасти это связано с яркими образами, заключенными в данных единицах, которые могут быть интерпретированы аудиторией разными способами и давать различную стилистическую окраску высказываниям.

Фразеологические единицы библейского происхождения подвержены различным типам моделируемости (грамматической, лексической, диахронного эллипса и др.), что позволяет говорить о достаточно высокой степени использования и востребованности данных единиц, так как только частотные единицы подвержены моделируемости.

Подводя итог исследованию, можно заявить, основываясь на данных квантитативных и квализитативных анализов, что библеизмы являются достаточно обширной и востребованной частью англоязычного медиадискурса вследствие глубокого проникновения прецедентных текстов из Библии и других христианских религиозных сочинений в язык и культуру англоязычных стран. Данный факт позволяет говорить о том, что использование библеизмов в медиадискурсе позволяет спикерам максимально кратко и образно создать высказывание, которое будет адекватно расшифровано носителями культуры.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на

человека в английском и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 126 с.

2. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.

3. Башкирова К.А. Моделируемость фразеологических единиц в дискурсе публичной коммуникации в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / К.А. Башкирова. – Казань, 2022. – 177 с.

4. Верещагин Е.М. Библейская стихия русского языка / Е.М. Верещагин // Русская речь. – 1993. – № 1. – С. 90–98.

5. Гурьянов И.О. Книжные фразеологические единицы в английском, русском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук / И.О. Гурьянов. – Казань, 2016. – 173 с.

6. Давлетбаева Д.Н. Типологическая моделируемость фразеологических трансформаций (на материале русского, английского, французского и турецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук / Д.Н. Давлетбаева. – Казань, 2012. – 490 с.

7. Кунин А.В. Основные понятия фразеологической стилистики / А.В. Кунин // Проблемы лингвистической стилистики. – М.: МЛИИЯ им. М. Тореза, 1969. – С. 71–81.

8. Третьякова И.Ю. Аспекты моделирования современной фразеологии / И.Ю. Третьякова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 200–203.

9. Трошина Н.Н. Стилевая система культуры и публичный дискурс в условиях социокультурной трансформации общества / Н.Н. Трошина // Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М., 2017. – С. 201–213.

10. Чернышёва И.И. Фразеологическая система немецкого языка / И.И. Чернышёва. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.

11. Collins COBUILD Idioms Dictionary. – 3rd ed. – NY: HarperCollins Publishers 2012.

12. David Crystal Begat: The King James Bible and the English Language. – Oxford: Oxford University Press; Reprint edition, 2011. – 327 p.

13. Farlex Partner Idioms Dictionary. – Dublin: Farlex International, 2017.

14. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – NY: The McGraw-Hill Companies, Inc., 2002.

15. The American Heritage Dictionary of Idioms // Christine Ammer. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2003.

16. The Discoursal Use of Phraseological Units / edited by Elena Arsenteva. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2021. – 368 p.

ГЛАВА III

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТИХОТВОРЕНИЯХ

ДЛЯ ДЕТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Каюмова А.Р., Варламова Е.В.

Введение

Данный раздел монографии посвящен изучению особенностей функционирования фразеологических единиц (далее ФЕ) в стихотворениях для детей пред дошкольного и дошкольного возраста.

Современное поколение школьников зачастую демонстрирует весьма поверхностные знания о фразеологизмах [10]. К типичным ошибкам при использовании ФЕ в речи можно отнести: употребление ФЕ в несвойственном ей значении; разрушение структуры ФЕ; усечение компонентного состава ФЕ; контаминация ФЕ, то есть образование «новых» оборотов на основе объединения элементов двух сходных по форме или значению ФЕ; изменение компонентного состава ФЕ; искажение и/или изменение грамматической формы одного или нескольких компонентов ФЕ; включение фразеологизмов в плеонастические сочетания [1]. В связи с этим является немаловажным привлечение внимания к развитию фразеологической компетенции уже у дошкольников. Знакомство детей юного возраста с фразеологией совершенствует навыки устной речи, развивает мышление и фантазию, а также прививает интерес к истории родного языка и к национальной культуре [9].

В исследовании, которому посвящен данный раздел, впервые предпринята попытка изучить наличие и «поведение» ФЕ в стихотворениях для детей от 0 до 6 лет, написанных на русском и английском языках.

Целевая установка – изучить особенности функционирования ФЕ в англоязычных и русскоязычных стихотворениях для детей, а также

выявить закономерности и характерные особенности их употребления, понять с какой целью авторы стихотворений прибегают к использованию ФЕ и к различным видам их трансформаций.

Достижение цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- проанализировать имеющуюся научно-исследовательскую и научно-методическую литературу, посвященную выбранной теме;
- найти ФЕ в стихотворениях для детей от 0 до 6 лет на двух языках;
- выявить специфику употребления ФЕ в данных стихотворениях;
- сравнить и сопоставить употребление ФЕ в стихах, написанных на двух разных языках.

В ходе исследования применялись как общенаучные методы, так и частно-научные методы, такие как метод фразеологической идентификации и описания (А.В. Кунин), метод контекстуального анализа в сочетании с методом анализа словарных дефиниций.

Материалом для анализа послужили 59 ФЕ английского языка и 49 ФЕ русского языка, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных и русскоязычных стихотворений.

В качестве источников были выбраны следующие сборники:

Хрестоматия для маленьких (сост. Л.Н. Елисеева) [11];

Mother Goose's Nursery Rhymes [16];

The Only True Mother Goose Melodies [18].

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие фразеологии и стилистики, теории детской литературы и материнского фольклора.

Практическое значение определяется возможностью использования материала исследования и полученных в нем результатов при составлении детских фразеологических словарей, создании печатных и электронных обучающих ресурсов для пред дошкольников и дошкольников.

Классификация контекстуальных трансформаций ФЕ

Изучение особенностей контекстуального употребления ФЕ является одним из ключевых направлений в современной фразеологии. Пионером в изучении «поведения» фразеологизмов в контексте стал А.В. Кунин. «Изучение изолированного слова не дает представления о многообразии связей, в которое оно вступает в контексте, об ассоциациях, которые оно приобретает при окказиональном использовании. Все это в большей степени применимо к фразеологизмам ввиду сложности их семантической структуры и высокого удельного веса коннотации во многих из них. Кроме того, фразеологизмы, будучи устойчивыми и раздельнооформленными образованиями, допускают в речи разнообразные структурно-семантические изменения, в том числе и сложнейшие преобразования, невозможные в словах» [7, с. 198–199].

Итак, фразеологизмы (как в устной, так и в письменной речи) могут использоваться в двух формах: узуальной и окказиональной. Фразеологическое значение, следовательно, также может быть узуальным и окказиональным. Узуальное значение – это общепринятое значение ФЕ, которое обычно фиксируется в словаре. Окказиональное же значение – значение, полученное ФЕ в речи, отступающее от обычного значения единицы. Отклонение от узуального (будь то форма или значение) рассматривается как трансформация ФЕ.

Говоря о трансформациях фразеологизмов, А.В. Кунин выделял три основных типа преобразований: 1) вклинивание в состав фразеологизма дополнительного компонента/компонентов без изменения лексического состава ФЕ и без нарушения целостности фразеологизма, в результате чего значение ФЕ не меняется, а только уточняется, усиливается или ослабляется; 2) добавление переменных элементов к началу или к концу ФЕ, в результате чего лексическое значение ФЕ меняется; 3) деформация различных типов с изменением лексического состава или структуры ФЕ [7].

Типы контекстуальных трансформаций ФЕ в дальнейшем рассматривались в работах многих фразеологов [2; 4; 12; 15; 17], причем

зачастую каждый использовал собственные термины для обозначения трансформаций, по-своему их группируя. На раннем этапе наличие нескольких терминов для обозначения похожих приемов, суть которых от этого не менялась, являлось тем обстоятельством, которое несколько притормаживало развитие фразеологии как лингвистической дисциплины. И сейчас само явление индивидуально-авторского использования фразеологизма скрывается под такими терминами, как «авторизация», «модификация», «фразеологическая трансформация» [5, с. 43].

Мы придерживаемся терминологии, предложенной Е.Ф. Арсентьевой [2], и выделяем следующие типы трансформаций:

- фразеологический каламбур;
- замена лексического компонента/компонентов;
- вклинивание и разорванное использование ФЕ;
- добавление переменного компонента;
- эллипсис и фразеологическая аллюзия;
- фразеологический повтор;
- расширенная метафора;
- фразеологическое насыщение контекста.

В целом же все типы трансформаций можно разделить на три группы:

- преобразования, изменяющие содержательную форму ФЕ, но не нарушающие их структуру (фразеологический каламбур);
- преобразования, изменяющие структуру ФЕ и вносящие тем самым инновации в их содержание (замена компонента/компонентов, вклинивание, разрыв, эллипсис, добавление компонента/компонентов);
- сложные преобразования, такие как расширенная метафора, фразеологический повтор, фразеологическая аллюзия и фразеологическое насыщение контекста [12].

Преобразования ФЕ в тексте носят целенаправленный характер, т. е. призваны реализовать определенную коммуникативную или сти-

листическую задачу, например, придать дополнительный семантический оттенок, повысить уровень экспрессивности, создать юмористический эффект и др.

Тематическая принадлежность ФЕ в стихотворениях

для детей от 0 до 5 лет

В качестве иллюстративного материала на русском языке нами была выбрана классическая «Хрестоматия для маленьких» (сост. Елисеева Л.Н.) [11]

Материалом для исследования на английском языке стал сборники детского фольклора «Mother Goose's Nursery Rhymes» и «The Only True Mother Goose Melodies», куда вошли стихотворные произведения разных жанров (включая считалки, песни, колыбельные и пр.) [16; 18]. Общее количество стихотворений на русском языке – 505, на английском – 371.

Начиная анализ отобранных нами ФЕ, хотелось бы отметить, что их употребление не является частотным в детской поэзии (как народной, так и авторской). Лишь 19 % от общего количества англоязычных стихотворений содержали ФЕ. В русскоязычных стихотворениях доля ФЕ оказалась меньшей – 10 % (см. рис. 3.1).

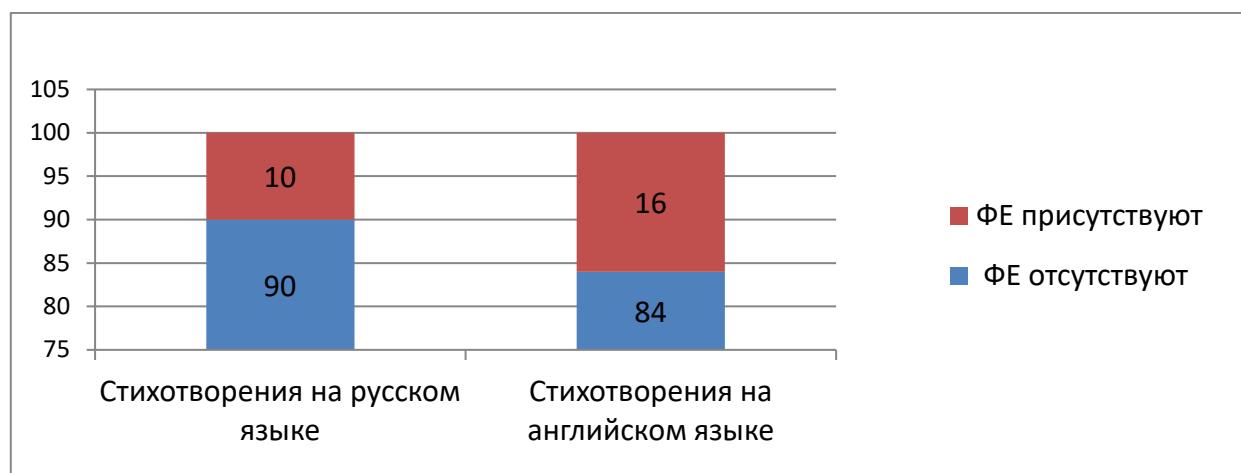

Рис. 3.1. Доли присутствия ФЕ в стихотворениях для детей от 0 до 5 лет (%)

Вероятно, процентные показатели, полученные в ходе анализа фразеологического фонда детской поэзии, могут немного отличаться

при использовании материала других сборников, однако можем предположить, что тенденция превалирования стихотворений без ФЕ сохранится. Фразеологизмы – довольно сложное для детского понимания явление, так как их значение во многих случаях не является прямым [6], и, следовательно, если стихотворение будет перегружено семантически сложными выражениями, скорее всего, и смысл всего стихотворения станет непонятен ребенку. В то же время присутствие ФЕ в стихотворениях в малых количествах может помочь в формировании навыка понимать значение незнакомых фразеологических оборотов из контекста [8].

Проблема тематической классификации ФЕ с наличием убедительного обоснования принадлежности той или иной единицы к определенной группе является дискуссионной; нами было принято решение опираться на классификацию, предложенную Р.И. Яранцевым, где фразеологические единицы делятся на три тематические группы: 1) «Эмоции и чувства человека»; 2) «Свойства и качества характера человека»; 3) «Характеристика явлений и ситуаций» [16].

В стихотворениях употреблялись фразеологические единицы всех трех групп, однако количество единиц, относящихся к той или иной группе, варьируется от языка к языку (см. рис. 3.2).

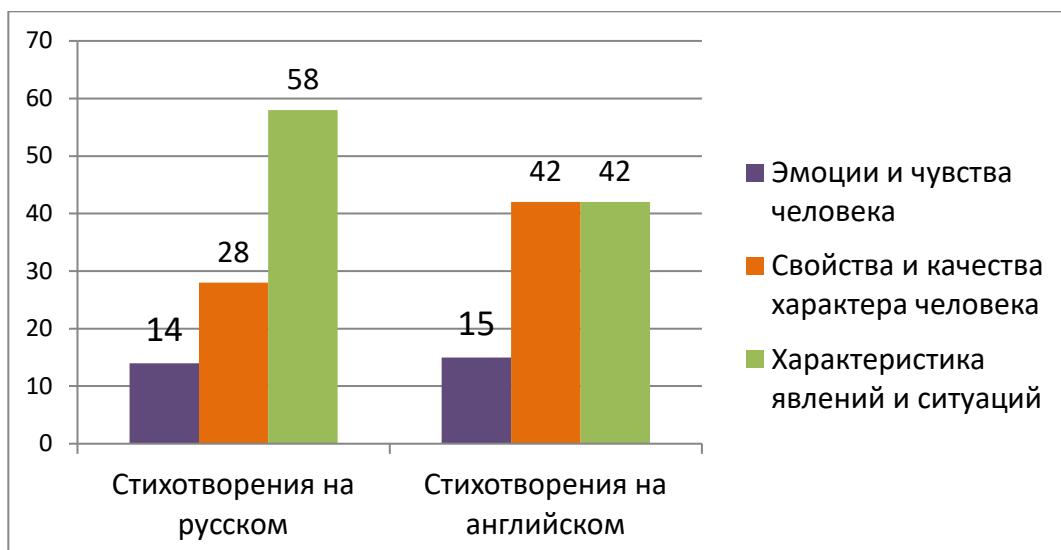

Рис. 3.2. Доля использования фразеологических единиц различных тематических групп по языкам (%)

В стихотворениях на русском языке преобладает тематическая группа «Характеристика явлений и ситуаций». В стихотворениях на английском языке частота использования фразеологических единиц в группах «Свойства и качества человека» и «Характеристика явлений и ситуаций» одинакова.

Приведем несколько примеров из стихотворений на русском языке:

*Пропадает целый свет,
А тебе и горя нет!*

(К.И. Чуковский, «Краденое солнце»)

Разговорная ФЕ и горя нет означает, что кому-либо безразлично, следовательно, принадлежит к категории «Эмоции человека».

*Я пойду в огонь и в воду!
Посылайте хоть сейчас!*

(С. Михалков, «Дядя Степа»)

ФЕ пойти в огонь и воду означает совершать самоотверженные поступки, на которые способен исключительно бесстрашный человек. Следовательно, ФЕ принадлежит к категории «Свойства и качества характера человека».

*Зайку бросила хозяйка –
Под дождем остался зайка.
Со скамейки слезть не мог,
Весь до ниточки промок.*

(А. Барто, «Зайка»)

ФЕ до ниточки означает промокнуть «насквозь», используется, чтобы охарактеризовать ситуацию.

Перейдем к примерам из стихотворений на английском языке:

*Robin Redbreast lost his heart,
He was a gallant bird,
He doffed his cap to Jenny Wren,
Requesting to be heard.*

(«Cock Robin and Jenny Wren»)

ФЕ **lose one's heart** означает «влюбиться в кого-либо» и служит примером единицы, относящейся к группе «Эмоции человека».

*She found them indeed, but it **made her heart bleed**,
For they'd left all their tails behind them!*

(«*Little Bo-Peep*»)

В вышеприведенном отрывке используется ФЕ **make smb's heart bleed**, что значит «заставить сердце кровью обливаться». ФЕ относится к группе «Характеристика явлений и ситуаций», так же, как и ФЕ **(as) white as snow** (белый как снег):

*Mary had a little lamb,
Its fleece was **white as snow**.*

(«*Mary Had a Little Lamb*»)

Процентное соотношение ФЕ трех тематических групп можно обосновать как возрастом целевой аудитории, так и целями авторов детских стихотворений. Детская дошкольная литература носит не только развлекательный, но и поучительный характер. Чаще всего это произведения, в сюжете которых лежит череда событий из жизни героя, где его/её поведение дает читателю понять, что такое хорошо, а что такое плохо. В детской литературе показывается ценность таких качеств характера, как трудолюбие, ответственность, храбрость; осуждается лень, беспечность и трусость. Именно ФЕ, как известно, позволяют наиболее емко и эмоционально описать человека. Возможно, поэтому процент ФЕ тематической группы «Свойства и качества характера» стабильно высок в стихотворениях на обоих языках. При описании самих событий, как показывает статистический подсчет, в текстах стихотворений также используются устойчивые обороты.

Основные виды трансформаций ФЕ в стихотворениях для детей

Во всех приведенных ранее примерах ФЕ употреблены в их не-трансформированной форме и с узуальным значением. Тем не менее, несмотря на юность целевой аудитории, в стихотворениях встречаются случаи трансформированного употребления ФЕ (см. рис. 3.3).

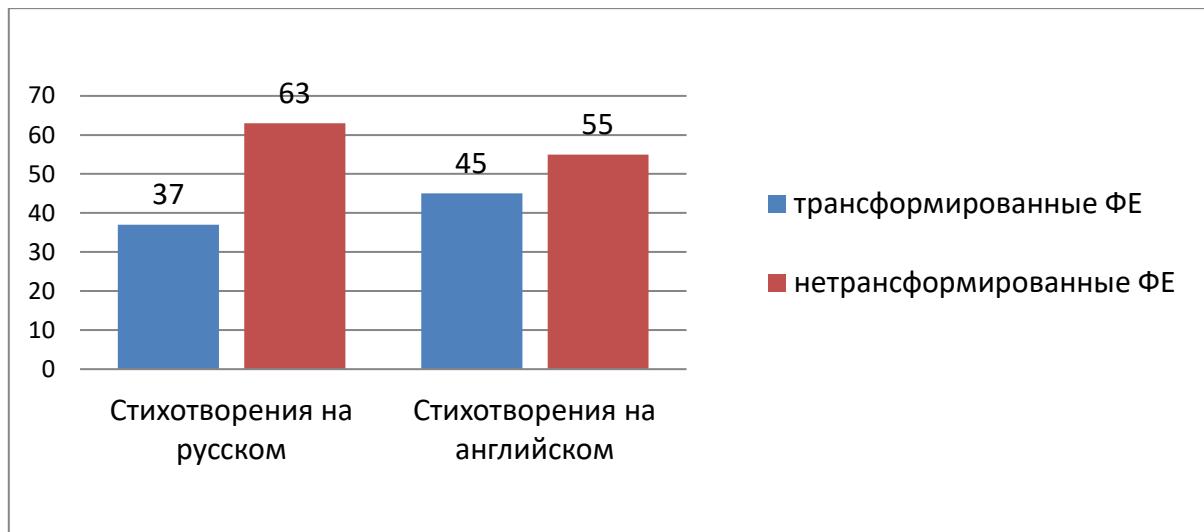

Рис. 3.3. Доля использования трансформированных и нетрансформированных ФЕ (%)

Как показано на рисунке 3, в англоязычных стихотворениях 55 % ФЕ было использовано в их нетрансформированной форме, 45 % – в контекстуально трансформированной, тогда как в русскоязычных стихотворениях разрыв между долями нетрансформированных и трансформированных единиц намного шире: 63 % и 37 % соответственно. Исходя из этого, можно сделать частный вывод, что авторы детских стихотворений на английском языке чаще прибегают к окказиональным изменениям ФЕ.

Приведем наиболее яркие примеры трансформаций, затрагивающих структуру ФЕ.

Замена лексического компонента (реже компонентов) является одним из самых распространенных типов контекстуальных трансформаций ФЕ. «Окказиональный» компонент может быть связан с заменяемой лексемой системными отношениями (синонимия, антонимия, принадлежность к одной тематической группе) [2].

Наш анализ показал, что в английских стихотворениях этот тип контекстуальной трансформации встречается крайне редко (2 %); в русскоязычных – в 15 % случаев. Проанализируем пример на русском языке:

*Гордится мальчиком отец,
А Света –
Ей шесть лет –
Кричит братишке: – Молодец,
Что родился на свет!
(А. Барто, «Младший брат»)*

В отрывке наблюдается синонимичная замена компонента «появляться» в ФЕ **появляться на свет** на «рождаться». Замена одного или нескольких компонентов – явление сложное, требующее определенного языкового опыта, не характерного для столь юной читательской аудитории. Однако использование трансформации в данном случае не вызывает затруднений и, даже наоборот, облегчает понимание фразеологического оборота, так как окказиональный компонент «рождаться» употреблен в прямом значении.

Следующим видом часто встречающихся трансформаций является **вклинивание** (или **разорванное использование ФЕ**). С.И. Вяльцева выделяет два основных типа вклинивания:

- 1) вклинивание, в котором вклинивающиеся слова синтаксически связаны с компонентами ФЕ;
- 2) вклинивание, в котором вклинивающиеся слова синтаксически не зависят от компонентов ФЕ [3].

На материале стихотворений для детей от 0 до 5 лет данный тип трансформаций является самым распространенным в английском и русском языках: 34 % и 30 % соответственно. Разберем этот вид трансформации на примерах:

*But when he saw his eyes were out,
With all his might and main,
He jumped into another bush,
And scratched 'em in again.
(«The Wond'rrous Wise Man»)*

Первоначальная форма ФЕ – *(with) might and main* – имеет значение «со всей решительностью», «изо всей мочи». В стихотворении её фразеологическое значение усиливается за счет вклинивания компонента «all» и уточняется за счет компонента «his». При этом вклинивающиеся компоненты помогают поддерживать ритм и стихотворный размер.

Перейдем к примеру на русском языке:

*Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.*

(С. Есенин, «Заметает пурга белый путь»)

В этом примере вклинивание компонента «в лесу» в ФЕ **ни проехать, ни пройти** служит для уточнения местности, в которой происходят события.

Следующее стихотворение содержит довольно интересную комбинацию двух контекстуальных трансформаций, а именно замены и вклинивания:

*Сон приходит на порог
Сон приходит на порог.
Крепко, крепко спи ты.

Сто путей,
Сто дорог
Для тебя открыты.*

(В. Лебедев-Кумач, «Сон приходит на порог»)

В ФЕ *все дороги открыты*, во-первых, присутствует замена компонента «все» на «сто» и, во-вторых, вклинивание компонента «для тебя».

Таким образом, можно сделать вывод, что такой вид трансформаций, как вклинивание, способен поддерживать ритм и стихотворный размер, при этом не меняя, а уточняя смысл ФЕ.

Добавление лексического компонента (компонентов) происходит либо к началу, либо к концу ФЕ. Также следует заметить, что наиболее частыми добавочными компонентами выступают прилагательные или наречия [2].

Анализ материала стихотворений для детей от 0 до 5 лет, показывает, что данный тип трансформаций не распространен в англоязычных и русскоязычных стихотворениях (18 % и 5 % соответственно). Обратимся к примеру:

*Mary Mary quite contrary,
How does your garden grow?
With silver bells and cockle shells
And pretty maids all in a row.*

(«*Mary, Mary, Quite Contrary*»)

В данном отрывке мы сталкиваемся с добавлением компонента «all» к началу ФЕ *in a row* (т.е. в ряд), который был введен с целью обобщения.

На примере следующего стихотворения можно вновь проследить, как автор используют такой вид трансформации, как добавление:

*Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохматой...
А уж в воздухе – вешние звонь,
Даже дух занялся у вороны...*

(A. Блок, «*Ворона*»)

В данном стихотворении происходит добавление компонента «даже» к началу ФЕ **дух занимается**, с целью усиления значения единицы.

Таким образом, можно сказать, что добавление (как и вклинивание), вероятно, является достаточно «безобидным» для детского восприятия способом трансформации. При помощи него можно усилить значение ФЕ, или скорректировать ритм и стихотворный размер.

Обратимся к такому виду трансформаций, как **фразеологический эллипсис** (и **аллюзия**, как его вариант). Этот вид представляет собой упощение компонента/компонентов, иными словами деформацию ФЕ [2].

Оираясь на материал стихотворений для детей, можно сказать, что данный тип трансформаций является одним из самых распространенных и в англоязычных (22 %), и в русскоязычных стихотворениях (32 %). Рассмотрим примеры:

*She heaved a sigh and wiped her eye,
And over the hillocks she raced;
And tried what she could, as a shepherdess should,
That each tail should be properly placed.*

(«Little Bo-Peep»)

Здесь ФЕ *to heave a sigh of relief* (вздохнуть с облегчением) использована без компонентов «of relief».

Обратимся к примеру на русском языке:

*Вода текучая,
Дитя растучее.
С гуся вода,
С дитя худоба!
Вода книзу,
А дитя кверху!*

(народная пестушка)

В пестушке (коротком стихотворном напеве, сопровождающем действия ребёнка) можно заметить отсутствие компонента «как» в ФЕ *как с гуся вода*. Благодаря этому сохраняется параллелизм конструкций (*С гуся вода, / С дитя худоба!*).

Проанализировав стихотворения, мы обнаружили еще один распространенный вид трансформации – **фразеологический повтор**. В англоязычных стихотворениях повтор составляет 16 % от всех видов трансформаций, в русскоязычных – 10 %.

*At the siege of Belleisle
I was there all the while,
All the while, all the while,
At the siege of Belleisle.*

(«Belleisle»)

Приведем пример из стихотворения на русском языке:

*Ай, качи-качи-качи!
Глянь – баранки, калачи!
Глянь – баранки, калачи!
С пылу, с жару из печи.
С пылу, с жару из печи –
Все румяны, горечи.*

(народная потешка, «Ай, качи-качи-качи!»)

В примерах мы видим повтор ФЕ *all the while* и *с пылу, с жару*.

Повтор однозначно придает ритмичность стихотворению и является одной из характерных особенностей детской поэзии [14].

Одним из самых сильных средств стилистического воздействия на читателя, по мнению Кунина А.В. и его последователей, является **фразеологическое насыщение контекста**. Под этим термином понимается употребление двух и более фразеологических единиц в сравнительно небольшом отрезке текста; причем один или все обороты могут быть при этом осложнены трансформацией [2].

В проанализированных нами стихотворениях данный прием встречается, хотя и не очень часто (8 % от общего количества ФЕ в стихотворениях на английском и 6 % – на русском). Например:

*Hush, baby, my dolly, I pray you don't cry,
And I'll give you some bread, and some milk **by-and-by**;
Or perhaps you like custard, or, maybe, a tart,
Then to either you're welcome, **with all my heart**.*

(«Hush, baby, my dolly»)

В данном отрывке мы наблюдаем одновременное использование двух ФЕ без структурных изменений внутри: это единицы *by-and-by* (мало-помалу) и *with all (one's) heart* (всей душой).

Приведем еще один пример, где для насыщения контекста использовано три (!) ФЕ, одна из которых окказионально изменена:

*Брату впору башмаки –
Не малы, не велики,
Нарядили в них Андрюшу,
Но **ни с места** он пока!
Он их принял за игрушку,
Глаз не сводит с башмака.*
Мальчик с толком, с расстановкой
*Занимается обновкой –
То погладит башмаки,
То потянет за шнурки.*

(A. Барто, «Башмаки»)

Во-первых, две ФЕ (*ни с места* и *глаз не сводить*) употреблены без изменений, во-вторых, в ФЕ *с чувством, с толком, с расстановкой* происходит опущение компонента «с чувством».

Данный вид трансформаций, как ни странно, частотен на материале отобранный нами детской поэзии, особенно авторской. Следующий же вид трансформации – **фразеологический каламбур** – встречается крайне редко. Под каламбуром понимается обыгрывание буквального и переносного значений ФЕ под влиянием контекста, при этом основная словарная форма фразеологизма остается без изменений [2]. Следовательно, это семантическое преобразование ФЕ. Например:

*Говорят, у мамы
Руки не простые.
Говорят, у мамы
Руки золотые.*

*Погляжу внимательно,
Погляжу поближе.
Маме руки глажу –
Золота не вижу.*

(М. Родина, «Мамины руки»)

В стихотворении М. Родина столкнула два значения словосочетания **золотые руки**: буквальное и переносное. Лирический герой (ребенок) понимает оборот в прямом значении, именно поэтому пытается найти золото в руках матери.

Подведем количественные итоги (см. рис. 3.4). Наиболее распространенными типами трансформаций в детской поэзии в обоих языках являются вклинивание и эллипсис. Однако в англоязычных стихотворениях преобладает использование вклинивания (34 %), в русскоязычных – эллипсиса (32 %). Хотелось бы отметить, что повтор также используется весьма часто (16 % – на английском; 10 % – на русском).

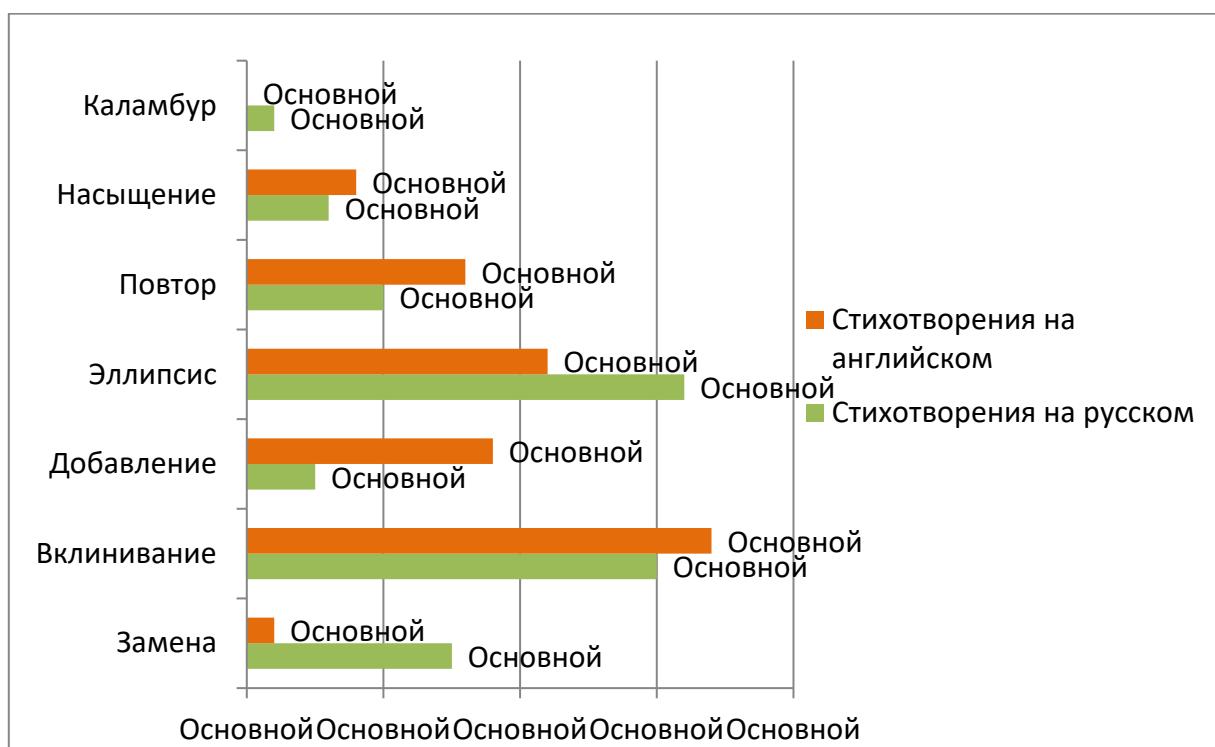

Рис. 3.4. Доля использования различных типов трансформаций (%)

Что касается других видов трансформаций, то следует обратить внимание на замену и добавление компонента/компонентов, так как частота их использования в англоязычных и русскоязычных стихотворениях значительно отличается. В англоязычных стихотворениях добавление встречается чуть чаще, чем замена (18 % против 2 %), в то время как в русскоязычных стихотворениях ситуация обратная – доля трансформаций с заменой компонента/компонентов составляет 15 %, с добавлением – только 5 %.

Заключение

Детская поэзия может послужить источником пополнения фразеологического запаса детей, так как стихотворения для детей от 0 до 5 лет содержат ФЕ.

Количество используемых в детской поэзии ФЕ невелико, тем не менее они разнообразны по тематическому диапазону. Чаще всего ФЕ употребляются для описания явлений и ситуаций, а также особенностей характера персонажей, которые привели к тому или иному положению дел, описываемому в сюжете.

ФЕ употребляются как в нетрансформированной, так и трансформированной форме. Нами были обнаружены следующие типы трансформаций: замена лексического компонента/компонентов, вклинивание, добавление переменного компонента, эллипсис, фразеологический повтор, фразеологическое насыщение контекста и фразеологический каламбур. В ходе анализа не обнаружены случаи применения расширенной метафоры, что, вероятно, обусловлено возрастом целевой аудитории.

Литература

1. Антонов В.П., Гончаров А.М., Массанов В.В. Проблемы изучения некоторых аспектов фразеологии на дополнительных занятиях с учащимися по подготовке к итоговой государственной аттестации / В.П. Антонов, А.М. Гончаров, В.В. Массанов // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2015. – № 11. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-nekotoryh-aspektov-frazeologii-na-dopolnitelnyh-zanyatiyah-s-uchaschimisyu-po-podgotovke-k-itogovoy> (дата обращения: 27.10.2024).

2. Арсентьева Е.Ф. Контекстуальное использование фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Хэтер, 2009. – 168 с.
3. Вяльцева С.И. Вклинивание как средство речевого использования английских пословиц / С.И. Вяльцева // Исследования по лексикологии и фразеологии: сб. тр. МГПИ. – М., 1976. – С. 92.
4. Давлетбаева Д.Н. Индивидуально-авторская фразеология: вызов времени и объективация в языке (на материале русского, английского, французского и турецкого языков) / Д.Н. Давлетбаева. – Казань: Отечество, 2012. – 335 с.
5. Каюмова А.Р. Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствие в русском и испанском переводах: дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Каюмова. – Казань, 2010. – 170 с.
6. Князева И.В. Лексические и грамматические ошибки и пути их устранения на дошкольном этапе средствами наглядности / И.В. Князева // Вестник магистратуры. – 2016. – № 12-2(63). – С. 75–77.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс, 1996. – 445 с.
8. Митькина И.Н. Особенности овладения фразеологизмами детьми седьмого года жизни: дис. ... канд. пед. наук / И.Н. Митькина. – Москва, 2001. – 173 с.
9. Питеркина Ю.С. Фразеологизмы в детской речи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 108. – URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-v-detskoy-rechi> (дата обращения: 27.10.2024).
10. Рогалёва Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика: монография / Е.И. Рогалёва. – Псков: ЛОГОС Плюс, 2014. – 344 с.
11. Хрестоматия для маленьких: пособие для воспитателей детского сада / сост. Л.Н. Елисеева. – 5-е изд., доработанное. – М.: Просвещение, 1987. – 448 с.
12. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / Н.Л. Шадрин. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. – 218 с.
13. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии / Р.И. Яранцев. – М.: Рус. яз., 1985 – 304 с.

14. *Bland J.* The poetry of children's literature and creative writing // Children's Literature and Learner Empowerment. Children and Teenagers in English Language Education. – 2015. – P. 156–187. – URL: Children's Literature in Second Language Education – Google Books (дата обращения 26.10.2024).
15. *Chitra F.* Idioms and Idiomaticity / F. Chitra. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 265 p.
16. Mother Goose's Nursery Rhymes. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/39784/39784-h/39784-h.htm> (дата обращения: 27.10.2024).
17. *Naciscione A.* Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics / A. Naciscione. – Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. – 283 p.
18. The Only True Mother Goose Melodies. Without Addition or Abridgement. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/28687/28687-h/28687-h.htm> (дата обращения: 27.10.2024).

ГЛАВА IV

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-АНТРОПОНИМЫ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ

Л.К. Халитова, Г.К. Гималетдинова

Введение

Правда ли, что одним из показателей грамотности человека является знание фразеологизмов родного языка и, как следствие, свободное владение языком, отражающим многовековой духовный опыт всей нации? Можно ли назвать современного русского человека культурным, если он не знает и не владеет русской фразеологией? На наш взгляд, ответ очевиден.

Фразеологическая подсистема языка, несомненно, занимает важное место в общей языковой системе и в сознании языковой личности. Человек, свободно владеющий фразеологическим арсеналом родного языка, достоин восхищения, поскольку его речь отличается выразительностью и образностью. Фразеологическая составляющая «не только содержательно обогащает, облагораживает языковую личность, но придает и самой языковой деятельности говорящего или пишущего неповторимое семантическое своеобразие, красочность, динамизм, эмоциональность и коммуникативную действенность» [9, с. 39].

Возможно, кто-то склонен считать, что в современном мире технологий со стремительным темпом жизни и, как следствие, возрастающей потребностью в экономии языковых средств ФЕ используются лишь в литературной речи или в художественном тексте, тогда как в других стилях предпочтительно использовать лексику с меньшим «градусом» образности и оценочности. Причинами отказа от использования ФЕ могут быть также боязнь употребить образное выражение некорректно или не к месту либо неуверенность в знаниях собеседника и нежелание поставить его в неловкое положение.

Особую сложность представляют ФЕ, в которых целостное значение фразеологической единицы не связано со значениями составляющих ее слов. А если в такой идиоме присутствует антропоним, то правильное употребление и понимание зависит от начитанности, грамотности, кругозора и культуры языковой личности.

Нельзя не согласиться со следующим мнением В.П. Жукова: «Русские фразеологизмы, наше бесценное культурное национальное достояние, как и слова, являются не только незаменимым материалом, но важнейшим и тонким инструментом создания произведений устного народного творчества, художественной, мемуарной литературы, публицистики и т. д.» [9, с. 38]. В связи с этим возникает вопрос, используются ли ФЕ в современной публицистике? Если ответ положительный, то уместно ли в ней употребление ФЕ с учетом стилевых особенностей? В частности, используются ли фразеологизмы в заголовках газетных статей, которые по праву можно назвать тем важнейшим элементом текста, от которого зависит судьба статьи: привлечет ли заголовок внимание читателя или, напротив, сбьет с толку и введет в заблуждение, либо попросту не вызовет никакого интереса, оставит равнодушным? Полагаем, что формулировка заголовка и использованные в нем лексические, синтаксические, образные «находки» автора предопределяют успех самой статьи.

Так, в этой главе мы рассмотрим и проанализируем функционирование ФЕ в заголовках газетных статей, а также выясним, насколько заголовки, содержащие ФЕ, во-первых, понятны современному читателю и, во-вторых, привлекают внимание и вызывают интерес.

Исследование состояло из трех этапов. На первом этапе авторами было отобрано четыре ФЕ, содержащих антропонимы – имена собственные. На втором этапе мы проанализировали функционирование данных ФЕ в составе газетных заголовков в новостных статьях в таких изданиях, как *Комсомольская правда*, *Независимая газета* и др. в период 2009–2016 гг. На третьем этапе мы провели анкетирование среди русских студентов-филологов, обучающихся на 1–4 курсах Казанского

федерального университета. Всего в опросе приняло участие 96 человек. Целью опроса было выяснить: 1) насколько хорошо современная молодежь знакома с фразеологическим составом русского языка; 2) мнение студентов о газетных заголовках, содержащих фразеологизмы-антропонимы, с точки зрения повышения интереса читателя. Студентам нужно было определить ФЕ в заголовке, описать его значение и прокомментировать свое отношение к использованию ФЕ в заголовках газетных статей. Забегая вперед, отметим, что результаты опроса оказались весьма неожиданными.

К вопросу о лексическом своеобразии фразеологизмов-антропонимов

В данном разделе освещаются вопросы описания и анализа антропонимики ФЕ, а также рассматриваются основные классификации ФЕ.

Итак, исследования, посвященные антропонимике фразеологических единиц, представлены в работах таких учёных, как В.Н. Топоров (1974), А.В. Суперанская (1973), Е.В. Колодочкина (2004), Г.Л. Пермяков (1988), О.Е. Фролова (2005), И.В. Тресорукова (2019) и др. В.Н. Топоров в своем труде «Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов» писал: «Люди были убеждены в том, что, назвав явление, предмет, они тем самым приобретали над ним власть. Особенно важная роль в мифологиях, связанных с земледелием и домашним хозяйством, принадлежала именам собственным. Известно, что имя собственное в мифологическом сознании воспринималось как часть конкретного носителя, было тесно связано с ним и даже заменяло его» [23, с. 48]. И.В. Тресорукова, изучив греческие ФЕ с антропонимом Γιάννης (Янис), приходит к выводу, что «данный антропоним в полной мере отражает национально-культурные особенности греческого народа и специфику национального самосознания, что говорит о включенности данного антропонима в общую фразеологическую картину мира носителя греческого языка, которая, в свою очередь, демонстрирует все своеобразие

греческой языковой картины мира» [24, с. 66]. Последнее утверждение можно применить к фразеологизмам-антропонимам любого языка.

По мнению Е.В. Колодочкиной, в ономастических ФЕ «находят свое отражение этнопсихологические особенности носителя языка, чем и обусловлен отбор имен собственных в процессе образования ФЕ» [11, с. 168].

Опираясь на классификацию онимов А.В. Суперанской, антропонимами будем считать такие онимы, «которые представляют собой наиболее распространенные в данном языковом пространстве имена и фамилии как простых людей, так и исторических личностей или мифологических персонажей» [21, с. 71]. Наиболее удачной нам представляется классификация, предложенная И.В. Тресоруковой. Исследователь разделяет антропонимы на четыре подгруппы:

1) наиболее распространенные имена и фамилии представителей данной этнической группы, не являющиеся прецедентными (собственно антропонимы), например, *Емеля* (Мели, Емеля, твоя неделя), *Демьян* (Демьянова уха), *Тришка* (Тришкин кафтан) и пр.;

2) имена мифологических персонажей и божеств, почитаемых в иных религиях (мифонимы), например, *Дамокл* (Дамоклов меч), *Авгий* (Авгиеевы конюшни), а также библейских персонажей и христианских святых (библионимы), например, *Фома* (Фома неверующий), *Георгий* (*Юрий*) (Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!) и пр.;

3) имена исторических деятелей (историонимы), например, *Потемкин* (Потемкинские деревни), *Буридан* (Буриданов осел) и пр.;

4) имена-неологизмы и окказионализмы. В эту подгруппу входят имена собственные (ИС), «которые являются искаженными формами распространенных ИС и употребляются в конкретных ФЕ, более нигде практически не встречаясь» [24, с. 67]. Приведем пример из работы И.В. Тресоруковой: *Люс* (*Lios* пер. *Льос* (искаженное *Илиас*)) [там же, с. 67].

По своему значению антропонимы делятся на узуальные и окказиональные. Так, узуальные могут быть доступны пониманию разных

народов, поскольку образованы от известных библейских персонажей. Например, фразеологизм-библионим *С Адама и Евы* в значении «с давних пор» или *ариаднина нить* «то, что помогает найти выход из затруднительного положения» будут понятны большинству людей. Окказиональные антропонимы отражают свойства или черты характера, которые приписывает им человек, например, глупость, лень, эгоизм, любопытство. Также они могут отражать отношение к говорящему, к ситуации и теме разговора, допустим, пренебрежение, одобрение/неодобрение, похвала и пр. В разных культурах одно и то же имя может выражать различные качества, поскольку у разных народов различное восприятие окружающего мира, разные ценности, разная история, разная символика, а следовательно, имена собственные имеют различную ассоциативную связь. Как отмечает Н.Д. Петрова в своей докторской диссертации, «узуальным символам присуще постоянство и стойкость признака, а окказиональные символы, обладая динамическим характером символики, сужают или расширяют сферу своего применения, постепенно теряя ассоциативные связи» (цитата по [24, с. 68]).

В нашем исследовании все антропонимы, входящие в состав фразеологизмов, являются окказиональными. Причина, по которой мы отобрали только фразеологизмы-антропонимы, объясняется тем, что без знания фразеологизма практически невозможно восстановить его значение. Например, невозможно угадать значение ФЕ *тришкин кафтан* путем логического умозаключения или с помощью ассоциаций, опираясь лишь на его компоненты – антропоним *Тришка* и вид одежды *кафтан*. Чтобы догадаться, что *тришкин кафтан* – это такая ситуация, когда устранение одних недостатков, влечет за собой возникновение других, нужно, по крайней мере, быть знакомым с басней И.А. Крылова. В произведении рассказывается, как Тришка, чтобы починить продранные локти кафтана, обрезал рукава, а для того, чтобы пришить рукава, обрезал полы. Таким образом, басня способствовала фразеологизации выражения.

Фразеологизмы традиционно разделяют на идиомы (фразеологические сращения и фразеологические единства) и неидиомы (фразеологические сочетания и фразеологические выражения). Мы, как уже отмечалось выше, рассматриваем ФЕ, являющиеся идиомами. И.А. Мельчук подчеркивает, что «сочетание идиоматично только тогда, когда его переводный эквивалент не совпадает с суммой переводных эквивалентов его частей» [15, с. 75] и выделяет следующие условия идиоматичности:

«1. В идиоматичном сочетании должно быть хотя бы одно слово с единственным переводом, т. е. с переводом, возможным лишь при наличии другого определенного слова (или при одновременном наличии нескольких определенных слов.

2. В идиоматичном сочетании слово с единственным переводом должно иметь этот перевод только при одновременном появлении данного слова со всеми остальными элементами.

3. Слово с единственным переводом, входящее в состав идиоматичного сочетания, должно встречаться вне данного сочетания и иметь тогда другой перевод» [15, с. 76–77].

Фразеологизмы-антропонимы в большинстве своем являются фразеологическими сращениями. Согласно В.В. Виноградову и Н.М. Шансому «фразеологическими сращениями называются такие семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несочетаемо с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с непроизводной основой» [31, с. 79].

В.В. Виноградов считает, что основным признаком фразеологических сращений является «семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов», при этом «семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфо-

логическими компонентами. Например: так себе; куда ни шло; диву даться» [4, с. 25].

В.Н. Телия описывает фразеологические сращения следующим образом: «1) сращения – это такие же немотивированные и непроизводные образования, как слово, лишенное внутренней формы; 2) компоненты сращения лишены какого бы то ни было самостоятельного значения; 3) внешняя раздельнооформленность сращения – это лишь дань языковой традиции» (цитата по [31, с. 22].

Н.Б. Мечковская подчеркивает, что «устойчивость идиом данного класса связана с наличием в их составе устарелых слов или значений, нередко имен собственных» [16, с. 156]. То есть когда-то эти выражения были мотивированы, но со временем внутренняя форма фразеологических сращений стерлась, стала затемненной, и между значениями компонентов этих ФЕ на современном этапе нет очевидных семантических связей. Например, *аредовы веки (жить)* означает очень долго, вечно, и произошло от имени библейского патриарха Иареда, который по преданию прожил 962 года.

Несмотря на то, что ФЕ считаются устойчивыми образованиями и обычно воспроизводятся в готовом виде, для многих из них характерны активные модификации, например, вследствие словотворчества. В одном из своих трудов профессор Е.Ф. Арсентьева отмечает, что «фразеологические единицы в русском языке рассматривались как квинтэссенция мудрости многих поколений, что, естественно, находило свое отражение в преимущественном использовании устоявшихся «словарных» форм ФЕ. В настоящее время существует двойственное отношение ученых к подобным преобразованиям фразеологизмов. С одной стороны, подобные преобразования рассматриваются как отклонения от нормы и, следовательно, подвергаются открытой критике. С другой стороны, контекстуальное обыгрывание ФЕ приветствуется как неисчерпаемый источник творческой фантазии носителей языка» [1, с. 36]. Такая фразеологическая активность характерна для функционально-стилевой сферы публицистики и активно исполь-

зуется в журналистике для выражения экспрессии и привлечения внимания читателя. Также модификация ФЕ может создавать иронический или юмористический эффект, эффект неожиданности или создание языковой игры. Если причины модификаций скрыты или неясны, читатель может воспринять модификацию как ошибочное употребление ФЕ [34, с.74].

Наиболее часто встречающийся способ трансформации – *замещение компонента*, это субSTITУЦИЯ одного или нескольких компонентов ФЕ при условии, что фразеологический оборот остается узнаваемым. Замещение обычно происходит той же частью речи. Подобные модификации ФЕ наблюдаем в заголовках газетных статей, например, *Вот тебе, бизнес, и Юрьев день!* (Деловой Петербург, 16 декабря 2008), образованный от *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* «о неожиданно возникшем безвыходном положении, прекращении свободы действий и т. п.» [27, с. 821]. Здесь компонент *бабушка* заменен на слово *бизнес*, для актуализации такой ситуации в бизнесе, когда не произошло того, что ожидали. Это замещение не выполняет каких-либо стилистических функций, но придает новое значение, новое звучание. Считается, что «употребление ФЕ часто сопровождается актуализацией определенных культурно-маркированных семантических компонентов посредством включения в их состав слов, эксплицирующих и уточняющих эти компоненты» [14, с. 63].

Еще одним из способов нарушения лексической устойчивости ФЕ считается *опущение компонента*. Одно или несколько слов могут опускаться для смягчения выражения или для сокращения слов в заголовке, например, оборот *показать Кузькину мать* в значении «выражение угрозы» [26, с. 528] встречаем в заголовке «*Кузькина мать* из космоса: *Россия ведет разработку устрашающего бомбардировщика*» (Московский комсомолец, 13 июля 2016).

Функции заголовка в публицистическом тексте

В современной лингвистике изучению заголовка как особой категории текста уделяется значительное внимание. Вместе со структурными и стилистическими изменениями того или иного типа текста, меняются структура, содержание и функции заголовка. Не исключение газетный текст, который принято относить к публицистике.

Заголовок определяется как «выделенный графически потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантичностью, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именует и/или характеризует текст, прогнозирует его содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы» [2, с. 794]. Таким образом, если рассматривать заголовок как имя текста, то можно предположить, что газетный заголовок своим именованием выражает субъективно-авторское отношение создателя текста и предопределяет его восприятие читателем и одновременно с этим служит «сигналом семантической наполненности» [20].

Научный интерес к газетному заголовку возникает в середине XX века, когда существенные изменения претерпевает сам заголовок как неотъемлемая часть газетного текста. По наблюдениям В.Г. Костомарова, описавшего лингвистические особенности газетных заголовков 1960-х гг., «возвращение заголовкам экспрессии, в значительной мере утерянной в предшествующие годы, можно считать главной тенденцией их развития» [12, с. 162].

Интересно отметить, что заголовок вовсе не всегда был столь значимой частью газетного текста. Экскурс в историческое развитие газет позволяет обнаружить изначальную цель публикаций – удовлетворение социально-культурного любопытства, при этом заголовки в смысловом плане были малоинформационны, а сами газетные публикации так или иначе прочитывались полностью. Ускоряющийся темп жизни общества и коммерциализация СМИ, а как следствие, борьба за читателя, привели к тому, что заголовки стали развивать различные фун-

кции, наиболее значимой из которых является функция привлечения внимания и выражения экспрессии.

Рассмотрение заголовка как особого типа текста способствовало тому, что газетный заголовок становится предметом специального изучения с точки зрения его лингвистической составляющей. Исследователи отмечают двойственную природу заголовка, позволяющую рассматривать его как автосемантично (до текста), так и синсемантично (на фоне текста) [7, с. 67], а также учитывать такие особенности заголовка, как речевая природа, автономность, относительная самостоятельность, с одной стороны, и связность с последующими компонентами текста – с другой [18]. Будучи коммуникативной единицей, заголовок обладает собственными лингвистическими и лингвокультуро-ведческими особенностями [17, с. 37].

Вслед за В.П. Вомперским, обратимся к наиболее значимым функциям газетного заголовка:

- 1) *коммуникативная функция*, заключающаяся в том, что заголовок призван так или иначе, в большей или меньшей степени, выражать содержание газетного текста;
- 2) *апеллятивная функция*, связанная с воздействием на читателя (данную функцию многие исследователи называют воздействующей);
- 3) *экспрессивная функция*, согласно которой заголовок газетной статьи позволяет автору выразить свое субъективное отношение к действительности, к теме статьи, отражает особенности личности автора;
- 4) *графико-выделительная функция*: газетный заголовок отграничивает один материал от другого [6].

Современные исследователи (например, А.Э. Долгирева 2002, А.А. Лютая 2008, М.Н. Николаева 2016, Е.С. Мироненко 2020) практически единогласно отмечают, что назначение газетного заголовка – привлечь внимание и заинтересовать читателя, установить психологический и эмоциональный контакт, вызвать у читателя желание продолжить чтение. Наименование статьи рассматривается как формальная, чисто техническая функция заголовка, тогда как его истинная ценность определяется pragmatischen потенциалом, возможностью выраже-

ния мировоззренческой позиции автора, внушения читателю желаемого отношения к тем или иным фактам [17, с. 38]. Актуализация воздействующей функции заголовка продиктована прагматикой медиа коммуникации, при этом «в газете использование языковых средств определяется не столько возможностями самого языка, сколько зависит от экстралингвистических обстоятельств (от общественно-политических условий и установок, от особенностей менталитета и т. д.)» [8, с. 24]. В СМИ можно наблюдать специфическое взаимодействие между автором газетного текста (субъектом речи) и читателем (адресатом) с учетом прагматики медиа коммуникации: «субъект речи определяет цели и задачи сообщения, тип речевого поведения, отношение к сообщаемому, его оценку, акценты при конструировании текста сообщения. Адресат текста интерпретирует текст (в том числе косвенные и скрытые смыслы), испытывает воздействие (интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое). При этом важную роль играет заголовок» [13, с. 6]. Вышесказанное позволяет заключить, что СМИ нуждаются в экспрессивных заголовках, которые позволяют и журналистам, и читателям почувствовать себя полноправными участниками медиакоммуникации.

Сегодня газетные заголовки предъявляют довольно высокие требования к читателю медиатекста, поскольку, во-первых, «отражают языковую картину мира и являются продуктом взаимодействия языка, культуры, этноса, межкультурной языковой личности» [17, с. 37], а во-вторых, выполняют роль медиатора между «медиа-текстом, совокупностью предшествующих текстов и человеком, его эмоционально-ценостной средой, опытом и объемом имеющихся у него фоновых знаний» [2, с. 794].

Из числа средств, привлекающих внимание читателя, в заголовках особое место занимают прецедентные тексты, в частности, фразеологизмы. Исследуя особенности употребления заголовков с прецедентными текстами, Е.П. Черногрудова отмечает, что понимание того или иного текста современной публицистики, содержащего отсылки к пре-

цедентным текстам, сопряжено с повышением речемыслительной активности получателя информации, поскольку умение соотнести текст с другими текстами требует актуализации имеющегося у читателя культурного опыта, знания реалий, понимания стереотипных образов и ситуаций, лежащих в основе прецедентных текстов [29]. Кроме того, выбор языковой формы (например, использование фразеологизма) при наименовании газетного текста обусловлен стремлением выразить субъективное мнение автора и апеллировать к эмоциям читателя, тогда как восприятие и интерпретация такого заголовка зависит от индивидуально-личностных установок реципиента, сопряженных с его социокультурными и психолингвистическими характеристиками [13].

В ряде работ, посвященных изучению фразеологизмов в газетных заголовках (например, Е.П. Черногрудова 2003, А.Н. Зеленов 2009, Т.Н. Николаева 2016, М.Н. Николаева 2016, Н.А. Шиблева 2016, А.С. Война 2017, М.Р. Шакиров 2019, Н.Н. Щербакова 2020, В. Фаткуллаева 2022), рассматриваются различные вопросы использования данного вида прецедентного текста и сделаны выводы о целесообразности применения фразеологизмов в заголовках газет.

С одной стороны, применение фразеологической единицы как готового, стандартизированного элемента позволяет читателю легко и оперативно ориентироваться в потоке информации, что говорит об универсальности фразеологических единиц как составляющих заголовков газет [10]. Выявлено, что фразеологические сочетания, носящие характер своего рода речевых штампов, помогают объективному восприятию информации, содержащейся в новостных текстах [19, с. 101]. Привлекательность фразеологических оборотов в целом связана с их узнаваемостью и национальной маркированностью [33, с. 91] и тем, что «большая часть фразеологического фонда имеет какую-либо экспрессивно-стилистическую окраску» [25, с. 260].

С другой стороны, существует мнение, что эффективность применения фразеологизмов в заголовках зависит от того, использованы ли они в оригинальной форме или в трансформированной. Иссле-

дователи отмечают, что фразеологизмы значительно реже используются в заголовках газет в оригинальном, неизмененном виде, так как такие устойчивые сочетания малопривлекательны для читателя, не обладают новизной, а следовательно, не способны оказать в полной мере воздействующую и экспрессивную функции [5, 25, 33]. Есть множество факторов, влияющих на выбор фразеологизма для заголовка, к ним относятся тема и назначение публицистического сообщения, его характер и целевая аудитория, например, «использование трансформированных фразеологизмов в структуре прецедентного высказывания наиболее распространено в печатных изданиях светского характера, так как для таких СМИ важен не сам информационный повод, а его восприятие и оценка. Такие заголовки задают основную тональность повествования, вызывают эмоции у читателя, воздействуя на него» [5, с. 437].

Таким образом, заголовок в публицистике позволяет органично сочетать «информационную и воздействующую функции, совмещая в себе черты стандарта и экспрессии, стереотипа и творчества» [33, с. 90–91]. Умение автора публицистического текста использовать заголовки в соответствии с индивидуальным мировоззрением и установкой предугадать реакцию целевой аудитории во многом определяет читательский интерес.

Фразеологизмы-антропонимы в газетных заголовках: результаты опроса

В данном разделе приводятся результаты анкетирования, целью которого было выяснить: 1) насколько хорошо современная молодежь знакома с фразеологическим составом русского языка; 2) мнение студентов о газетных заголовках, содержащих фразеологизмы-антропонимы. В первую очередь нас интересовал вопрос: могут ли фразеологизмы в составе газетной статьи привлечь внимание читателя или же, наоборот, они вводят в заблуждение и, как результат, читатель теряет интерес к статье. В опросе приняли участие 96 студентов-филологов,

обучающихся на 1–4 курсах Казанского федерального университета, для которых русский язык является родным.

Из обширного фонда фразеологизмов-антропонимов русского языка методом сплошной выборки были отобраны четыре фразеологизма для дальнейшего использования в исследовательском эксперименте. Ниже приведем список отобранных ФЕ и их значения. В скобках указана частотность употребления фразеологизма в газетном тексте по данным Русского национального корпуса [<https://ruscorpora.ru/>]. Значение и история образования каждого фразеологизма-антропонима уточнялась в фразеологических и толковых словарях.

1. Мели, Емеля, твоя неделя (16) – выражает пренебрежительное или недоверчивое отношение к тому, кто (много) говорит, при невозможности повлиять на говорящего, остановить его и т. п. Согласно «Словарю русской фразеологии» 1998 г.: «ирон. или презр. О полном недоверии к чьим-л. словам, чьему-л. рассказу. 1. Выражение связано с русским обычаем (касающимся в основном женщин) чередовать по неделям выполнение членами семьи хозяйственных работ. Среди них был и помол зерна для выпечки хлеба на ручных жерновах. В рифмованном выражении совмещаются два значения слова молоть – «перемалывать зерно» и «говорить вздор». Второе значение произошло не без влияния образного уподобления языка пестику, которым измельчается зерно, а рта – непрерывно движущимся жерновам. Людям, которые отлынивали от всякого труда (особенно мужского), болтали, и говорили: «Мели...», шутливо сопоставляя выражение языком молоть с действительно тяжелой работой на ручном жернове. Слово неделя прежде означало выходной день (от не делать). В некоторых русских говорах до сих пор сохранилось слово неделя в значении «лентяй», «бездельник», т. с. « тот, который не делает, не работает». Буквально выражение, следовательно, значит: «Ври, болтай, Емеля, пока еще твое бездельное время». 2. Имя Емеля символизировало в русском фольклоре неумного человека, дурачка. Поэтому на возникновение оборота могла повлиять и сказка о том, как Емеля-дурачок надумал смолоть полову, испечь из муки лепешек и много говорил («молол») об этом» [3, с. 180].

2. Тришкин кафтан (68) – о ситуации, когда один недостаток пытаются исправить, создавая другой; попытка решить проблему, создавая новую, необдуманные действия, приводящие к ещё худшему результату, или «о том, в чем исправление одного ведет к порче, недочетам в другом» [27, с. 535]. Также находим следующее описание фразеологизма: «ирон. О непродуманном, небрежном и поспешном устраниении одних недостатков, которое влечет за собой возникновение других. Выражение – название басни (1815) И.А. Крылова, в которой рассказывается, как ее герой Тришка для починки продраных локтей кафтана обрезал рукава, а для того, чтобы надставить рукава, обрезал полы, в результате чего кафтан стал таким, «которого длиннее и камзолы». Баснописец в заключение басни употребил выражение уже в переносном значении:

Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют;
Посмотришь: в Тришкином
кафтане щеголяют.

Это способствовало фразеологизации сочетания Тришкин кафтан» [3, с. 255].

3. Демьянова уха (5) – ситуация, когда кому-то предлагают что-то очень навязчиво, чрезмерно и против воли. Так говорят «о чем-л. в неумеренном количестве, назойливо предлагаемом и потому быстро надоедающем, раздражающем (по названию басни Крылова «Демьянова уха»)» [27, с. 632–633]. Фразеологизаций этого выражения также способствовала басня И.А. Крылова: «неодобр. О том, что назойливо предлагают, навязывают кому-л. против его воли и в неумеренном количестве. Выражение возникло из басни И.А. Крылова «Демьянова уха» (1813). Сосед Демьян так потчевал ухом соседа Фому, что тот:

Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватив в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой –
И с той поры к Демьяну ни ногой» [3, с. 589].

4. Прокрустово ложе (186) – мерка, под которую стремятся насилиственно подогнать, приспособить то, что не подходит под нее. Согласно Толковому словарю Ушакова, *прокрустово ложе* «(книжн.) – мерка, под которую насилиственно подгоняют неподходящие под нее явления (по имени легендарного древнегреческого разбойника Прокруста, который клал захваченные им жертвы на свое ложе и обрубал ноги тем, кто оказывался длиннее ложа, а тем, кто короче, вытягивал их)» [22]. Известно, что это «выражение из античной мифологии. Прокруст (др.-греч., букв, «растягивающий») Полипомен, сын Нептуна, разбойник и истязатель. Он ловил проходящих и клал их на свое ложе. Тем, у кого ноги были длиннее ложа, он обрубал их, а тем, у кого они были короче, – вытягивал, подвешивая к ногам тяжести. Рассказ о Прокрусте записан греческим историком Диодором Сицилийским (I в. до н. э.). В русский язык проник в XVIII–XIX вв.» [3, с. 347].

Для анализа и получения обратной связи от реципиентов, представляющих собой современных читателей, нами было отобрано четыре оригинальных заголовка газет, содержащих приведенные выше фразеологизмы-антропонимы.

1. Мели, Емеля! Первое апреля! (*Комсомольская правда, 31 марта 2011*)

2. «Тришкин каftан» на литовский лад: страна возьмет в долг около 3,2 млрд евро. (*Комсомольская правда, 19 октября 2016*)

3. Демьянова уха в черешневом лесу. (*Независимая газета, 13.05.2009*)

4. Неправильно загонять интернет в прокрустово ложе: Владимир Путин. (*IA Regnum, 3.12.2013*)

Студентам предлагалось выбрать один ответ из нескольких вариантов или предложить свой. К каждому заголовку были заданы три уточняющих вопроса: первый вопрос открытого типа, второй и третий – в форме множественного выбора. Фрагмент анкеты представлен ниже на рис. 4.1:

Ознакомьтесь с примерами использования фразеологических единиц в заголовках газет и ответьте на вопросы анкеты.

1. **Мели, Емеля! Первое апреля!** (Комсомольская правда, 31.03.2011)

1) Какой фразеологизм использован в заголовке? (напишите только фразеологизм в его словарной форме)

2) Знаете ли вы значение использованного в заголовке фразеологизма? Если да, укажите значение своими словами.

А. Да. Значение _____

Б. Нет, значение фразеологизма мне неизвестно.

3) Выберите вариант, наиболее точно соответствующий вашему мнению (или укажите свой):

А. Заголовок привлекает мое внимание как читателя благодаря использованию фразеологизма.

Б. Заголовок вводит меня как читателя в заблуждение, т.к. значение фразеологизма мне непонятно.

В. Фразеологизм не оказывает влияния на восприятие заголовка.

Г. Другое _____

Рис. 4.1. Вопрос анкеты на знание фразеологизмов-антропонимов

Далее проанализируем полученный материал и попытаемся разобраться в сложившейся ситуации. В ответах реципиентов мы сохранили правописание и пунктуацию.

Итак, фразеологизм *Мели, Емеля, твоя неделя* в названии газетного заголовка «Мели, Емеля! Первое апреля!» узнали лишь 9 из 96 человек, к сожалению, это составляет 9,4 %. На вопрос анкеты № 2 «Знаете ли вы значение использованного в заголовке фразеологизма?» 58 студентов ответили отрицательно, и даже многие, кто написал, что знает значение фразеологизма, предложили неправильные варианты, такие, как призыв устроить потеху, делать бессмысленные вещи, лгать, шутить и даже заставлять работать глупого человека. Поскольку одной из задач было понять эффективность фразеологизма-антропонима в названии статьи с целью «зацепить» читателя, независимо от того, знает читатель ФЕ или нет, то ответы на вопрос № 3 кажется нам особенно важным. Ответы распределились следующим образом: вариант А – «Заголовок привлекает мое внимание как читателя благодаря использованию фразеологизма» – выбрали 39 представителей молодежи; вариант Б – «Заголовок вводит меня как читателя в заблуждение, так как значение фразеологизма мне непонятно» – выбрали 37 человек; вариант В – «Фразеологизм не оказывает влияния на восприятие заголовка» – выбрали 13 человек. 7 человек предложили свои варианты ответов, например, привлекает внимание в названии скорее рифма, а не наличие ФЕ. Студенты, которые знали (или думали, что знают)

значение фразеологизма отвечали, что заголовок привлекает их внимание как читателя благодаря использованию фразеологизма. Те, которые не знали, обычно отвечали, что заголовок вводит их как читателя в заблуждение, так как значение фразеологизма непонятно.

В заголовке «Тришкин кафтан» на литовский лад: страна возьмет в долг около 3,2 млрд евро» 69 студентов (72 %) из 96 опрошенных опознали фразеологизм *тришкин кафтан* и лишь 22 человека написали, что не узнали ФЕ. Оставшиеся 5 студентов предложили неправильную словарную форму, например, «Тришке кафтан не по годам», «кафтан мал» и даже «тришкин кафтан да лиловый сарафан». Но несмотря на то, что большинство опрошенных знали данный фразеологизм, 67 человек ответили, что значение фразеологизма им неизвестно. Было много правильных ответов на вопрос «Знаете ли вы значение использованного в заголовке фразеологизма?», и даже несколько человек вспомнили басню И.А. Крылова, однако были и ошибочные предположения. Приведем некоторые ответы студентов: «товар в долг», «не по размеру», «вещь слишком мала», «что-то сделанное на скорую руку неумелым мастером», «сделано криво-косо», «несуразная вещь», «что-то некачественное» и подобное. Ответы свидетельствуют о том, что наблюдается тенденция к возникновению многозначности фразеологизма, а именно акцент с характеристики ситуации смещается на описание предмета, то есть к первоначальному буквальному значению фразы – испорченной одежды (кафтану) Тришки, описанной в басне, которая и послужила материалом для фразеологизации. Что касается ответа на вопрос о том насколько заголовок, содержащий фразеологизм-антропоним *тришкин кафтан* может быть привлекательным для читателя, мы получили следующие результаты: 37 человек ответили, что заголовок привлекает их внимание как читателя, 31 человек ответили, что заголовок вводит их заблуждение, так как значение фразеологизма им непонятно и 28 человек выбрали ответ «фразеологизм не оказывает влияния на восприятие заголовка». Таким образом, распределение ответов 39 % – 32 % – 29 % свидетельствует о неочевидности

пользы включения фразеологизмов-антропонимов в заголовки новостных статей для привлечения внимания молодого читателя. Однако следует отметить, что среди ответов был и такой комментарий студента: «Заголовок привлекает внимание и сразу очень интересует, хочется вспомнить из какого именно произведения это выражение для людей незнающих появляется желание посмотреть точное значение, чтобы понять о чем пойдет речь».

Заголовок «Демьянова уха в черешневом лесу», в котором использован фразеологизм *демьянова уха* в значении навязывания чего-либо кому-либо против воли, оказался самым сложным для понимания. К сожалению, подавляющее большинство – 83 студента-филолога – признались, что значение фразеологизма им неизвестно (86 % опрошенных), хотя многие (57 человек) правильно назвали словарную форму ФЕ, и даже некоторые вспомнили, что фраза из басни И.А. Крылова, однако правильно значение указали лишь 6 человек. Среди ошибочных значений были, например, следующие: «вранье, ложь», «обозначение щедрости» и даже «парень среди девушек». То есть материал свидетельствует о том, что фразеологизм *демьянова уха* практически вышел из употребления и современный читатель, а в нашем случае студент-филолог, не знает его значение. Это также подтверждается чрезвычайно низкой частотностью (5 случаев) употребления фразеологизма *демьянова уха* в газетном тексте по данным Русского национального корпуса.

Следовательно, вполне логичным оказался ответ большинства на вопрос о привлекательности заголовков, содержащих фразеологизмы-антропонимы: 45 (47 %) опрошенных выбрали вариант «заголовок вводит меня как читателя в заблуждение, так как значение фразеологизма мне непонятно». Вариант ответа «заголовок привлекает мое внимание как читателя благодаря использованию фразеологизма» и «фразеологизм не оказывает влияния на восприятие заголовка» выбрали 28 (29 %) и 13 (14 %) студентов соответственно. Оставшиеся 10 (10 %) человек в разделе «другое» написали, следующие комментарии:

«[заголовок] вызвал недоумение», «пришлось долго думать, вспоминать», «смысл заголовка неясен», «само выражение вообще не информативно». Однако был и такой примечательный комментарий: «Обожаю фразеологизмы (отражение русской культуры) даже если я не знаю их».

Фразеологизм *прокрустово ложе*, который встречается в заголовке «Неправильно загонять интернет в прокрустово ложе: Владимир Путин», самый частотный из четырех по данным Русского национального корпуса – 186 случаев употребления. Данный фразеологизм можно отнести к мифонимам (по классификации И.В. Тресоруковой), то есть к фразеологизмам-антропонимам, содержащим имена мифологических персонажей и божеств. Очевидно, что имена богов и героев из античной литературы обладают высокой степенью гипертекстуальности и образности, долгое время оставаясь актуальными. Так, фразеологизм *прокрустово ложе*, содержащее имя древнегреческого разбойника Прокруста, более популярно и, как уже отмечалось, чаще используется (186), чем фразеологизмы *демьянова уха* (5) или *тришкин кафтан* (68) по данным Русского национального корпуса.

Однако результаты опроса показали обратное: 73 студента из 96 участников эксперимента (а это подавляющие 76 %), ответили, что значение фразеологизма им неизвестно. При этом, вопреки нашим ожиданиям, сам фразеологизм *прокрустово ложе* узнали лишь 55 студентов, а правильное значение, связанное с ограничениями, некими рамками или границами, дали 27 человек. Проанализировав предложенные студентами значения, отметим, что из контекста многие догадались о негативной коннотации фразеологизма. Приведем некоторые из них: «обман», «точка назначения», «безвыходная ситуация», «положение, в котором при любом исходе событий и при любых обстоятельствах человек будет страдать».

Полагаем, незнание значения фразеологизма *прокрустово ложе* стало одной из причин низкой заинтересованности читателя. Ответы на третий вопрос анкеты, который был направлен на уточнение степени привлекательности заголовка статьи, распределились сле-

дующим образом. Из 96 опрошенных вариант ответа «Заголовок привлекает мое внимание как читателя благодаря использованию фразеологизма» выбрали лишь 28 студентов (29 %), ответ «Заголовок вводит меня как читателя в заблуждение, так как значение фразеологизма мне непонятно» и ответ «Фразеологизм не оказывает влияния на восприятие заголовка» выбрали – 41 (43 %) и 21 человек (22 %) соответственно. 6 (6 %) студентов не выбрали ни одного из предложенных вариантов. В комментариях студенты отметили, что «[название] звучит интересно», «интересно узнать что означает фразеологизм и что оно имеет ввиду», а также что «нужно вспомнить античку».

Заключение

Анализ материала показал, что в современном медиатексте следует с осторожностью использовать фразеологизмы-антропонимы в названиях новостных статей. Авторы медиатекстов в своем стремлении дать заголовку экспрессивное звучание и воздействовать на эмоции и чувства читателя рискуют не получить желаемый результат: читатель попросту может оказаться плохо осведомленным в сложных вопросах фразеологии.

Как выявил опрос, проведенный среди студентов-филологов 1–4 курсов Казанского федерального университета, современная молодежь недостаточно хорошо знакома с фразеологизмами-антропонимами русского языка. Именно такая неосведомленность повлияла на восприятие новостных заголовков, содержащих фразеологизмы-антропонимы: многие опрошенные ответили, что заголовок вводит их в заблуждение. Однако те студенты, которые знали значение фразеологизма или предполагали, что знают, ответили, что заголовки, содержащие фразеологизмы-антропонимы, привлекают их внимание как читателей.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф. Роль контекстуальных преобразований фразеологизмов в создании юмористического эффекта в литературном анекдоте / Е.Ф. Арсентьева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – № 3. – С. 36–41.

2. Белова Ю.А. Смысл газетного заголовка: трудности интерпретации / Ю.А. Белова // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – № 3. – С. 794–796.
3. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Война А.С. Эмоциональное в языке СМИ: фразеологизмы в составе заголовка газетной статьи / А.С. Война // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта, Москва, 24–25 ноября 2017 года / Н.Б. Самсонов (отв. ред.). – М.: Московский государственный областной университет, 2017. – С. 434–437.
6. Вомперский В.П. О стиле очерка / В.П. Вомперский // Стилистика газетных жанров / под ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во МГУ, 1981.
7. Далгатова З.М. Газетный заголовок как проявление авторской модальности в аварском языке в сопоставлении с английским / З.М. Далгатова // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2012. № 1. – С. 67–71.
8. Долгирева А.Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Э. Долгирева. – Таганрог, 2002. – 25 с.
9. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
10. Зеленов А.Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Зеленов. – Великий Новгород, 2009. – 21 с.
11. Колодочкина Е.В. Ономастические фразеологизмы во французском и русском языках / Е.В. Колодочкина // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2004. – С. 168–173.
12. Костомаров В.Г. Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки // Из опыта преподавания русского языка нерусским / В.Г. Костомаров. – М.: Мысль, 1965. – С. 162–185.
13. Лютая А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Лютая. – Волгоград, 2008. – 22 с.

14. *Мелерович А.М.* Формирование функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 336 с.
15. *Мельчук И.А.* О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И.А. Мельчук // Вопросы языкоznания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.
16. *Мечковская Н.Б.* Классы идиом и их корреляты в механизмах диахронической фразеологии (на материале восточнославянских, словенского и польского языков) / Н.Б. Мечковская // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Культура-логія. Фалькларыстыка. XIV Міжнародны з‘езд славістаў (Скопje, 2008): Даклады беларускай дэлегацыі. – Минск, 2008. – С. 149–172.
17. *Мироненко Е.С.* Особенности стиля газетных заголовков / Е.С. Мироненко // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2020. – № 05 (61). – С. 36–43.
18. *Николаева М.Н.* Лингвистические особенности англоязычных газетных заголовков с ономастическим фразеологизмом / М.Н. Николаева // Вестник Московской международной академии. – 2016. – № 1. – С. 82–87.
19. *Николаева Т.Н.* Особенности заголовков якутских газет / Т.Н. Николаева, С.В. Сергучева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2016. – № 2(52). – С. 97–105.
20. *Славкин В.В.* Заголовок в современном газетном тексте / В.В. Славкин // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – №1. – С. 40–49.
21. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
22. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.05.2024).
23. *Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.Н. Топоров, В.В. Иванов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
24. *Тресорукова И.В.* Антропонимия греческой фразеологии: спіті χωρισ γιαννη προκοπη δεν κανει / И.В. Тресорукова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2019. – № 4. – С. 65–78.
25. *Фаткуллаева В.* Фразеологизмы в роли заголовка газет / В. Фаткуллаева // Academic research in educational sciences. – 2022. – № 9. – С. 259–262.
26. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. Справочное издание: в 2 т. / под ред. проф. А.Н. Тихонова / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. – Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

27. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. – Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
28. *Фролова О.Е.* Антропоним в жестко структурированном тексте / О.Е. Фролова // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 36–44.
29. *Черногрудова Е.П.* Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике: на материале центральной, региональной и местной прессы: автореферат дис. ... кандидата филол. наук / Е.П. Черногрудова. – Воронеж, 2003. – 22 с.
30. *Шакиров М.Р.* Структурная трансформация фразеологизмов в заголовках современных СМИ / М.Р. Шакиров // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2019. – № 11-7(55). – С. 126–130.
31. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Спец. Лит., 1996. – 192 с.
32. *Шиблева Н.А.* Творческое использование фразеологизмов в заголовках публикаций «Российской газеты» / Н.А. Шиблева // Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник научных статей IV международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры журналистики Пензенского государственного университета, Пенза, 28–30 сентября 2016 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2016. – С. 180–182.
33. *Щербакова Н.Н.* Фразеологизм в газетном заголовке: трансформация языкового стереотипа / Н.Н. Щербакова, Т.Н. Шевелева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 4 (29). – С. 90–93.
34. *Omazic M.* Processing of Idioms and Idiom Modifications. A View from Cognitive Linguistics / M. Omazic // Phraseology: An Interdisciplinary perspective / ed. by S. Granger, F. Meuner. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 67–79.

ГЛАВА V

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.П. Соболева

Введение

В повседневной жизни мы имеем дело с рекламой в ее различных проявлениях, начиная с рекламы товаров, услуг, кинофильмов и заканчивая рекламой социальной. Несмотря на то, что существует так много разновидностей рекламы, их объединяет общая цель – привлечение внимания реципиента. Ее достижение напрямую зависит от оригинальности краткого рекламного текста, поэтому копирайтеры используют различные приемы, формирующие своеобразный язык рекламы.

Среди таких приемов, в частности, выделяют использование контекстуально трансформированных и нетрансформированных фразеологических единиц (ФЕ), которые были положены в основу слоганов для товаров, услуг, социальной рекламы и полнометражных кинофильмов. ФЕ располагают большим потенциалом в плане стилистических преобразований ввиду того, что такие сочетания слов обладают осложненной семантикой.

Данная глава посвящена анализу особенностей окказиональной реализации ФЕ в контексте кратких рекламных текстов – коммерческих слоганов для товаров, услуг и полнометражных кинофильмов, а также социальных рекламных слоганов на английском и немецком языках. В рамках главы фокус внимания смешен к анализу окказиональной конфигурации второй степени – преобразований, реализуемых с помощью сложных стилистических приемов: расширенной метафоры, конвергенции и фразеологического насыщения контекста.

Стилистические особенности исследуемого материала, а также поставленные в рамках данной главы задачи обусловили выбор

методов исследования. К основным методам, используемым в данном исследовании, относятся метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, сопоставительный метод, методы фразеологической идентификации и фразеологического описания, разработанные в рамках научной концепции А.В. Кунина [3,4], Е.Ф. Арсентьевой [1], а также использование приемов классификации.

Частнонаучная методология опирается на работы по исследованию языка рекламных текстов А. Годдард [7], Д. Дайер [6], взаимодействия фразеологии и рекламы В. Мидера [9, 10], Д. Кристала [5], А. Прахлада [12], Н. Янич [8], Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [2]. В качестве материала исследования было рассмотрено 18 тысяч слоганов.

В следующем разделе мы обратимся к теоретическим аспектам контекстуальной реализации ФЕ.

Контекстуальное использование фразеологических единиц

Для верной идентификации способа реализации фразеологизма в контексте рекламы необходимо иметь представление об основной, базовой форме ФЕ. Это понятие является ключевым, так как неверное определение основной, базовой формы может привести к некорректным теоретическим выводам. Поэтому ряд ученых вводит термины для обозначения инвариантного значения и постоянной формы, которые присущи ФЕ в языке и тексте соответственно: А.В. Кунин апеллирует к единому термину «узуальное употребление» на русском языке и «prescriptive use» на английском языке, тогда как А. Начисчионе вводит два термина «base form» (в языке) и «core use» (в тексте). По словам А. Начисчионе, такая ФЕ представляет собой «идеальный случай» ее употребления [11, с. 35].

ФЕ, которые используются в основной, словарной устоявшейся форме, могут функционировать в контексте рекламы без стилистических изменений. Фразеологизм, реализованный в тексте в базовой форме, или узуально, является доступным для понимания большинству носителей языка. Такие фразеологизмы являются контекстуально

нетрансформированными: «Отсутствие видимых изменений в форме фразеологизмов способствует их быстрому распознаванию носителями языка» [1, с. 11]. В монографии Е.Ф. Арсентьевой подробно освещаются основные характеристики использования контекстуально нетрансформированных ФЕ. К данным характеристикам отнесены три основные особенности: во-первых, функционирование фразеологизма в базовой форме и словарном значении; во-вторых, реализация значения ФЕ в пределах предложения; в-третьих, «предсказуемое» использование фразеологизма [1, с. 11].

Однако несмотря на отсутствие видимых структурных преобразований ФЕ, устоявшееся значение единицы под влиянием контекста может стать окказиональным. Такое значение А. Начисчионе определяет термином «*instantial use*» [11]. В отличие от контекстуального функционирования нетрансформированных фразеологизмов, окказиональное использование ФЕ отражает явление творческого использования языковых средств: то, что не может быть выражено базовой формой и словарным значением фразеологизма, может быть реализовано с помощью семантических и структурно-семантических преобразований. В частности, прием двойной актуализации может затрагивать семантику ФЕ при отсутствии видимых структурных изменений.

Тем не менее любая модификация базовой формы и словарного значения фразеологизма не должна менять исходную ФЕ до неузнаваемости. ФЕ, используемые в контексте рекламы, должны быть легко распознаваемы потенциальными реципиентами для создания ассоциативной связи между уже знакомой идеей, мысленным образом и новой оформленшейся рекламной мыслью. Согласно А. Начисчионе, процесс распознавания стилистических преобразований фразеологизмов проходит несколько этапов: узнавание («*recognition*»), проверку («*verification*»), осмысление («*comprehension*») и истолкование («*interpretation*») [11, с. 45]. Фаза контроля (проверки) является одной из наиболее значимых ступеней, так как она представляет собой когнитивный процесс, суть которого – сравнение базовой ФЕ и её значения

с модифицированной единицей, направленное на определение реализованных стилистических преобразований. В рамках данного этапа знание и понимание исходной формы ФЕ являются ключевыми.

Итак, ФЕ в контексте рекламы могут быть реализованы как узально, так и окказионально. А.В. Кунин в своих исследованиях предложил четыре типа конфигураций, которые образуют фразеологизм и его актуализатор. К первым двум типам относится узальная конфигурация первой и второй степени. Принципиальное отличие между ними заключается в усилении экспрессивности ФЕ в рамках узальной конфигурации второй степени посредством «позиционных стилистических приемов» [3, с. 244]. Ко вторым двум разновидностям относится окказиональная конфигурация первой и второй степени.

В рамках окказиональной конфигурации первой степени происходит не только усиление экспрессивности, но и возможен ряд изменений в значении и структуре ФЕ. Это достигается посредством использования таких стилистических приемов, как двойная актуализация, вклинивание, замена, разорванное использование, эллипсис, добавление и т. д. Двойная актуализация действительно играет большую роль в языке рекламы: наряду с заменой компонента, двойная актуализация является одним из частотных стилистических приемов, который может также сочетаться с другими разновидностями окказиональной трансформации. Тем не менее не все стилистические преобразования могут быть реализованы на материале рекламных слоганов: так, например, разорванное использование ФЕ свойственно диалогической речи; в монологической речи прием подразумевает использование вводных конструкций, что не характерно для языка рекламы.

Окказиональная конфигурация второй степени представляет собой преобразования, реализуемые с помощью сложных стилистических приемов, в том числе конвергенции – единовременном использовании нескольких стилистических приемов. Несмотря на малую протяженность рекламного текста, мы не может говорить об отсутствии осложненных стилистических приемов: проведенный анализ показал,

что на практике реализуются приемы расширенной фразеологической метафоры, фразеологического насыщения контекста и др.

Далее мы подробно остановимся на анализе окказиональной конфигурации второй степени, реализуемой в контексте рекламы, и проиллюстрируем ее примерами.

Окказиональная конфигурация второй степени

1. Расширенная метафора

Расширенная метафора или расширенная фразеологическая метафора («Extended phraseological metaphor» [11]) является осложненным стилистическим приемом и одной из разновидностей окказиональной конфигурации второй степени. Под расширенной метафорой понимается использование добавочных образов, «группирующихся вокруг базовой метафоры фразеологической единицы» [1, с. 25].

По словам А. Начисчионе, одной из ведущих исследователей в данной области, «расширенная фразеологическая метафора характеризуется развертыванием образности, заложенной во ФЕ»; таким образом, этот прием означает использование не единичной метафоры, но ряда подобразов («sub-images»), базирующихся на ассоциативных метафорах [11, с. 80]. Ученый отмечает то, что исторически внимание исследователей было обращено лишь к лексическим метафорам, под которыми понимаются вырванные из контекста или окруженные минимальным контекстом метафоры протяженностью в одно предложение. На наш взгляд, это замечание напрямую связано с исследованиями в области кратких рекламных текстов. Однако малый объем текста не отменяет использования в нем осложненных стилистических приемов, например, расширенной фразеологической метафоры.

В своей монографии «Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse» А. Начисчионе предлагает классификацию нескольких моделей использования приема расширенной метафоры, которые также могут быть реализованы в языке рекламы. К первой разновидности исследователь относит случай, в рамках которого «один или несколько подобразов соотносятся с одним и тем же базовым компонентом»

фразеологизма. В качестве второй разновидности ученый определяет такой случай расширенной метафоры, который реализуется благодаря ряду подобразов, «последовательно» и «линейно» представленных в контексте [11, с. 81]. К третьей разновидности А. Начисчионе относит ситуацию, в рамках которой один или несколько подобразов формируются вокруг и «расширяют» несколько ключевых компонентов ФЕ. Последний прием создает «разветвленную семантическую структуру» («ramified semantic structure»), благодаря чему достигается значительный стилистический эффект [11, с. 82]. Вышеназванные модели использования расширенной фразеологической метафоры реализуются не только в языке художественных произведений, но и в языке рекламы.

Расширенная фразеологическая метафора является одним из наиболее распространенных приемов контекстуального использования фразеологизмов [11, с. 80]. Действительно, при реализации данного приема достигается значительный стилистический эффект. Говоря о языке художественных произведений, нельзя не отметить широкое использование разнообразных стилистических приемов, в том числе расширенной метафоры. Однако в кратких рекламных текстах прием расширенной фразеологической метафоры не получил настолько частотного применения, поскольку протяженность контекста в них здравоально мала. Тем не менее, проведя анализ слоганов на английском и немецком языках, содержащих ФЕ, мы зафиксировали использование данного стилистического приема. Исследовались слоганы, предназначенные для рекламы товаров, услуг и полнометражных кинофильмов.

Перейдем к анализу случаев использования рассматриваемого приема в слоганах для полнометражных кинофильмов на английском и немецком языках.

«*Success didn't go to his head, it went to his neighbor*» – оригинальный слоган к фильму «Envy» («Черная зависть»), 2003 г., США [15]. Основой слогана послужила номинативная ФЕ со структурой подчинительного словосочетания «go to one's head», которая в русском языке имеет экспрессивный разговорный аналог «ударить в го-

лову», используемый в значении «помрачить рассудок». В данном примере мы наблюдаем обыгрывание части ФЕ «<...> didn't go to his head – went to his neighbor» за счет использования расширенной метафоры, а также добавления отрицания («didn't»). Следуя классификации, представленной А. Начисчионе, данный пример можно отнести к первому случаю использования расширенной фразеологической метафоры, когда один или несколько подобразов соотносятся с одним из базовых компонентов ФЕ.

«*Früher ließ er andere ins Gras beißen – Heute mäht er es lieber*» – немецкоязычный слоган к фильму «The Whole Nine Yards» («Девять ярдов»), США, 2000 г. [15]. В основу данного краткого рекламного текста была положена номинативная ФЕ «ins Gras beißen» в значении «умереть; сыграть в ящик; протянуть ноги». В данном случае мы наблюдаем использование приема расширенной фразеологической метафоры: в случае с вышеназванным рекламным слоганом, содержащим модифицированную ФЕ, подобраз, который формируется благодаря глаголу «mähen» («косить (траву)»), ассоциативно связан с компонентом фразеологизма, существительным «Gras» («трава»). Благодаря приему расширенной метафоры данный рекламный текст кратко освещает содержание полнометражного фильма, в котором рассказывается история Джимми Тюльпана – профессионального киллера («Früher ließ er andere ins Gras beißen»), переехавшего в тихий канадский пригород, чтобы спокойно пожить на заработанные нелегким трудом деньги («Heute mäht er es lieber»). Данный пример можно также отнести к первому случаю использования расширенной фразеологической метафоры.

Еще одним примером успешной реализации приема расширенной метафоры может служить немецкоязычный слоган «*Verlorene Söhne stehen irgendwann unverhofft vor der Haustür. Verlorene Tochter nicht*» к фильму «Welcome to the Riley» («Добро пожаловать к Райли»), Великобритания, США, 2010 г., драма [14]. В основу данного краткого рекламного текста была положена номинативная ФЕ библейского происхождения «der verlorene Sohn» в значении «нравственно блуждающий человек». Данный фразеологизм имеет русскоязычный аналог «блуд-

ный сын». В данном случае мы наблюдаем использование приема расширенной фразеологической метафоры: иносказательный образ «блудные сыновья» («verlorene Söhne») в контексте расширяется до образа «блудные дочери» («verlorene Tochter»). Таким образом, слоган с использованием данного стилистического приема обыгрывает содержание полнометражного фильма: семейная пара, чьи отношения переживают не лучшие времена, получает шанс восстановить семью благодаря знакомству с девушкой Мэллори, которая олицетворяет образ «блудной дочери», встав на путь саморазрушения. Данный пример, так же, как и в ранее рассмотренных случаях, можно отнести к первой разновидности использования расширенной фразеологической метафоры.

Рассмотрим ряд примеров, демонстрирующих использование приема расширенной фразеологической метафоры в слоганах для товаров и услуг на английском языке:

«*Beauty is in the eye of the beholder and the hands of your stylist*» – рекламный слоган для салона парикмахерских услуг, 2013 г. [13]. Данний краткий рекламный текст создан с помощью коммуникативной ФЕ «beauty is in the eye of the beholder», которая напоминает о том, что у каждого своё представление о красоте. Фразеологизм имеет русскоязычный аналог «не по хорошу мил, а по милу хорош». В данном случае мы наблюдаем использование приема расширенной фразеологической метафоры: иносказательность фразеологизма в контексте расширяется с помощью добавления подобраза «the hands of your stylist» («руки Вашего стилиста»). Таким образом, благодаря данному подобразу создатели указывают не только на зависимость красоты от внешних субъективных факторов, но и от работы профессионала. Рассмотренный пример можно отнести к первому случаю реализации расширенной фразеологической метафоры.

«*No bottles to break – just hearts*» – рекламный слоган для торговой марки «Arpege Perfume» [18], специализирующейся на продаже парфюмерных изделий. В основу данного слогана положена номинативно-коммуникативная ФЕ «break one's heart [one's heart is broken]» в

значении «разбить чье-либо сердце». В данном случае мы наблюдаем использование приема расширенной фразеологической метафоры: в случае с вышеназванным рекламным слоганом, содержащим трансформированную ФЕ, подобраз, который образуется благодаря существительному «bottles» («флаконы; бутылки»), ассоциативно связан с компонентом фразеологизма, глаголом «break» («разбивать»). В рамках классификации А. Начисчионе данный пример относится к первому случаю использования расширенной фразеологической метафоры.

Обратимся к интересному случаю употребления анализируемого приема в слогане для социальной рекламы на английском языке:

«*There are no silver spoons for children born into poverty*» – слоган для благотворительной организации «Barnardo's», Великобритания, 2003 г. [18]. В основу данного слогана положена номинативная ФЕ «to be born with a silver spoon in one's mouth» в значении «родиться в богатой семье». Фразеологизм имеет русскоязычные аналоги «родиться в сорочке; родиться под счастливой звездой». В данном случае мы наблюдаем использование приема расширенной фразеологической метафоры благодаря противопоставлению образа материального благополучия («a silver spoon (in one's mouth)») и бедности («poverty»): «children born with silver spoons» – «children born into poverty». Согласно классификации, предложенной А. Начисчионе, данный пример можно отнести к первому случаю использования расширенной фразеологической метафоры, так как подобраз формируется вокруг базового компонента ФЕ, словосочетания «silver spoon» («серебряная ложка»).

2. Конвергенция и фразеологическое насыщение контекста

Фразеологическое насыщение контекста – прием, который был подробно рассмотрен А. Начисчионе. Исследователь определяет его как «*instantial phraseological saturation of discourse*» [11], а А.В. Кунин относит данный прием к окказиональной конфигурации второй степени [3]. В качестве фразеологического насыщения контекста может выступать как единовременное использование нескольких ФЕ, так и употребление нескольких простых или сложных стилистических

преобразований («конвергенция» по определению А.В. Кунина и «concurrent use» по определению А. Начисчионе) [3; 11]. Прием представляет собой сложное стилистическое преобразование и часто бывает осложнен другими приемами окказиональной трансформации ФЕ. В результате подобных изменений нередко создается юмористический эффект [11, с. 247]. В результате анализа было отмечено, что фразеологическое насыщение контекста не является частотным стилистическим приемом в рамках исследованного материала. Нами были зафиксированы единичные случаи его использования в отличие от распространенного приема конвергенции.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие случаи использования анализируемых приемов в слоганах для полнометражных кинофильмов на английском языке:

«*She brought a small town to its feet and a huge corporation to its knees*» - слоган к фильму «Erin Brockovich» («Эрин Брокович»), 2000 г., США [15]. В кратком рекламном тексте используются две номинативные ФЕ: «bring someone to one's knees» («опускать на колени», «подчинять кого-либо») и «bring someone to one's feet» («поднимать с колен / поднимать на ноги»), что свидетельствует о наличии осложненного стилистического приема фразеологического насыщения контекста. В данном примере интересным показателем языковой игры является использование двух ФЕ с одним и тем же глаголом «to bring». Данные антонимические фразеологические единицы создают семантическое противопоставление в рамках одного предложения: «brought <...> to its feet – brought <...> to its knees». Такое противопоставление делает слоган экспрессивным, создает своеобразный юмористический эффект и дает образное представление о содержании фильма, который рассказывает историю Эрин Брокович, женщины с тремя детьми, скромно работавшей в маленькой юридической фирме, пока на ее долю не выпал шанс, который привел героиню к успеху.

«*Out of the ashes, hope will rise*» - слоган к фильму «Flight of the Phoenix» («Полет Феникса»), 2004 г., США, боевик, триллер [15]. В данном примере использована номинативная ФЕ «rise from the ashes», которая

является частью устойчивого сочетания «rise like a phoenix from the ashes» в значении «возрождаться, возвращаться». Благодаря этой ФЕ обыгрывается название фильма «Полет Феникса» и сводятся воедино заголовок и рекламный текст. Кроме того, фразеологизм был подвергнут ряду структурно-семантических изменений: с одной стороны, был изменен порядок слов исходной ФЕ; с другой стороны, мы можем наблюдать замену предлога «from» на другой предлог «out of»; кроме того, данный пример иллюстрирует использование приема добавления компонента «hope» («надежда»). Наличие множественных преобразований фразеологизма позволило сделать слоган более экспрессивным и соответствующим рекламной прагматике.

Обратимся к примерам, которые демонстрируют случаи использования рассматриваемых стилистических приемов в слоганах для товаров и услуг на английском языке:

«*When it pours, it reigns*» – слоган для торговой марки «Michelin», производителя автомобильных шин [17]. В основу данного краткого рекламного текста положена коммуникативная ФЕ «when it rains it pours», которая имеет русскоязычный аналог «беда не приходит одна». Пример иллюстрирует использование приема конвергенции: в данном случае реализуется замена компонента ФЕ, глагола «rains» («литься (о дожде)») на омонимичный компонент, глагол «reigns» («доминировать; господствовать»); кроме того, мы также наблюдаем использование приема перестановки компонентов: компонент ФЕ, глагол «pours» («литься (как из ведра)») занял в кратком рекламном тексте то же положение, что компонент ФЕ, глагол «rains».

Заключение

Окказиональная конфигурация второй степени в языке рекламы представлена такими стилистическими приемами, как расширенная фразеологическая метафора, конвергенция и фразеологическое насыщение контекста. Окказиональная конфигурация второй степени составила 11 % от всех конфигураций в коммерческой рекламе и 10 % – в социальной.

Показательным по результатам проведенного исследования является то, насколько частотно представлены стилистические преобразования, реализованные на материале коммерческой и социальной разновидностей рекламы: окказиональная конфигурация первой и второй степени была зафиксирована в 79 % случаев в коммерческой рекламе и в 70 % – в социальной. Для сравнения, узуальное использование ФЕ было реализовано в 21 % случаев в коммерческой и в 30 % в социальной рекламе соответственно. Это свидетельствует об активном процессе трансформации фразеологизмов в языке рекламы по сравнению с языком художественной литературы, где процент ФЕ, используемых узуально, составляет, в среднем, около 70 %, что иллюстрирует обратную ситуацию.

Таким образом, благодаря лаконичности, семантической емкости, воспроизводимости в готовом виде в речи, устойчивости, общеизвестности носителю языка, а также другим аспектам, ФЕ представляет собой находку для творцов кратких рекламных текстов, которые используют стилистические преобразования фразеологизмов для того, чтобы приблизить их семантику к нуждам и целям рекламной кампании. Прагматика рекламного текста диктует свои правила, отсюда необходимость модификаций ФЕ является неизбежной. Фразеологизм, рассматриваемый вне контекста, является ничем иным, как статичным образованием. Однако границы фразеологии на этом не заканчиваются; напротив, семантика ФЕ раскрывается лишь в ее практическом, контекстуальном употреблении, в частности, в языке кратких рекламных слоганов. Стилистические изменения фразеологизмов не только стимулируют обновление метафорической мысли, но и способствуют языковому изменению и развитию в целом.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф. Контекстуальное использование фразеологических единиц: Коллективная монография / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Хэтэр, 2009. – 168 с.

2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб.: Нева, 2005. – 576 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. / А.В. Кунин. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.
5. Crystal D. Language play / D. Crystal. – The University of Chicago Press, Chicago, 1998. – 249 p.
- Goddard A. The Language of Advertising / A. Goddard. – London – N.Y.: Routledge, 1998. – 134 p.
6. Dyer G. Advertising as Communication / G. Dyer. – London – N.Y.: Routledge, 1982. – 191 p.
7. Janich N. Wenn Werbung Sprüche klopft. Phraseologismen in Werbeanzeigen / N. Janich // Der Deutschunterricht. – 2005. – № 57(5). – Berlin: Erhard Friedrich Verlag. – S. 44–53.
8. Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004. – 305 p.
9. Mieder W. Proverbs Are Never Out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age / W. Mieder. – Oxford: OUP, 1993. – 284 p.
10. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. – 239 p.
11. Prahlad A. The Proverb and Fetishism in American Advertisements / A. Prahlad // What Goes Around Comes Around: The Circulation of Proverbs in Contemporary Life / ed. by Kimberly J. Lau, Peter Tokofsky, and Stephen D. Winick. – Logan, Utah: Utah State University Press, 2004. – P. 127–151.
12. База слоганов. – URL: <http://www.brandongaille.com/> (дата обращения: 28.10.2024)
13. База слоганов. – URL: <http://www.filmposter-archiv.de/> (дата обращения: 28.10.2024)
14. База слоганов. – URL: <http://www.kinopoisk.ru/> (дата обращения: 27.10.2024)
15. База слоганов. – URL: <http://www.slogans.de/> (дата обращения: 25.10.2024)
16. База слоганов. – URL: <http://www.textart.ru/> (дата обращения: 28.10.2024)
17. База данных. – URL: <http://www.workplace-communication.com/> (дата обращения: 25.10.2024)

ГЛАВА VI

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Пестова М.С., Тарасова Ф.Х.

Введение

Сопоставление, сравнение и противопоставление фразеологических единиц (ФЕ), принадлежащих к системам разных языков, привлекают внимание учёных-лингвистов на протяжении многих лет, так как именно понимание этих взаимосвязей способствует установлению формальных и смысловых отношений, существующих между ними, в виде системно упорядоченного знания.

Исследования в данном направлении необходимы, в первую очередь, для достижения наибольшей эквивалентности и адекватности при переводе ФЕ как носителей национально-культурной информации, а также для совершенствования теории и практики фразеографии как науки.

Рассмотрением межъязыковой фразеологической эквивалентности занимались многие известные учёные. При этом вклад Казанской лингвистической школы в изучение сопоставительных аспектов фразеологии как самостоятельной науки сложно переоценить.

Одним из первых лингвистов, обративших внимание на необходимость установления межъязыковых отношений фразеологических единиц стал А.Д. Райхштейн, рассматривавший ФЕ с точки зрения их формально-смысловой организации и прагматико-смысловых связей, возникающих между ними. В число обозначенных учёным видов межъязыковых отношений вошли такие, как:

- *тождество;*
- *лексическая вариантность или структурная синонимия;*
- *идеографическая синонимия;*
- *гиперо-гипонимия;*

- *стилистическая синонимия;*
- *омонимия и полисемия;*
- *энантиосемия* [9].

Исследователь С. Сятковский также уделяет свое внимание изучению ФЕ, вступающих в межъязыковые взаимоотношения и имеющих межъязыковые соответствия. При этом учёный рассматривает межъязыковые отношения как отношения «семантической или функциональной эквивалентности между сопоставляемыми по данному основанию объектами двух языков» [12, с. 71]. С. Сятковский полагает, что основными компонентами структуры межъязыкового соответствия являются

- основания для сопоставления рассматриваемых языковых объектов;
- объекты первого и второго языков;
- отношения семантической или функциональной эквивалентности, если таковая существует между двумя рассматриваемыми языковыми объектами [12].

В своей работе учёный справедливо отмечает, что сопоставляемые объекты, так же, как и основание или признак их сопоставления, должны, прежде всего, затрагивать существенные стороны функционирования двух языковых систем. При этом под необходимым условием правильности и эффективности сопоставительного анализа следует понимать последовательный учет отношений семантической или функциональной эквивалентности между сопоставляемыми объектами.

Согласно мнению Э.М. Солодухо, фразеологическая эквивалентность характеризуется совпадением содержательной стороны соотносимых ФЕ. Наиболее существенным показателем высокой степени фразеологической эквивалентности он считает *совпадение образности и лексического состава соотносимых ФЕ*. Исследователь придерживается мнения о том, что существование определённой грамматической структуры у фразеологического эквивалента напрямую обусловлено внутренними законами системы языка в целом и поэтому не

может играть основную роль при определении степени эквивалентности рассматриваемых ФЕ. С его точки зрения, это вызвано, прежде всего, тем, что частичные структурные расхождения никаким образом не влияют на внутреннюю содержательную сторону, то есть не изменяют смысл или стиль.

Э.М. Солодухо выделяет *полные эквиваленты*, к которым относит фразеологизмы, совпадающие по значению (или значениям в случае многозначности ФЕ) и стилистической направленности. В группу *ограниченных эквивалентов* учёный включает ФЕ, характеризующиеся наличием частичных расхождений в семантической или стилистической структуре сопоставляемых единиц. Автором также предлагается более подробная типология эквивалентных и безэквивалентных ФЕ [11].

Ю.П. Солодуб полагает, что глубокое исследование межъязыковой фразеологической эквивалентности возможно только при условии детального рассмотрения и анализа компонентов плана выражения ФЕ. Исследователь рассматривает фразеологический образ как необходимый компонент семантики значительной части фразеологизмов, выявляя не только сам факт образной близости единиц сопоставляемых языков, но и определяя степень этой близости как степень структурно-типологических схождений и расхождений.

Классификация типов эквивалентности, предложенная учёным, включает в себя межъязыковые фразеологические эквиваленты четырех степеней и межъязыковые фразеосемантические соответствия двух степеней сходства [10].

Л.К. Байрамова, в свою очередь, также столкнулась с необходимостью систематизации межъязыковых отношений фразеологических единиц. Так, при составлении «Учебного тематического русско-татарского фразеологического словаря», а также в ряде других работ, Л.К. Байрамова выделяет следующие виды фразеологических эквивалентов:

- *абсолютно тождественные фразеологические эквиваленты* (фразеологические единицы, совпадающие по семантике, стилю,

лексическому составу, грамматическим формам и синтаксической структуре);

- *полные фразеологические эквиваленты* (фразеологические единицы, совпадающие с точки зрения семантики, стилистики и лексического состава; при этом совпадение на морфологическом и синтаксическом уровнях может быть полным или частичным);
- *неполные, частичные фразеологические эквиваленты* (фразеологические единицы, имеющие стилистическое и частично лексическое совпадение с сопоставляемыми ФЕ; морфологические и синтаксические характеристики могут быть частично одинаковыми или различными);
- *фразеологические аналоги* (фразеологические единицы, совпадающие по смыслу и стилю; другая разновидность аналога – совпадение фразеологизма на семантическом и синтаксическом уровнях);
- *фразеологические полукальки* (фразеологические единицы, имеющие совпадения на семантическом, стилистическом уровнях, частично фонетическом; возможно частичное совпадение на морфологическом и синтаксическом уровнях, так называемый полуперевод-полузаимствование);
- *заимствованные фразеологизмы* (фразеологические единицы, характеризующиеся совпадением на семантическом, стилистическом, фонетическом уровнях; возможно полное совпадение или частичное совпадение морфологического и синтаксического плана выражения) [3, 4].

Фразеологическая эквивалентность рассматривается учёными С. Влаховым и С. Флориным как равнозначность сопоставляемых ФЕ с точки зрения

- тождественности их значений,
- стилистической отнесенности,
- метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски,
- компонентного состава,

- набора одинаковых лексико-грамматических показателей;
- сочетаемости,
- принадлежности к одной грамматической категории,
- употребительности,
- отсутствия национального колорита [5, 233].

Очевидным является то, что при рассмотрении межъязыковых фразеологических соответствий большинство ученых опираются в первую очередь либо на семантическое тождество сопоставляемых ФЕ, либо на совпадение грамматической структуры и компонентного состава. Более точным нам представляется рассмотрение межъязыковых соответствий согласно уровням, выделенным Е.Ф. Арсентьевой: семантический, структурно-грамматический, компонентный [2].

Изучение межъязыковых связей на *семантическом уровне*, по мнению Е.Ф. Арсентьевой, позволяет выявить особенности, сходства и различия между ФЕ в семантическом плане с позиции сигнификативно-денотативного значения ФЕ, субъективно-оценочной, функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной коннотации фразеологизмов. *Структурно-грамматический уровень*, в свою очередь, основывается на сопоставлении структурных моделей ФЕ, присущих обоим языкам и специфичных для каждого из сопоставляемых языков, а также возможности адекватной замены типичных для каждого из сопоставляемых языков структурно-грамматических различий. Рассмотрение ФЕ с позиции *компонентного уровня* предполагает выявление тождественных, близких по семантике или разнородных элементов в составе сопоставляемых фразеологизмов.

Опираясь на рассмотрение фразеологических соответствий с точки зрения перечисленных уровней, Е.Ф. Арсентьева выделяет:

- фразеологические эквиваленты (полные и частичные);
- фразеологические аналоги (полные и частичные);
- безэквивалентные фразеологические единицы.

Суть предлагаемых классификаций межъязыковых фразеологических соответствий разноязычных ФЕ очень четко и кратко, на наш

взгляд, отражена в схеме семантического шкалирования, разработанной Е.Ф. Арсентьевой (рис. 6.1):

Рис. 6.1. Семантическое шкалирование межъязыковых соответствий разноязычных ФЕ

Для перевода безэквивалентных ФЕ Е.Ф. Арсентьева выделяет четыре способа их перевода:

- калькирование;
- дескриптивный перевод;
- лексический;
- комбинированный перевод [2].

В качестве доказательства целесообразности применения приемов перевода, предлагаемых Е.Ф. Арсентьевой, нами были изучены и проанализированы способы, используемые другими учеными [4, 5, 7, 8].

В частности, А.В. Кунин достигает максимально точного перевода посредством использования схожих приемов:

- эквивалента, то есть имеющегося адекватного фразеологического оборота, совпадающего с переводимым оборотом и по смыслу, и по образной основе.
- аналога, то есть такого устойчивого оборота, который по значению адекватен переводимому, но по образной основе отличается от него полностью или частично.

- описательного перевода, то есть перевода путем передачи смысла, переводимого оборота свободным словосочетанием. Описательный перевод применяется при отсутствии эквивалентов и аналогов.
- антонимического перевода, иными словами – передачи негативного значения с помощью утвердительной конструкции или наоборот.
- калькирования, способа, применяемого в случае необходимости выделения образной основы фразеологизма либо при невозможности перевода оборота посредством других способов.
- комбинированного перевода, предполагающего калькированный перевод в сочетании с описательным переводом и аналогом для сравнения [7].

Проблема определения основных критериев отнесения тех или иных ФЕ к классу эквивалентов и аналогов и выявление безэквивалентных фразеологических единиц остается одной из наиболее важных проблем современной фразеологии. Расхождения в терминологическом обозначении типов межъязыковых отношений затрудняют решение указанной задачи и приводят к неопределенности в трактовке понятий фразеологических эквивалентов и аналогов.

Эквиваленты фразеологических единиц в английском и русском языках

Существование фразеологических эквивалентов в разноструктурных языках объясняется общими представлениями и ассоциациями носителей этих языков, что обусловлено общностью реалий окружающей действительности, схожим восприятием и переосмысливанием явлений и предметов окружающей действительности.

Возникновение межъязыковых эквивалентов может обусловливаться сходством реалий и социальных условий, в которых функционируют языки. Соответственно, эквиваленты склонны возникать в разных языках независимо и самостоятельно, в ином же случае входить в язык перевода на правах кальки (полукальки).

Под межъязыковыми фразеологическими эквивалентами мы понимаем разноязычные семантически эквивалентные ФЕ, характеризующиеся одинаковой структурно-грамматической организацией и компонентным составом. Вслед за Е.Ф. Арсентьевой, мы различаем два основных типа эквивалентности:

- «1) полная эквивалентность, то есть полная соотносимость плана выражения и плана содержания ФЕ, тождество фразеологического значения, структурно-грамматической организации и компонентного состава сопоставляемых единиц;
- 2) частичная эквивалентность, которая характеризуется незначительными различиями в плане выражения ФЕ тождественной семантики» [2].

Рассмотрим каждый из указанных типов подробнее.

Полная фразеологическая эквивалентность

К полными эквивалентам мы отнесем ФЕ английского и русского языков, характеризующиеся тождественностью сигнификативно-дено-тативного и коннотативного макрокомпонентов значения, идентичной структурно-грамматической организацией и компонентным составом.

Совпадение эмотивного компонента коннотации предполагает наличие или отсутствие одинаковой оценочной эмосемы у обеих сопоставляемых ФЕ. Совпадение экспрессивного компонента отмечает наличие или отсутствие интенсемы или семы экспрессивности в значениях обеих ФЕ. Идентичный компонентный состав подразумевает наличие одинакового числа лексем при соблюдении одинаковой структурной организации.

Приведем примеры полной эквивалентности фразеологических единиц в английском и русском языках:

- skin and bones** – кожа и кости;
- blue blood** – голубая кровь;
- hide one's head in the sand** – прятать голову в песок;
- in the twinkling of an eye** – в мгновение ока;

go through fire and water – пройти сквозь огонь и воду,
praise somebody to the skies – расхваливать кого-либо до небес,
break one's heart – разбить /разбивать/ чье-либо сердце.

Рассмотрим некоторые из обозначенных выше полных эквивалентов подробнее.

- **skin and bones** – кожа и кости.

Семантические словарные дефиниции компонентов обеих ФЕ совпадают. Обе ФЕ являются разговорными, экспрессивными; на наличие семы интенсивности указывает дефиниция единицы «очень худой человек». Количество лексем сопоставляемых ФЕ совпадает, структурная организация идентична: **n + conj + n**. Вывод: данные фразеологизмы являются полными эквивалентами.

- **praise somebody to the skies** – расхваливать кого-либо до небес

Значение компонентов обеих ФЕ совпадает. Обе ФЕ являются разговорными, экспрессивными; сема интенсивности обусловлена семантической нагрузкой образа-прототипа. Количество лексем сопоставляемых ФЕ совпадает, структурная организация идентична: **v (+ n) + prep + n**. Наличие лишь неопределенных артиклей в структуре отличает английский фразеологизм от русского. Данное отличие не является значительным, так как использование артиклей является специфичной чертой английской грамматики. Вывод: данные ФЕ являются полными эквивалентами.

Рассмотрим примеры с несколько осложненной структурой:

Фразеологизмы **go through fire and water** – пройти сквозь огонь и воду принадлежат к глагольному классу сочетаний, имеют одинаковый количественный компонентный состав **v + prep + n + conj + n**, нейтральную ситуативную оценочную сему. Обе ФЕ обладают нейтральной эмосемой и являются экспрессивными единицами языка и, следовательно, считаются полностью эквивалентными друг другу.

Структурная организация фразеологических единиц **hide one's head in the sand** – прятать голову в песок идентична: **v + n + prep + n**. Специфические особенности грамматической оформленности

англоязычной ФЕ объясняют её отличие от фразеологизма русского языка в количественном компонентном соотношении.

Частичная фразеологическая эквивалентность

Большинство межъязыковых фразеологических эквивалентов русского и английского языков различаются по лексико-семантическим средствам реализации, они отражают специфику строя этих языков. К частичным эквивалентам относятся ФЕ сопоставляемых языков, совпадающих по семантике, частично по лексическому составу.

Частичные эквиваленты характеризуются различным лексическим составом, имеют одинаковую грамматическую структуру. Однако в их основе лежат не тождественные, но сходные образы. Иными словами, к частичным фразеологическим эквивалентам относятся семантически эквивалентные фразеологические единицы русского и английского языков, характеризующиеся определенными различиями в плане выражения, которые могут носить компонентный или морфологический характер. В большинстве случаев различия затрагивают лишь компонентный состав ФЕ. Примечателен тот факт, что в качестве различающихся компонентов зачастую выступают лексемы смежной семантики.

В качестве примера рассмотрим ФЕ английского языка **add oil to the fire** (букв. добавлять масла в огонь) и сопоставим ее с русской ФЕ **подливать масла в огонь**. Обе фразеологические единицы выступают в значении «обострять, усугублять что-л., разжигать страсти», компонентный состав обеих ФЕ совпадает. Структурная грамматическая организация совпадает. Очевидным является различие в значениях глагольных компонентов **подливать** и **add** (добавлять). Тем не менее оба глагола означают процесс добавления чего-либо к чему-либо, что указывает на их принадлежность к сходной понятийной семантике.

Аналогичную ситуацию можно рассмотреть на примерах ниже-перечисленных ФЕ:

to sugar the pill (букв. подсахарить пиллюю, таблетку) – подсладить пиллюю;

Глагольные гиперболические ФЕ английского и русского языков выступают в значении сделать что-либо неприятное более приятным. Дословное значение английского глагола **to sugar** (подсахарить) близко к значению глагола русского языка – сделать сладким. Структурная организация обеих ФЕ соответствует друг другу: **v + n.** Фразеологизмы являются частичными эквивалентами, в силу расхождения одного семантического компонента.

В следующем примере русская ФЕ **сорока на хвосте принесла** и английская ФЕ **a little bird told me** (букв. *маленькая птичка рассказала мне*) вступают в отношение частичной фразеологической эквивалентности. Обе ФЕ несут в себе информацию о некоем известии, сведениях, неизвестно откуда полученных или взятых. Употреблен компонент **сорока** в русском языке и словосочетание **a little bird** (*маленькая птичка*) в английском. В обобщенном значении сорока вполне может выступать в качестве маленькой птицы, склонной быстро разносить новости. Очевиден факт того, что в сопоставляемых ФЕ употребляются компоненты смежной семантики. Структурная организация грамматических моделей обеих ФЕ совпадает, однако различие вновь отмечается в употреблении разных глагольных компонентов, на этот раз имеющих несмежную семантику – **принесла** в русском языке и **told** (*рассказала*) в английском.

ФЕ **an ass in a lion's skin** и **ворона в павлиньих перьях** совпадают по значению, схожи в своей стилистической направленности, а также являются близкими по образности. Однако, согласно дословному переводу с английского первая ФЕ будет переводиться как **осёл в львиной шкуре**, в то время как русская ФЕ при переводе на английский язык будет звучать как **jay in peacock's feather** (букв. «сойка в павлиньем меху»). Этот вариант перевода предлагается С.И. Лубенской. При переводе русской ФЕ на английский язык А.В. Кунин использует **an ass in a lion's skin** (букв. «осел в львиной шкуре»; по названию одной из басен Эзопа). Расхождение в семантике обусловлено спецификой языков.

Фразеологизмы **a storm in a teacup** (букв. *шторм/буря/ в чайной чашке*) – **буря в стакане воды** совпадают по грамматической структуре, но имеют расхождение лишь в выборе одного семантического компонента: **teacup** в английском и **стакан воды** в русском языке. Тем не менее, отмечается выбор компонентов смежной семантики – **teacup (чайка)** и **стакан**.

Действительно, разность в употреблении лексемных компонентов указывает на отражение национально-культурного восприятия ситуаций действительности и имеет своим результатом применение компонентов смежной семантики.

Важно отметить, что частичные фразеологические эквиваленты также могут характеризоваться наличием морфологических различий в употреблении предлога, числа, имени существительного и т. д. Как правило, они могут различаться порядком следования компонентов.

Сопоставительное рассмотрение фразеологизмов **with one foot in the grave** (букв. *с одной ногой в могиле*) – **одной ногой в могиле** указывает на количественное преобладание компонентов ФЕ английского языка, что связано с употреблением предлога **with** (с). Порядок расположения компонентов фразеологизмов не совпадает. Однако нельзя не отметить очевидное сходство компонентной структуры семантики обоих ФЕ.

Расхождения во фразеологизмах **at death's door** (букв. *в дверях смерти*) – **на пороге смерти** с точки зрения морфологии незначительны. Они демонстрируют различия в модели формирования родительного падежа в английском и русском языках.

Различие в порядке следования компонентов в фразеологических единицах **за деревьями не видеть леса** – **not to see the wood through the trees** (букв. *не видеть леса сквозь деревья*) указывает на частичную эквивалентность рассматриваемых фразеологизмов. В то же время оба фразеологизма характеризуются одинаковым компонентным составом и принадлежат к глагольному классу сочетаний.

Рассмотрев случаи полной и частичной фразеологической эквивалентности, нельзя не прийти к выводу о том, что семантическая

эквивалентность является доминирующей в объединении фразеологических эквивалентов в целом. Широкая представленность данного вида межъязыковых соответствий в словарях указывает на узальный характер сопоставляемых фразеологических единиц.

Примечательным является тот факт, что даже незначительные на первый взгляд расхождения в количестве компонентов, структуре и употреблении лексемных компонентов межъязыковых эквивалентов ФЕ указывают на специфику национально-культурного восприятия явлений и предметов действительности. Это объясняется тем, что фразеологизмы возникают на основе «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [13, с. 302].

Аналоги фразеологических единиц

К межъязыковым фразеологическим аналогам можно отнести ФЕ, выражающие одинаковые или близкие значения, но характеризующиеся полным отличием или лишь приблизительным сходством внутренней формы.

Приблизительное сходство внутренней формы указывает на принадлежность фразеологизмов к одному классу. К фразеологическим аналогам могут относиться фразеологические единицы с единой структурой словосочетания, предложения, глагольных, субстантивных сочетаний и т. д.

Рассмотрим примеры фразеологических аналогов гиперболических фразеологизмов в английском и русском языках.

Фразеологизмы **make a mountain out of molehill** (букв. *делать гору из пригорка*) - **делать из мухи слона** – гиперболические ФЕ, значение которых базируется на абсурдности противопоставляемых компонентов ФЕ конкретного языка. Фразеологические единицы схожи в своей структурно-грамматической организации, объединение происходит благодаря единой лексеме в составе обеих ФЕ: **make** – делать.

Фразеологизмы **take the bread out of somebody's mouth** (букв. *забирать хлеб у кого-либо из рта*) и **лишать кого-либо куска хлеба** имеют общее значение «лишать кого-либо средств к существованию». Оба фразеологизма имеют одинаково отрицательную сему оценочности.

Фразеологические аналоги также могут отмечаться приблизительным сходством структурно-грамматической организации и разным компонентным составом, как в следующих примерах:

- **dance on a volcano** (букв. *танцевать на вулкане*) - играть с огнем;
- **to be tied to a woman's apron strings** (букв. *быть привязанным к женскому переднику*) – держать мужа под каблуком;
- **go through the mill** (букв. *пройти сквозь мельницу*) – пройти суровую школу;
- **hit the ceiling** (букв. *ударить по потолку*) – лезть на стенку;
- **break a fly (a butterfly) on the wheel** (букв. *казнить муху /бабочку/ посредством колесования*) – стрелять из пушек по воробьям. (to break upon the wheel – казнить посредством колесования),
- **to kill two birds with one stone** (букв. *убить двух птиц одним камнем*) – убить двух зайцев одним выстрелом.

Также к фразеологическим аналогам относят ФЕ с разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом:

- **set the Thames on fire** (букв. *поджечь Темзу*) – достать луну с неба;
- **have a green thumb** (букв. *иметь большой палец зеленого цвета*) – золотые руки;
- **have nothing between one's ears** (букв. *ничего не иметь между ушей*) – глуп как пробка;
- **one's fingers are all thumbs** (букв. *все его/её пальцы большие*) – руки-крюки, неуклюжий человек, растяпа.

Среди частичных аналогов имеют место быть ФЕ, совпадающие по значению, по стилистической направленности и близкие по образности. Так, ФЕ **ворона в павлиньях перьях** и **jay in peacock's feather**

совпадают по значению (*человек, который хочет казаться важным, привлекательным, но, увы, на самом деле таковым не является*), но отличаются друг от друга лексическими компонентами.

К частичным аналогам также следует отнести фразеологизмы, совпадающие по значению, образности, стилистике, но отличающиеся формой числа имени существительного или порядком слов.

Например, основное отличие сопоставляемых ФЕ **стрелять из пушки по воробьям** (*X стреляет из пушки по воробьям*) и **X is using a cannon to kill a sparrow** состоит в категории числа. В русском фразеологизме лексический компонент *воробьи* употребляется во множественном числе, а в английской ФЕ *a sparrow* (воробей) в единственном числе. Рассматриваемые ФЕ идентичны по своей семантике – *затрачивать много сил, средств на что-либо, дающее ничтожные результаты*.

Фразеологические аналоги являются самыми многочисленным классом межъязыковых соответствий, что объясняется, с одной стороны, существованием у разных народов (в данном случае англичан, русских) большого количества устойчивых выражений с одинаковым или почти одинаковым значением, с другой стороны, разноструктурностью сопоставляемых языков, что находит свое отражение в разной структурно-грамматической организации фразеологизмов.

Выбор отличающихся образных составляющих семантику фразеологизмов сопоставляемых языков напрямую связан с факторами экстравербального языка и, на наш взгляд, заслуживает более подробного рассмотрения с точки зрения этимологии каждого из языков.

В целом же большое количество фразеологических эквивалентов и аналогий позволяет нам прийти к выводу, что общие, универсальные понятия встречаются чаще, нежели национальные, специфичные, что «свидетельствует об определенной универсальности видения мира у народов, говорящих на разных языках» [6, с. 321].

Безэквивалентные фразеологические единицы и способы их перевода

Безэквивалентными фразеологизмами считаются ФЕ английского или русского языка, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка [1, с. 116].

В безэквивалентных ФЕ каждого из языков отражаются особенности психологии, мировоззрения, специфические условия развития материальной и духовной жизни народов, что неизбежно накладывает свой отпечаток на содержание фразеологизмов с точки зрения их семантики.

Значение безэквивалентных фразеологических единиц русского или английского языка может быть передано на языке перевода с помощью калькирования, дескриптивного или описательного перевода, лексического способа перевода или комбинированного перевода.

Калькирование может быть полным или частичным. При полном калькировании лексемный состав ФЕ языка-источника калькируется без каких-либо изменений, при частичном калькировании наблюдаются частичные изменения в лексемном составе или структурно-грамматической организации кальки языка-реципиента по сравнению с ФЕ языка-оригинала. Рассмотрим прием калькирования подробнее на примерах некогда оригинальных, индивидуально-авторских ФЕ, ныне перешедших иди переходящих в состав узуальных.

- **fools rush in where angels fear to tread**

– досл. дураки бросаются туда, куда ангелы и ступить боятся; ~ дуракам закон не писан;

- **the tail wags the dog**

– досл. хвост виляет собакой; подчиненный командует начальником;

- **between devil and the deep sea**

– между дьяволом и морской пучиной;

- **bite the hand that feeds you**

– кусать руку, которая кормит тебя;

- **flog a dead horse**

– стегать дохлую лошадь;

- **put the cart before the horse**
– ставить телегу перед лошадью;
- **the mountain has brought forth a mouse**
– родила гора мышь;
- **to put one's head into the lion's mouth**
– класть голову в пасть льва;
- **to throw out the baby along with the bath**
– вместе с водой выплеснуть (из ванны) ребенка.

Дескриптивный перевод используется в том случае, когда семантику ФЕ языка источника можно передать на языке-реципиенте только с помощью словосочетаний, развернутых описаний.

- **laugh on the wrong side of mouth**
– досл. *смеяться на неправильной стороне рта*; приуныть после веселья, перейти от смеха к слезам;
- **to quarrel with one's bread and butter**
- досл. *поссориться с хлебом и маслом*; бросить занятие, дающее средства к существованию;
- **to lift oneself (или to pull oneself up) by one's own bootlaces**
– досл. *приподнять/поднимать себя за шнурки*; быть всем обязаны самому себе;
- **a skeleton in the cupboard**
– досл. *скелет в шкафу*; семейная тайна, неприятность, скрываемая от посторонних;
- **butterflies in one's stomach**
– досл. *бабочки в желудке*; чувство страха или тревоги в желудке;
- **a flea in one's ear**
– букв. *блоха в ухе*; раздражающий ответ;
- **to think the moon is made of green cheese**
– досл. *думать, что луна сделана из зеленого сыра*; проявлять смешную наивность, доверчивость;
- **to have a young head on old shoulders**
– досл. *иметь молодую голову на старых плечах*; сохранить в старости энергию, энтузиазм, свойственные молодости;

- **to eat one's heart out**

– досл. *выесть чье-либо сердце*; изводить себя, страдать молча; изнывать от тоски.

Лексический перевод используется в том случае, когда безэквивалентная ФЕ языка-источника передается на языке-реципиенте с помощью монолексемы или набора отдельных лексем.

Комбинированный перевод сочетает в себе несколько способов передачи фразеологизма языка-источника на языке-реципиенте, то есть способы передачи могут быть представлены в разных комбинациях друг с другом.

В изучаемом нами материале также встретились случаи возможной передачи смысла ФЕ с одного языка на другой как с помощью аналога, так и с помощью дескриптивного перевода. Приведем примеры.

Так, значение фразеологической единицы **to be on cloud nine** может быть передано с помощью дескриптивного перевода – быть очень счастливым, ошалеть от счастья или удачи, или же при помощи аналога – быть на седьмом небе (от счастья).

ФЕ **to be above one's station** может быть переведена как «важничать, зазнаваться; задаваться»; или же посредством прибегания к аналогу = задирать нос.

Фразеологизм **an ass in a lion's skin**, безусловно, может быть переведен с помощью монолексемы *выскочка*. Однако уместным будет говорить о том, что в случае использования только лишь монолексемы гиперболический характер всей фразеологической единицы будет утрачен. Сочетание лексического перевода *ворона в павлиньих перьях* и передачи значения при помощи фразеологического аналога будет способствовать сохранению образности, эмоциональности и экспрессивности переводимой единицы.

Для реципиента точный перевод фразеологических единиц является сигналом о повышенной значимости переводимой информации. При этом внимание сосредоточивается не на объективном определении меры признака, а на эмоциональном восприятии её. Переводчик должен руководствоваться стремлением проинформировать собеседника о своих переживаниях и отношении к какому-либо поступку или явлению.

Заключение

Таким образом, в результате изучения, разбора и анализа теоретического и эмпирического материала можно сделать вывод о том, что проблема определения межъязыковых взаимоотношений фразеологических единиц решается посредством сопоставления, сравнения и противопоставления фразеологических единиц, принадлежащих к системам разных языков, что способствует установлению формальных и смысловых связей между ними.

При рассмотрении межъязыковых фразеологических соответствий большинство ученых опираются в первую очередь либо на семантическое тождество сопоставляемых ФЕ, либо на совпадение грамматической структуры и компонентного состава.

Детальное изучение и анализ научной литературы по вопросу определения и классификации фразеологических межъязыковых соответствий подтвердило обоснованность типологии, предложенной Е.Ф. Арсентьевой:

- фразеологические эквиваленты (полные и частичные),
- фразеологические аналоги,
- безэквивалентные ФЕ.

К фразеологическим эквивалентам ФЕ относятся разноязычные семантически эквивалентные ФЕ, характеризующиеся одинаковой структурно-грамматической организацией и компонентным составом. Существование фразеологических эквивалентов в разноструктурных языках объясняется общими представлениями и ассоциациями носителей этих языков, что обусловлено общностью реалий окружающей действительности, схожим восприятием и переосмыслением явлений и предметов окружающей действительности.

Под полными фразеологическими эквивалентами следует подразумевать ФЕ английского и русского языков, характеризующиеся тождественностью сигнификативно-денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения, идентичной структурно-грамматической организацией и компонентным составом.

К частичным фразеологическим эквивалентам относятся семантически эквивалентные фразеологические единицы английского и русского языков, характеризующиеся определенными различиями в плане выражения, которые могут носить компонентный или морфологический характер.

К межъязыковым аналогам ФЕ, построенным на гиперболе, можно отнести те, которые выражают одинаковые или близкие значения, но характеризуются полным отличием или лишь приблизительным сходством внутренней формы.

Приблизительное сходство внутренней формы фразеологизмов указывает на их принадлежность к одному классу (со структурой словосочетания, предложения, глагольных, субстантивных и т. д.).

Фразеологические аналоги образуют наиболее многочисленную группу фразеологических соответствий, что вызвано тем фактом, что общие, универсальные понятия характерны для разных народов (в нашем случае для носителей английского и русского языков), несмотря на разноструктурность сопоставляемых языков, что находит свое отражение в разной структурно-грамматической организации фразеологизмов.

Различия в компонентном составе фразеологических аналогов обусловлены факторами экстралингвистического характера. Данный факт, на наш взгляд, указывает на необходимость более подробного исследования вопроса существования фразеологических аналогов с учетом этимологии каждого из языков. В целом же большое количество фразеологических эквивалентов и аналогий позволяет нам прийти к выводу, что общие, универсальные понятия встречаются чаще, нежели национальные, специфичные, что говорит об определенной универсальности видения мира у народов, говорящих на разных языках.

В рамках рассмотрения вопроса передачи безэквивалентных ФЕ на другой язык проанализированы существующие способы перевода и выделены такие способы, как калькирование, дескриптивный или описательный перевод, лексический перевод, комбинированный перевод.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 126 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1993. – 329 с.
3. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику: учеб. пособие для студентов вузов / Л.К. Байрамова. – Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1994. – 119 с.
4. Байрамова Л.К. Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь / Л.К. Байрамова. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. – 158 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
6. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
8. Кунин А.В. О фразеологической дефиниции / А.В. Кунин // Вопросы английской фразеологии (коммуникативный и фразеографический аспекты): Сб. науч. тр. – М., 1987. – Вып. 287. – С. 109–118.
9. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А.Д. Райхштейн. – М., Высшая школа, 1980. – 143 с.
10. Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55–65.
11. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии: на материале языков славянской, германской и романской групп. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 168 с.
12. Сятковский С.И. Основные принципы сопоставительного анализа языков / С.И. Сятковский // Русский язык за рубежом. – 1976. – № 4. – С. 69–73.
13. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: (от мировидения к миропониманию) / В.Н. Телия // Славянское языкознание: XI международный съезд славистов. Братислава, сент. 1993 г. – М.: Наука, 1993. – С. 302–314.

ГЛАВА VII

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОГО, ИСПАНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Л. Г. Газизова, Т. И. Колабинова

Введение

Фразеологические единицы (далее ФЕ) представляют собой важнейший компонент культурного кода каждого народа. В них отражаются и ценности культуры, и мировоззрение её представителей, в них же раскрывается красота языка. Переводчик художественного текста сталкивается со сложнейшей задачей: он должен не только передать средствами языка перевода мысль, заключенную в тексте на исходном языке, но и адаптировать содержание текста таким образом, чтобы зашифрованный на исходном языке культурный код был понятен читателям на языке перевода. Таким образом, исследования, посвященные изучению способов перевода ФЕ в художественной литературе, сохраняют свою актуальность, поскольку позволяют изучить, проанализировать и описать способы транскультурной адаптации ФЕ в различных языках.

В нашем исследовании рассматриваются художественные тексты, созданные на трех языках (русском, английском и испанском) и их переводы. Данные языки являются разносистемными, что всегда усложняет работу переводчика. Способы перевода ФЕ в рассматриваемых произведениях показывают нам, какие именно пути выбирает переводчик при работе с подобного рода текстами.

За последние годы среди научных трудов, посвященных передаче фразеологизмов с одного языка на другой язык, можно найти множество работ, рассматривающих специфику передачи ФЕ в текстах СМИ или на материале кинодискурса. В частности, это работы Ю.Ю. Клыковой [4], Ю.С. Ящениной [9], Ф.М. Мена-Мартинес и М.Ф. Саэс

Мартинес [11], Г. Марсело Вирнитцер и Э. Мичеланджели [10] и других ученых.

Художественный текст также регулярно изучается в переводческом аспекте. Е.С. Коршунова в своем исследовании способов перевода фразеологизмов в романе Харпер Ли «Убить пересмешника» отмечает, что в большинстве случае сложности вызывает передача на другой язык частичных эквивалентов [6]. Результаты исследования В.А. Даниловой о переводе фразеологизмов в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» с русского языка на португальский язык показали, что число фразеологических эквивалентов в португальском и русском языках невелико, что приводит к поиску фразеологических аналогов при переводе. Принимая во внимание данный факт, можем предположить, что при переводе с испанского языка (являющегося наряду с португальским романским языком) на русский язык и наоборот, для передачи национально-культурной специфики ФЕ переводчики также используют фразеологические аналоги. Тем не менее описание как способ перевода также является одним из распространенных способов передачи значений ФЕ при переводе на романские языки [3].

Как утверждают в своей работе Е.Ф. Арсентьева и И.О. Гурьянов, при передаче ФЕ с одного языка на другой язык особенно стоит обратить внимание на то, что в языке-реципиенте возможно существование нескольких фразеологических аналогов, у которых могут отличаться образность, стилистические характеристики, оттенки значений. А использование калькирования при переводе безэквивалентных ФЕ может зачастую способствовать появлению новых фразеологических окказионализмов [2].

Основной целью нашего исследования является определение способов перевода ФЕ с английского и испанского языков на русский и с русского языка на английский и испанский, а также анализ различных стратегий транскультурной адаптации между исходным языком и языком перевода.

В качестве основного метода исследования выступает сопоставительный анализ перевода как эффективный инструмент, позволяющий выявить особенности перевода, оценить степень эквивалентности между оригиналом и переводом, а также определить возможные проблемы и сложности, которые могут возникнуть при переводе.

В качестве материала исследования мы отобрали ФЕ русского языка в объеме 53 единицы, ФЕ английского языка в объеме 103 единицы и ФЕ испанского языка в объеме 335 единиц из следующих произведений авторов XIX–XX вв.: Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», С. Моэм «Луна и грош», К.Х. Села «Улей», В. Набоков «Защита Лужина». Далее мы рассмотрели способы перевода отобранных из этих произведений ФЕ на русский язык или с русского языка соответственно.

На основании проведенного анализа были выявлены способы перевода ФЕ, применяемые в каждом случае. В настоящее время существуют различные классификации способов перевода фразеологических единиц, предложенные разными исследователями, в частности Е.Ф. Арсентьевой, Л.С. Бархударовым, Д.О. Добровольским, В.Н. Комиссарова, А.В. Куниным, Корпас Пастор и др. Предлагаемая в данном исследовании классификация разработана на основе компиляции подходов, предложенных В.Н. Комиссаровым, Д.О. Добровольским и Корпас Пастор, а также учитывает работы других исследователей в данной области. На основании проведенного анализа были выявлены способы перевода ФЕ, применяемые в каждом случае. В рассматриваемых нами произведениях мы выявили использование следующих способов перевода: полные и частичные эквиваленты, калькирование, адаптация, модуляция, транспозиция, опущение, компенсация, дескриптивный, лексический и комбинированный виды перевода.

Особенности перевода фразеологизмов в художественном тексте

В художественном тексте ФЕ играют важную роль: они обогащают язык текста и несут в себе культурный код, понятный носителям

соответствующего языка, отражающий их ценности и мировоззрение. Передать все оттенки смысла исходного текста на языке перевода, особенно если речь идет о не родственной языку исходного текста культуре, и при этом сохранить самобытность оригинала, приобщить читателя к новой культуре – важнейшая задача переводчика.

В рамках настоящего исследования мы провели выборку ФЕ из указанных выше литературных произведений на каждом из трех рассматриваемых языков. Затем для каждого исходного фразеологизма были рассмотрены и проанализированы способы его перевода с английского или испанского языка на русский или с русского языка на английский и испанский.

В зависимости от различий в плане выражения степень совпадения межъязыковых фразеологических эквивалентов может проявляться следующим образом: полная и частичная эквивалентность, а также отсутствие эквивалентности. В нашем исследовании мы рассматриваем отдельно перевод эквивалентных и безэквивалентных фразеологических единиц.

Одной из основных задач переводчика является необходимость компенсировать фразеологическую лакунарность в языке перевода, достигая как можно большей эквивалентности с учетом всех компонентов фразеологической единицы: предметности, образности, коннотации, стилистической и культурной окраски.

Экспрессивность и эмоциональная окраска, обусловленные культурной средой, где зародилась фразеологическая единица, должны учитываться при переводе фразеологических единиц. Наиболее ярко различия видны, когда речь идет об очень разных культурах. В этом случае калькирование может добавить переводу определенный колорит, например, исп. *como el duque de Alba entre las personas* – рус. что герцог Альба среди прочих людей [Села, перевод Лысенко, 1976: 34], а наличие эквивалента не всегда гарантирует качество перевода, так как может лишить переводной текст национального колорита.

Безэквивалентность фразеологизмов в большинстве случаев обусловлена присутствующими в культуре исходного языка и отсутствующими в культуре языка перевода реалиями. Переводчику необходимо в данном случае решить проблему лакунарности. Лакунарность возникает в результате неполной или неточной передачи смысла исходного текста при переводе и может быть вызвана различными причинами, такими как лексические, грамматические, культурные различия между языками, а также недостаточным профессионализмом переводчика. В контексте перевода фразеологизмов нас, прежде всего, интересует культурная лакунарность, возникающая в результате различий в культуре, традициях и ценностях народов, говорящих на разных языках.

Далее рассмотрим способы перевода эквивалентных и безэквивалентных ФЕ с английского и испанского языков на русский язык и с русского языка на английский и испанский языки.

Полная и частичная межъязыковая эквивалентность

Многими лингвистами было отмечено, что в большинстве случаев подбор эквивалентной ФЕ в художественном произведении представляет собой трудновыполнимую задачу. От способа перевода ФЕ, выбранного переводчиком, зависит не только то, насколько точно будет передано содержание оригинального текста, но и то, насколько ярко и образно будет звучать текст на языке перевода.

При работе с эквивалентными межъязыковыми соответствиями нами были обнаружены следующие примеры:

engl. *bone and sinew* – рус. *кожа да кости* [Моэм, перевод Ман, 1989 : 79];

esp. *es una víbora* – рус. *настоящая гадюка* [Села, перевод Лысенко, 1976: 36];

рус. *его лебединой песней* [Набоков : 56] – engl. *swan songs* [Nabokov, translation by Scammell : 43] – esp. *su canto del cisne* [Nabokov, traducido por Giralt : 34].

Перевод ФЕ уместен, если он дает читателю понимание того, какое именно значение имеет единица перевода на исходном языке [1:116-117], например, *engl. like a ship in full sail* – *рус. как корабль на всех парусах* [Моэм, перевод Ман, 1989:227]. В рассматриваемом примере ФЕ исходного языка имеет в языке перевода полный эквивалент. Совпадает как лексический состав, так и структура ФЕ, отсутствуют какие-либо дифференциальные характеристики, будь то семантические, культурные или эмоционально-экспрессивные.

При наличии подобных точных совпадений ФЕ в исходном языке и языке перевода данный способ перевода фразеологизмов представляется нам наиболее рекомендуемым. В рассмотренных нами текстах было выявлено 10 ФЕ на английском языке и 7 ФЕ на испанском, а также 10 ФЕ, переведенных с русского языка на английский, 8 ФЕ, переведенных указанным способом с русского языка на испанский.

Однако, даже когда речь идет о межъязыковой эквивалентности, гораздо чаще в переводных художественных текстах встречаются частичные эквиваленты. Мы можем говорить о смежной семантике лексем, входящих в состав ФЕ, но структура и грамматическое оформление ФЕ будут различными.

Транспозиция – это такой способ перевода, при котором возможны как грамматические, так и синтаксические изменения ФЕ в переводе.

Рассмотрим некоторые примеры из проанализированных нами произведений:

engl. Are they going to live on air? – *рус. Чем они будут жить?*
Воздухом? [Моэм, перевод Ман, 1989:31],

esp. que no se va de la lengua – *рус. язык не распускаете* [Села, перевод Лысенко, 1976: 73],

рус. горели уши [Набоков, 2009: 39] – *esp. las orejas (de Luzhin) comenzaron a arderle* [Nabokov, traducido por Giralt, 2003: 24].

В первом примере общий вопрос разбит в переводе на два: общий и частный, в исходном языке присутствует предлог «он». Значение «не иметь источника дохода» сохранено при переводе.

Во втором случае дословный перевод испанской ФЕ будет звучать следующим образом: «чтобы [оно] не ушло с языка». ФЕ, использованная в переводе на русский язык, «язык не распускаете» имеет иную структуру, при этом значение исходной и переводной единицы «молчать» совпадает.

В третьем примере в испанском языке появляется дополнительный глагол «начинать» – то есть, уши не просто «горели», а «начали гореть», но, как и в предыдущих случаях, искажения заложенного в языке оригинала основного значения не происходит.

Несомненно, транспозиция является одним из основных способов перевода ФЕ. Об этом свидетельствуют и численные данные: с русского на английский переведены 4 ФЕ, с русского на испанский – 3 ФЕ. Среди изученных нами примеров с английского на русский посредством транспозиции переведены 3 ФЕ, а с испанского на русский – 14 ФЕ.

При переводе ФЕ в художественных произведениях в связи с коммуникативной направленностью текста наиболее уместным становится подбор фразеологизма с тем же значением, но основанного на ином образе. В этом случае на помощь приходит такой способ перевода, как **адаптация**, когда в языке перевода используются эквивалентные по значению фразеологизмы, имеющие различную образность.

Рассмотрим следующий пример:

esp. se lo casqué en sus propias narices – рус. *выложила ему всю правду прямо в лицо* [Села, перевод Лысенко, 1976: 63].

Как видим, значение «открыто рассказать человеку всю правду» в ФЕ на исходном языке и на языке перевода совпадает. Глаголы «выложить» – «откровенно высказать» – и «cascar» – «болтать без умолку» также можно рассматривать как контекстные синонимы, компонент «прямо в лицо» не столь точно повторяет испанское «en sus propias narices» – досл. «в его собственные носы», поскольку нос – это не всё лицо, а лишь его часть. При этом компонент «всю правду», присутствующий в переводе на русский язык, отсутствует в оригинальном тексте.

Такой перевод, называемый также «переводом с помощью аналога», рассматривают многие ученые, в частности С.С. Кузьмин

[7:112], описывая его как совпадающий по семантике и стилистике, но имеющий некоторые расхождения в лексическом составе.

В нашем случае адаптация была применена в 10 случаях перевода ФЕ на русский язык с английского и испанского и в 7 случаях перевода на английский и (или) испанский. С русского на английский посредством адаптации переведены 9 ФЕ, а с русского на испанский – 11 ФЕ.

В частности, в текстах встретились следующие примеры адаптации:

engl. *like a stab in one's heart* – рус. *как нож в сердце* [Моэм, перевод Ман, 1989:144],

esp. *lo tenía en la punta de su lengua* – рус. *уже вертелось у него на языке* [Села, перевод Лысенко, 1976: 140],

рус. *сдерживать слезы* [Набоков, 2009: 124] – engl. *to hold back her tears* [Nabokov, translation by Scammell: 93] – esp. *retener las lágrimas* [Nabokov, traducido por Giralt, 2003: 71].

В первом примере лексема «stab», означающая «удар ножом», в русской версии заменена на слово «нож». Во втором случае испанское «*la punta de su lengua*», дословно обозначающее «кончик языка», расширяет значение до языка целиком, а глагол «*tener*» имеет гораздо более широкий смысл, чем глагол «вертеться», однако как семантика, так и стилистика данных ФЕ могут рассматриваться как аналогичные.

Адаптация может быть обусловлена культурными различиями, например, ассоциациями, которые вызывает у представителей различных культур одно и то же понятие. Например, крепкий сон в англоязычной культуре ассоциируется с бревном, в то время как в русском языке крепко спящего человека часто сравнивают с мертвым: engl. *to sleep like a log* – рус. *заснуть как убитый* [Моэм, перевод Ман, 1989:214]. Несмотря на явное различие данных ФЕ с точки зрения дословного перевода, мы можем считать такой перевод адекватным и точно передающим значение, заложенное в исходной ФЕ.

Выявленные в исследуемых нами текстах примеры позволяют сделать вывод, что адаптация представляет собой один из распространенных способов перевода ФЕ английского и испанского языков на русский язык. Количество ФЕ, переведенных с английского на русский язык посредством адаптации, составляет 23 единицы, а с испанского на русский – 18 единиц. С русского на английский посредством адаптации переведены 9 ФЕ, а с русского на испанский – 11 ФЕ.

Способы перевода безэквивалентных ФЕ

Калькирование является одним из эффективных способов перевода ФЕ при проблеме лакунарности. В данном случае на языке перевода создаётся новое, отсутствовавшее в нём раньше устойчивое выражение. Приведём примеры:

esp. *No se tomó Zamora en una hora, papá!* – рус. *Не в один час была взята Самора, папаша!* [Села, перевод Лысенко, 1976: 145],

рус. *память человека близорука* [Набоков, 2009: 165] – engl. *memory is shortsighted* [Nabokov, translation by Scammell: 122] – esp. *la memoria es miope* [Nabokov, traducido por Giralt, 2003: 94].

Данные пары ФЕ переведены посредством калькирования, так как их лексическое значение не может быть выражено без соответствующего контекста, либо переводчик предпочитает сохранить образность, компонентный состав и стилистическую коннотацию ФЕ с целью сохранить экспрессивность текста оригинала.

С этой точки зрения интересен перевод ФЕ английского языка «to carry coals to Newcastle», которая в некоторых источниках [8:137] переводится как «в Тулу со своим самоваром». Однако при таком переводе пропадает вся образность ФЕ и передается лишь значение фразеологизма – «возить товар туда, где его и без того много». Поэтому в данном случае вполне будет адекватен перевод «возить уголь в Ньюкасл» [5:154], что сохранит образность ФЕ.

Вне зависимости от наличия эквивалентных ФЕ калькирование является одним из значимых способов перевода фразеологизмов.

Среди проанализированных примеров безэквивалентных фразеологизмов калькированием с испанского на русский переведены 16 ФЕ, а с английского на русский – всего 1 ФЕ. Количество безэквивалентных ФЕ, переведенных калькой, с русского на английский составляет 5 единиц, с русского на испанский – 3 единицы.

Дескриптивный перевод представляет собой перевод ФЕ посредством раскрытия её значения: переводчик не подбирает существующий на языке перевода аналог, сохраняющий структурно-семантические признаки оригинала, а просто приводит дефиницию.

Плюсом такого способа перевода является точность передачи значения исходной ФЕ, которое обеспечивает полное понимание читателем рассматриваемой ФЕ.

К недостаткам можем отнести утрату культурного и эмоционального компонента ФЕ, поскольку определение ФЕ будет иметь нейтральную окраску и не сможет с такой же силой воздействовать на читателя, как исходный текст.

В проанализированных нами источниках мы нашли, в частности, следующие примеры дескриптивного перевода.

engl. *To whet the appetites of the enquiring* – рус. *возбудить в публике интерес и любопытство* [Моэм, перевод Ман, 1989:5],

esp. *tenía malas pulgas* – рус. *характер у нее сварливый* [Села, перевод Лысенко, 1976: 271],

рус. *рассыпался в прах* [Набоков, 2009: 188] – engl. *would crumble hopelessly to dust* [Nabokov, translation by Scammell: 139] – esp. *se convertiría en un montón de polvo* [Nabokov, traducido por Giralt, 2003: 174].

Во всех этих случаях значение полностью передано, но эмоциональная составляющая оригинала утрачена.

Приведем количественное соотношение безэквивалентных ФЕ испанского и английского языков, при переводе которых применяется дескриптивный способ перевода: с английского языка – 3 ФЕ, с испанского языка – 28 ФЕ.

Содержание ФЕ, передаваемое при переводе ФЕ дескриптивным способом, является одним из важных компонентов любого фразеологизма. Однако при таком способе теряется эмоционально-экспрессивная оценка. Несмотря на это, прием описания применяется при переводе безэквивалентных русских ФЕ на английский и испанский языки. Приведем количественные данные: с русского на английский – 3 ФЕ, с русского на испанский – 5 ФЕ.

Такой способ перевода, как **модуляция**, представляет собой смысловое развитие переводимой фразы и предполагает замену некоторых слов или словосочетаний исходного языка.

Примерами данного способа перевода могут служить следующие ФЕ:

engl. *You can bet your boots I'd have routed her out fast enough.* – рус. Уж я-то бы живо о ней разузнал [Моэм, перевод Ман, 1989:61],
esp. ... *u que si la Virgen!* – рус. ...и черт знает о чем еще! [Села, перевод Лысенко, 1976: 36],

рус. *Что ж ты, Лужин, все сидишь кучей?* [Набоков, 2009: 16] –
esp. *¿Por qué estás siempre sentado en esos troncos, Luzhin?* [Nabokov, traducido por Giralt, 2003: 11] – engl. *Why are you always sitting in a heap, Luzhin?* [Nabokov, translation by Scammell: 13].

Особенно ярким примером является перевод устойчивого испанского выражения *u que si la Virgen*, в котором слово «Дева», имеющее значение «богоматерь», заменено на слово «черт».

Приведем количественные данные ФЕ английского и испанского языков, переведенных на русский язык посредством модуляции: с английского языка – 14 ФЕ, с испанского языка – 60 ФЕ. При этом с русского на английский язык способом модуляции переведены всего 4 ФЕ, а с русского на испанский – 5 ФЕ.

Лексический способ перевода предполагает перевод ФЕ ИЯ на ПЯ посредством передачи его лексического значения одним словом либо словосочетанием. Например: Engl. *wander in one's mind* – бредить; Engl. *leading light* – светило, знаменитость; Engl. *a freak of nature*

– урод; Engl. *be out at elbows* – обноситься, нуждаться, бедствовать [1:119]

При лексическом способе перевода наблюдается полное несоответствие грамматической структуры фразеологизма, его компонентного состава, стилистической коннотации. Тем не менее посредством данного способа переданным оказывается основное значение ФЕ, то есть сигнификативно-денотативное значение.

В качестве иллюстрации лексического способа перевода безэквивалентных ФЕ предлагаем следующие примеры:

engl. *To have an unerring eye* – рус. уметь безошибочно подмечать [Моэм, перевод Ман, 1989:8],

esp. *¿Qué más da?* – рус. *А, плевать!* [Села, перевод Лысенко, 1976: 32],

рус. *катастрофа не за горами* [Набоков, 2009: 187], – engl. *disaster is not far away* [Nabokov, translation by Scammell: 139] – esp. *el desastre no se dejará esperar* [Nabokov, traducido por Giralt, 2003: 107].

Таким образом, посредством слова или словосочетания с английского на русский переведены 8 безэквивалентных ФЕ, с испанского на русский – 124. Лексическое соответствие было подобрано при переводе 24 ФЕ английского языка и 51 ФЕ испанского языка.

Зачастую ФЕ, вызывающая большие трудности при переводе, может опускаться в тексте ПЯ. Данный прием называется **опущением**. Важный момент при использовании данного способа перевода – это добиться наименьших потерь как содержательного, так и стилистического характера. В.Н. Комиссаров также называет данный способ «приемом опущения», который «предполагает отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются нереlevantными или легко восстановляются в контексте» [5: 204].

Примером опущения может служить следующая пара ФЕ:

engl. *They turned her out into the street neck and crop.* – рус. *Они выгнали ее на улицу* [Моэм, перевод Ман, 1989:153].

В данном случае ФЕ «neck and crop» («тут же») опускается при переводе, но без какого-либо существенного ущерба смысловой нагрузке текста.

При переводе испанских фразеологизмов прием опущения также используется. Например:

esp. *¿Quieres uvas? Pues entra por uvas.* – рус. хочешь винограду, так поработай на винограднике [Села, перевод Лысенко, 1976: 29].

В тексте языка перевода не сохранен испанский фразеологизм «*no entrar por uvas*», означающий «избегать риска, ни во что не вмешиваться». Во-первых, в данном случае имеет место антонимический перевод, так как изначально испанская ФЕ употребляется с отрицательной частицей «*no*». Во-вторых, образное значение фразеологизма было скомпенсировано за счет метафоричности переводного текста (если хочешь виноград, то рискни и поработай на винограднике). Нужно отметить, что русский вариант текста получился удачным, так как не только передал значение ФЕ, но и добавил образности, сделал текст перевода более естественным.

Компенсация представляет собой прием, обратный опущению. Название данного способа перевода говорит само за себя: опущение какого-то элемента текста компенсируется использованием иных средств.

Следующие ФЕ иллюстрируют использование данного способа перевода:

engl. *Phineas is pretty shrewd.* – рус. Финеас – стреляный воробей [Бичер-Стоу, перевод Волжиной, 1969:205],

esp. *Yo no vuelvo a pisar el local* – рус. ноги моей в вашем кафе не будет [Села, перевод Лысенко, 1976: 28].

Среди рассмотренных ФЕ количество переведенных опущением или компенсацией немногочисленно: опущение было применено при переводе 3 испанских ФЕ и 1 английской ФЕ, а компенсация была использована при переводе 11 английских ФЕ и 10 испанских ФЕ.

Заключение

Как мы отмечали выше, в ФЕ заложен компонент культурного кода народа, в котором отражаются ценности культуры, мировоззрение её представителей и красота языка. Для обеспечения максимальной эквивалентности художественных текстов при переводе фразеологических единиц необходимо использовать различные способы перевода и выбор конкретного способа должен основываться на анализе контекста, в котором используется фразеологизм, а также на целевой аудитории перевода.

Наиболее сложными для перевода представляются, конечно же, безэквивалентные ФЕ. Именно при их переводе необходима транскультурная адаптация, которая позволит читателю не только получить дополнительные фактические знания, но и с максимальной полнотой передать коннотативную окраску ФЕ.

Кроме того, важно отметить, что для успешного перевода фразеологических единиц необходимо хорошее знание не только языка, но и культуры, традиций и ценностей народа, на языке которого осуществляется перевод. Это позволит избежать культурной лакунарности и обеспечить точную и полную передачу смысла фразеологизма.

Литература

1. Арсентьев Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1989. – 128 с.
2. Гурьянов И.О. Способы перевода фразеологических единиц книжного стиля русского, английского и немецкого языков / И.О. Гурьянов, Е.Ф. Арсентьева // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. – № 1(35). – С. 31–35.
3. Данилова В.А. Механизмы передачи фразеологических единиц в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [на материале перевода Дарио Морейра Кастро Алвеса на португальский язык] / В.А. Данилова // Litera. – 2021. – № 7. – С. 90–97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-peredachi-frazeologicheskikh-edinits-v-romane-a-s-pushkina-evgeniy-onegin-na-materiale-perevoda-dario-moreyra-kastro> (дата обращения: 15.05.2024).

4. Клыкова Ю.Ю. Специфика передачи фразеологизмов в текстах СМИ / Ю.Ю. Клыкова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-peredachi-frazeologizmov-v-tekstah-smi> (дата обращения: 15.10.2024).
 5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
 6. Коршунова Е.С. Фразеологический аналог как самый оптимальный способ перевода фразеологизмов в американской художественной литературе (на примере романа Харпер Ли «Убить пересмешника») / Е.С. Коршунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskiy-analog-kak-samyy-optimalnyy-sposob-perevoda-frazeologizmov-v-amerikanskoy-hudozhestvennoy-literature-na-primere> (дата обращения: 15.10.2024).
 7. Кузьмин С.С. Идиоматический перевод с русского на английский (Теория и практика): учебник / С.С. Кузьмин. – 3-е изд., испр. – М.: Флинт: Наука, 2006. – 312 с.
 8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов/ С.И. Ожегов. – Екатеринбург: Урал-Советы («Весть»), 1994. – 800 с.
 9. Ященко Ю.С. Лингвистический контекст как средство актуализации семантики фразеологизмов в современных СМИ (на материале немецких и русских фразеологизмов с милитарным компонентом): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2022. – 23 с.
 10. Marcelo Wirnitzer G., Michelangeli A. Análisis comparativo en la traducción al inglés e italiano de la fraseología en Valeria. – 2022. – URL: <http://hdl.handle.net/10553/117108> (дата обращения: 15.10.2024).
 11. Mena-Martínez F. M., Sáez Martínez M. F. Las modificaciones fraseológicas en los titulares españoles // Romanica Olomucensia. – 2023. – Т. 35. – № 1.
- Иллюстративный материал**
1. Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома / перевод с английского Н. Волжиной. – М.: Детская литература, 1969. – 384 с.
 2. Моэм С. Луна и грош. Театр. Рассказы. – Баку: Язычы, 1989. – 576 с.
 3. Набоков В. Защита Лужина / В. Набоков. – СПб: Азбука-классика, 2009. – 224 с.
 4. Села К. Х. Улей / К.Х. Села. – Серия «Современная классика». Перевод Е. Лысенко. – М.: Махаон, 2002.

5. *Beecher Stowe H.* Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly / H. Beecher Stowe. – New York: International Collectors library, Garden City. – P. 475.
6. *Cela C. J.* La Colmena / Camilo José Cela. – Barcelona-Madrid: Editorial Noguer, 1976. – 334 p.
7. *Nabokov V.* The Luzhin Defense. Translated by Michael Scammell in collaboration with the author/ V. Nabokov. – Penguin Books Ltd, 2000. – 272 p.
8. *Nabokov V.* La defensa Luzhin. – URL: <https://ww3.lectulandia.com/book/la-defensa/> (дата обращения: 15.10.2024).
9. *Maugham W.S.* The Moon and Sixpence. Short Stories: Книга для чтения на английском языке. – М.: Менеджер. – 320 с.

ГЛАВА VIII

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

ЭТНКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ

Г.Р. Сафиуллина

Введение

Уникальные особенности истории и культуры многочисленных народов мира, отраженные в предметах материальной культуры народов, усвоенные и передаваемые из поколения в поколение путем сохранения традиций и верований, запечатленные в символах национальной культуры находят свое отражение в национальном языке, составляя этнокультурный компонент его лексического состава. Вспомним слова В. Щербы из «Опыта общей теории лексикографии», предстерегающие лексикографа и переводчика от необоснованных ожиданий тождественности смыслов всех лексических единиц [12, с. 298].

Профессор Казанского федерального университета Е.Ф. Арсентьева внесла значимый вклад в исследования сопоставительной фразеологии в теоретическом и прикладном ракурсе. Продолжив традиции Казанской лингвистической школы, Елена Фридриховна взрастила целую плеяду лингвистов – специалистов в области сопоставительной и сравнительной филологии. Немалую роль в трудах ученого занимает описание корпусов фразеологических единиц различных языков в аспекте перевода, к примеру в Русско-английском фразеологическом словаре и в Русско-англо-немецко-турецко-татарском фразеологическом словаре, которые не потеряли актуальности и по сей день [15, 16].

Концепция двуязычного словаря предполагает наличие некой степени эквивалентности слова или словосочетаний входного языка на переводном языке. Качество лексикографического издания падает, если переводная информация неточна или передана частично. При

отсутствии эквивалентов составители словарей зачастую прибегают к описательному переводу экстралингвистических реалий. На наш взгляд, это не умаляет качества двуязычного словаря, поскольку этно-культурная реалия или артефакт описывается лишь с позиций функциональности, и описательный перевод не заменяет, а раскрывает перевод слова. Дихотомия *толковый словарь – переводной словарь* Л.В. Щербы не является самоцелью работы современного лексикографа, так как многие словари основаны на принципе самодостаточности и ориентированности на пользователя, когда вся требуемая информация располагается в рамках одной словарной статьи. Элементы энциклопедизма в искусстве составления словарей XXI века, скорее достоинство, чем недостаток. В предисловии к русско-французскому словарю Л.В. Щерба писал следующее: «Мы, конечно, должны составить для себя французский словарь с русским пояснительным текстом, а французы, немцы и англичане, узбеки, буряты и т. д. уже должны сами составлять аналогичные русские словари со своим пояснительным текстом, поскольку, конечно, в них нуждаются» [13, с. 307]. На сегодняшний день, когда на службу его величеству слову поставлены современное программное обеспечение, многовековой опыт мировой лексикографии, возможности глобального интернет-пространства, утверждение Л.В. Щербы, бесспорно, является значимым, но уже диссонирует с запросами современной пользовательской аудитории.

Этнокультурный компонент корпуса переводного словаря реализуется на материале безэквивалентной лексики. Рассмотрим два вида безэквивалентности этнокультурного компонента, выделенного В.П. Берковым. Первый вид безэквивалентной лексики (далее БЛ) обусловлен различиями подходов разных народов в деле отражения фрагментов окружающей действительности, второй вид БЛ, по мнению В.П. Беркова, обусловлен различиями в культуре двух народов. Обратимся к более подробному рассмотрению этих видов на материале английского и татарского языков.

Первый вид БЛ этнокультурного компонента обусловлен различиями подходов разных народов в деле отражения фрагментов окружающей действительности. Феномен непоследовательности «создания обозначения для всех элементов действительности» ученый приписывает стихийному формированию языковой способности [3, с. 78].

В данной статье мы опираемся на материал переводов монолексических единиц татарского языка в Татарско-английском и англо-татарском словаре (2019), а также на переводные соответствия русских фразеологических единиц на английский, немецкий, турецкий и татарский языки в Русско-англо-немецко-турецко-татарском фразеологическим словаре (2008).

Монолексические единицы с этнокультурным компонентом

Рассмотрим пример перевода татарской лексемы *моң* в Татарско-английском и англо-татарском словаре 2019 года издания, объемом 25 тысяч словарных статей и 2000 фразеологических единиц (далее ТААТ2019):

моң *n* 1) melancholy; yearning; longing for; 2) melody [ТААТ2019, с. 153],

dejection [dɪ'fʒekʃən] *n* 1) моң-зар, кайғы-хәсрәт; 2) тәрәт итү; 3) *geol.* Лава [ТААТ2019, с. 343],

depression [dɪ'preʃən] *n* 1) моң-зар, кайғы-хәсрәт, күңел боеклыгы; 2) *ec.* депрессия; ~ *of trade* сәүдә эшендә торғынлық; 3) уем, инқұлек; ~ *in the ground* үйсулық, инқұлек; 4) *phys.* вакуум, сирәгәйтү [ТААТ2019, с. 344],

melody ['mɛlədi] *n* 1) көй, моң; 2) моңлылық [ТААТ2019, с. 421],

sadness ['sædnis] *n* кайғы-хәсрәт, сагыш, моң [ТААТ2019, с. 409],

tune [tju:n] *1. n* 1) көй, моң, аһәң; 2) көйләү; *the piano is in (out of)* ~ пианино көйләнгән (көйсезләнгән); 3) аһәңлелек; *to be in ~ with smth.* килешеп торырга; *to be out of ~ (with)* килешмәскә; *2. v* 1) музыка коралын көйләргө; 2) ярашырга, килешергә [ТААТ2019, с. 521],

Опираясь на утверждение В.П. Беркова, охарактеризуем татарское слово «моң» как объединяющее такие значения, как печаль, мелодия, грусть, напев в более крупную категорию со множественными переводами английскими лексемами, такими как *dejection, depression, melody, sadness, tune* и др.

Второй вид БЛ лексики обусловлен отличиями в культуре двух народов: «Отсутствие у лексемы входного языка эквивалента в выходном языке может объясняться различиями в культуре (подчеркнем еще раз, в самом широком смысле слова) между данными языковыми коллективами» [3, с. 155]. Данный вид безэквивалентной лексики называют еще культурно-коннотированной лексикой (далее ККЛ). Наиболее ярко ККЛ представлена в двуязычных словарях, что обусловлено попыткой соотнести языки и культуры (как духовную, так и материальную) разных народов. Но, как правило, доля такой лексики в словарях мала и колеблется на уровне 2 % [7, с. 25]. Вот как ее оформление выглядит в современных двуязычных словарях:

такмак *n* taqmaq (*Tatar*), chastooshka (*Russian*) (*two or fourline folk verse, usually sung in a lively manner*) [ТААТ2019, с. 197],

чәкчәк *n* chakchak (*Tatar national food*) [ТААТ2019, с. 253],

курай *n* 1) *ethn. quray, kuray, flute (Tatar national musical instrument in the form of a long open endblown flute with two to seven fingerholes); ~ уйнарга play the quray; 2) dried plant stem; dry bulrush; 3) bot. saltwort; angelica* ◇ **[кеше] кураена биергә** *see* **кубыз** [ТААТ2019, с. 132].

Рассмотрим татарскую ФЕ **[кеше] кураена биергә**, буквально означающую «танцевать под курай другого человека». Курай – национальный музыкальный инструмент башкир и татар, продольная флейта длинною до 80 см. Безусловно, данная ФЕ формирует этнокультурный компонент словаря, для понимания которого необходимы дополнительные фоновые знания. Переводчик в данном случае своей задачей видит передачу смысла ФЕ, что выражается в оправданном выборе лексемы «дудка», более знакомому и понятному иноязычному пользователю.

Christmas ['kɒsməs] *n* раштуа [ТААТ2019, с. 324],

Christmas-tree ['krɪsməstri:] *n* раштуа чыршысы [ТААТ2019, с. 324],

fast I [fa:st] 1. *n* ураза; *to break (one) S* ~ авыз ачарга; 2. *v* ураза тотарга ◇ **a clean ~ is better than a dirty breakfast** ~ ярлырак, ләкин намуслырак [ТААТ2019, с. 369],

baptize [bap'taiz] *v* 1) чукынырга; 2) чукындырырга [ТААТ2019, с. 305],

Многие исследователи и авторы словарей к ККЛ этнокультурного компонента относят имена собственные, ратуют за включение имен собственных в словник двуязычного словаря [12; 3; 7; 6]. К пласту имен собственных этнокультурного компонента отнесем имена литературных произведений, героических личностей, правителей, ученых, деятелей культуры, мифологических персонажей, топонимы и др. Д.И. Ермолович подчеркивает отсутствие регулярности в систематизации и кодификации соответствий имен собственных в переводных словарях, что и называет важным аргументом расширения словарника словаря за счет имен собственных, отмечая отсутствие иных способов регистрации таких соответствий, «кроме как в двуязычных словарях» [6, с. 65].

Принципы отбора культурно-коннотированной БЛ лексики для включения в словарь варьируются в зависимости от профессионализма лексикографа и потребностей пользовательской аудитории. Отбор слов в современной лексикографии осуществляется в значительной степени субъективно [3, с. 24]. Традиционно вопрос о составлении словарника и о включении общеупотребительных слов решается с учетом частотности и употребительности заглавного слова и тем не менее определяется автором словаря.

Культурно-коннотированная лексика в ТААТ2019 представлена достаточно широко. Помимо апеллятивной БЛ, в англо-татарских и татарско-английских словарях нашли отражение и имена собственные как носители важной культурологической и лингвострановедческой

информации. Большая часть такой лексики безэквивалентна, т. е. не имеет готовых эквивалентов. Ввиду указанного факта передача значений осуществляется посредством толковательного или описательного перевода. В раскрытии значения безэквивалентных слов большую роль играют также комментарии (фактический, культурологический, лингвистический и ситуативный), энциклопедическая информация, лексикографическая вербальная иллюстрация.

Как отмечает В.П. Берков, «хорошие современные двуязычные словари являются в значительной степени переводно-толковыми» [3, с. 155], т. е. учитывают новейшие тенденции времени, отвечая нуждам пользователей, и раскрывают значение языковой единицы с точки зрения наивной картины мира [4, с. 58].

Следует заметить, что в англо-татарских словарях БЭЛ этнокультурного компонента сопровождается толкованием на языке перевода в виде описания, комментарием, справочными данными в различных сочетаниях.

В.В. Дубчинский выделяет *функцию уточнения*, выделения значения заголовочной единицы [4, с. 59]. В основном данная функция осуществляется с помощью иллюстративного материала, поскольку как авторские, так и учебные примеры несут в себе много дополнительной информации о культуре языкового сообщества.

Фразеологические единицы с этнокультурным компонентом

С точки зрения общего принципа размещения слов в словаре максимально удобной на практике следует считать демонстрацию фразеологических единиц в словарной статье их первого компонента, который приводится в общем строгом алфавитном порядке, соблюдаемом пока что лишь в отдельных словарях (как правило, принято приводить ФЕ в такой последовательности: сначала идут существительные и прилагательные, затем глаголы, далее в качестве иллюстративного материала включаются пословицы и поговорки, если это соответствует общей концепции словаря).

В словаре ТААТ2019 из этих же соображений фразеологизмы входят в структуру словарной статьи и не выделяются в отдельные статьи. Действительно, выделение отдельной статьи под фразеологизм значительно увеличивает объем издания. Кроме этой, достаточно объективной, причины, есть и другие, которые будут рассмотрены далее.

В разделе «Разработка сложных слов и фразеологии в словаре» монографии А.А. Юлдашева «Принципы составления тюркско-русских словарей» рассматривается фразеология как объект лексикографии и принципы разработки и размещения фразеологизмов в словаре [14, с. 170–226].

Современная теоретическая лексикография также обращается к этой проблеме, что говорит о том, что проблема все еще остается дискуссионной. По этой теме было защищено несколько диссертаций. Это диссертации Ю.А. Ермолаевой «Принципы лексикографического описания русской фразеологии (на материале словарных статей общих и учебных словарей)» [5], В.М. Костевой «Способы представления фразеологизмов в двуязычном словаре: на материале немецкого языка» [8], Р.А. Аюповой «Проблемы лексикографического описания фразеологических единиц: на материале английского, русского и татарского языков» [1].

Р.А. Аюпова в исследованиях, посвященных изучению татарской фразеографии, отмечает необходимость поэтапного анализа метаязыка фразеологических словарей. Трехступенчатое исследование фразеологических словарей татарского, русского и английского языков на уровнях макроструктуры, микроструктуры и уровне элементов словарной статьи позволило ученому провести параметрический анализ словарей [2, с. 174], что привело его к интереснейшим выводам, которые касаются практического исследования фразеографии татарского языка, роли парадигматики и расположения значений полисемичной ФЕ в генетически правильной последовательности при семантизации ФЕ в словарной статье [2, с. 302]. Вариативность ФЕ Р.А. Аюпова рассматривает весьма подробно – с точки зрения фонетики, грамматики,

лексики и синтаксиса (перифрастических вариантов) – и подразделяет способы представления ФЕ в словаре на: 1) описание при помощи свободного словосочетания или предложения; 2) комбинированный тип дефиниции, описание при помощи развернутой структуры; 3) монолексему; 4) межъязыковое соответствие (для двуязычных словарей). В качестве переводной дефиниции исследователь рекомендует комбинированный тип сочетания эквивалента / монолексемы с иными типами дефиниции [2, с. 307].

Следует также отметить, что фразеологизм в некотором отношении близок фольклору, в котором, как известно, бытуют «бродячие сюжеты», получающие национальную интерпретацию у каждого народа. И во фразеологии, помимо языковых заимствований-каек, существуют фразеологизмы, отражающие жизненный опыт социума, который во многом универсален и идентичен опыту любого общества, независимо от территории проживания и особенностей истории.

Итак, мы получили общее представление о тех трудностях, которые возникают при включении фразеологизмов в общие двуязычные словари, и о тех способах, которые применяются для разрешения возникающих в связи с этим проблем. Обобщим эти способы:

1) размещение фразеологизма в составе словарной статьи на один из его компонентов – либо по первому компоненту, либо по опорному, стержневому слову;

2) представление фразеологизма в самостоятельной словарной статье по его первому компоненту согласно алфавиту.

Второй способ не получил распространения в советской и российской практике лексикографии. Однако, как замечает Л.В. Малаховский, он «получил широкое распространение в американских толковых словарях английского языка (это отчасти объясняется стремлением увеличить в рекламных целях общее количество статей в словаре), но к нему все чаще прибегают в последнее время, руководствуясь чисто лексикографическими соображениями, также и составители переводных англо-русских словарей» [9, с. 157].

Размещение многокомпонентных фразеологических оборотов – задача более трудная, и решение ее в каждом конкретном случае может быть уникальным. Мы полагаем, что лексикографу-практику следует обращать внимание на следующие моменты:

а) выделить опорное или стержневое слово в именных сочетаниях для отнесения ФЕ к той или иной словарной статье;

б) глагольные фразеологизмы предпочтительнее размещать в статьях глагольных единиц, если во фразеологизме не присутствует редкоупотребительное слово, в последнем случае фразеологизм лучше размещать в статье данного редкоупотребительного слова, что облегчит нахождение ФЕ пользователем. Размещение по первому слову допустимо, если оно употреблено в переносном или необычном значении.

А.А. Юлдашев выделяет два принципа представления фразеологизмов в тюркско-русских словарях:

1. Двучленные фразеологические обороты располагаются в статьях обоих знаменательных компонентов. Таким же образом помещаются и парные сочетания, которые при воспроизведении под вторым словом даны без перевода с отсылкой к первому слову.

2. Многокомпонентные фразеологизмы, семантический центр которых обнаруживается легко, располагаются при слове основного значения [14, с. 101].

Обратимся к примерам презентации фразеологизмов в словаре:

бишек *n* 1) cradle; 2) *fig.* birthplace; home; motherland □ ~ **жыры** cradle song, lullaby ◇ ~ **ташларга** attain *one's* majority; **бишектэн алып (уқ)** from the cradle; since birth; since a very young age; ~ **тые** *lit.* cradle party (*celebration of a child's [baby's] birthday*) [ТААТ2019, с. 57],

сөмсер *n* *obsl.* high (*or* good) spirits; self-control ◇ **сөмсере** **коелырга** grow gloomy; get upset; get frustrated [ТААТ2019, с.190],

үжым *n* winter crop(s) ◇ ~ **бозавы** dith-erer; sap *coll.* [ТААТ2019, с. 228]

lightning ['laɪtnɪŋ] *n* яшен ◇ **like** ~; **with (at)** ~ **speed** яшен кебек, яшен тизлегендә [ТААТ2019, с. 417],

second-best ['sɛkənd bɛst] *a* икенче сортлы ♦ **to come off** ~ уңышсызлыкка юлыгырга, җинелергә [ТААТ2019, с. 478],

mustard ['mʌstəd] *n* 1) горчица; 2) *attr.* горчица .ы; ~ *oil* горчица мае ♦ **to be keen as** ~ эшкә бирелергә [ТААТ2019, с. 426].

Естественно, фразеология каждого языка уникальна, но это касается лишь плана содержания, а в плане выражения она универсальна. Универсальность обусловливается прежде всего особенностями структуры фразеологических единиц: они состоят из двух и более знаменательных слов, их синтаксического статуса – это именно сочетания, а не законченные предикативные единицы. Еще один момент, усложняющий проблему, – это образность таких сочетаний, которая, в свою очередь, не позволяет легко находить их грамматический или семантический центр.

При всех описанных сложностях фразеология любого языка находит отражение в его словарях. И, несмотря на существующие проблемы, авторы-составители ищут, хотя и не всегда находят, приемлемый в каждом конкретном языке, каждом конкретном случае выход, который удовлетворил бы их взгляды и возможных потребителей их труда.

Действительно, для того чтобы выявить все характерные черты фразеологических единиц, необходимо провести большую фронтальную исследовательскую работу, основанную на всеобъемлющем охвате фразеологического материала и его подробном анализе в сопоставлении с подобными конструкциями в других, родственных и неродственных, языках.

Как отмечают представители современной Казанской лингвистической школы Р.А. Аюпова, Д.Д. Хайруллина, фразеографическое описание татарского языка было начато профессором Казанского университета И.Ф. Эрдманом в XIX в. и продолжено И. Снегиревым, М. Ивановым, С. Кукляшевым, И. Березиным, М. Салиховым, Г. Фаезхановым, Т. Яхиным, К. Насыри, Г. Миниевым, В.В. Радловым, Х. Бадиги. После революции фразеографическим описанием татарского языка занимались Дж. Валиди, Х. Ярми, Х. Гали, А. Ахметов.

В 50-е гг. XX в. фразеографию татарского языка развивали Г. Баширов, А. Шамов, Х. Ярми, Х. Усманов; Н. Бурганова, Л. Махмудова, Л. Залая и, конечно, Н. Исанбет [2; 11].

С.Н. Муратов в своем исследовании сложных слов (парных и слитных), лексикализованных и грамматикализованных устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц в тюркских языках выделил три типа идиом: 1) лексико-фразеологический; 2) собственно фразеологический тип, единицы которого служат в речи только стилистическими заменителями лексических единиц; 3) устойчивые фразеологические речевые формулы или фразеологические штампы [10].

В первую группу идиом входят устойчивые лексикализованные и терминологизированные словосочетания, основой которых являются образные выражения, к примеру: *койма яңғыр, таңға калырга, шайтан таяғы* и др. Ко второй группе относятся устойчивые словосочетания, совпадающие с моделями свободных словосочетаний и предложений: *кәкре қаенға терәтү, кунак ашы – кара-кары, тымызық құлдә көрт үйный* и т. д. Третью группу составляют следующие типы: 1) вводные выражения: *бәхетқа каршы, язғын булса, қулдан килгәнче*; 2) междометные выражения: *рәхим итегез! исәнлекқа-саулыкка, курешергә язын*; 3) различные формулы благих пожеланий, проклятий и т. п.: *канәр сүккан, күз тимәсен, рәхмәт яугыры* и др. [10, с. 117–129].

Работа по переводу фразеологических единиц на татарский язык активно велась коллективами лингвистов. Масштабный труд по созданию русско-англо-немецко-турецко-татарского словаря был проделан профессором Е.Ф. Арсентьевой еще в конце XX века в Русско-английском фразеологическом словаре [РАФС]. Объединив ведущих специалистов Казанского государственного университета, Елена Фридриховна Арсентьева разработала методологию, мега-, макро- и микроструктуру словаря и взяла на себя руководство новаторским проектом. В результате многолетней работы Е.Ф. Арсентьевой, Т.П. Трошкиной, А.В. Шариповой, Р.А. Аюповой, Л.Р. Сакаевой, Г.Р. Сафиуллиной был подготовлен и в дальнейшем опубликован РАНТТФС.

Обратимся к примерам из «Русско-англо-немецко-турецкотатарского фразеологического словаря»:

МАРКИ

ВЫСШЕЙ / ПЕРВОЙ / МАРКИ экспресс – of the first water; first-class; the very desperate / scoundrel, thief, liar, etc./

– Этот тип – мошенник высшей марки, доверять ему нельзя ни в коем случае.

edelster / erster Sorte

daniska; en iyisi

Иң югары сорт [РАНТТФС, с. 313].)

Как видим, автор русско-английской части словаря и руководитель проекта профессор Е.Ф. Арсентьева в качестве ведущего компонента ФЕ *высшей марки* выбрала существительное *марка*, порядок регистрации словарных статей – алфавитный. Заголовочная единица сопровождается пометой «экспресс.», в переводческих соответствиях пометы отсутствуют в соответствии с замыслом составителей словаря. Три переводческих единицы приводятся на английском языке, что соответствует потребностям пользователя, которому предоставляется выбор в первых двух случаях синонимов *of the first water; first-class* (первостатейный, первоклассный – *здесь и далее в скобках перевод наш*) и второго значения ФЕ – *the very desperate* (отчаянный). В третьем варианте перевода автором приводятся вариативные возможные окончания английской ФЕ в косых скобках – *scoundrel, thief, liar* (негодяй, вор, лжец). Далее Е.Ф. Арсентьева приводит удачный иллюстративный дидактический пример, не являющийся цитатой из литературного произведения, а разработанный автором. Вторым переводным языком словаря является немецкий, и А.В. Шарипова приводит немецкую ФЕ *edelster / erster Sorte* (первосортный), приводя два варианта *edelster* (знатный) и *erster* (первый). За фразеологическими аналогами на немецком языке следуют турецкие аналоги *daniska* (знатный) и *en iyisi* (наилучший). Завершает словарную статью татарский аналог *иң югары сорт* (высшего сорта). Мы видим, что

первоначальный замысел удался и авторы свели воедино несколько языков в статье фразеологического словаря, аналоги исходной русской ФЕ *высшей марки* передают ее семантику, стиль и коннотацию. Примечательно, что в татарской ФЕ вместо татарского слова *төр* используется русскоязычное слово *сорт*. Возможно, это осознанный стилистический выбор автора татарской части словаря (от А до О) Р.А. Аюповой.

Рассмотрим еще один пример:

ЧАДУ

КАК / КАК БУДТО / В ЧАДУ кто. разг. экспресс. – *smb is stupefied; smb looks as if he has been drugged.*

После неожиданной встречи она чувствовала себя как в чаду, хотелось то смеяться, то плакать...

wie verrückt

wie trunken

kafası tütsülü olmak; kafasında sersemlik olmak

≈ Шашкан кеше сыман [РАНТТФС, с. 691].

Адвербальная ФЕ *как в чаду* располагается под словом *чаду* и включает вариативный компонент *как будто*, оформленный через косую линию. Только при заголовочной единице даются пометы: «разг. экспресс.». За русским вариантом следует два аналоговых перевода на английский язык: *smb is stupefied* (ошеломленный); *smb looks as if he has been drugged* (одурманенный наркотиками). Немецкие варианты *wie verrückt* (как безумный), *wie trunken* (как пьяный) и турецкие *kafası tütsülü olmak* (под шофе) и *kafasında sersemlik olmak* (испытывать головокружение) также являются аналогами. Татарский вариант, предложенный Л.Р. Сакаевой, автором татарской словаря (от П до Я) *шашкан кеше сыман* (как сумасшедший) также является аналогом и представлен после знака тильды.

Обратимся к глагольным фразеологическим единицам, представленным в словаре:

ВЫРЫВАТЬ

ВЫРЫВАТЬ ИЗ СЕРДЦА / ИЗ ДУШИ / кого, что.

ВЫРВАТЬ ИЗ СЕРДЦА / ИЗ ДУШИ / кого, что. экспресс. – *tear smb /smth/ out of one's heart; erase from one's memory; blot smth out of one's mind; ~ blot out / raze from / one's memory*.

«Два-три дня решительного гнева государыни на него /Бирона/ – и тогда одно слово, только одна мысль о слезах и крови моих соотечественников, о России... Постригусь отечеству, произнесу роковой обет и вырву все земное из земного сердца» (И. Лажечников. Ледяной дом).

sich j-n / etwas aus dem Herzen reißen

j-n / etwas aus dem Herzen verdrängen

kalbinden söküp almak; gönülden çıkarmak

≈ Йөрәктән тартып алу; йөрәктән алып ташлау [РАНТТФС, с. 110].

Как видно, в русской части словарной статьи даются две формы глагола: совершенного и несовершенного вида, за ней следует помета экспрессивности и четыре перевода на английский язык с вариантами глагольных лексем *tear / erase / blot / raze from* и номинативных компонентов ФЕ *heart / memory / mind*. Пример контекстного употребления ФЕ взят из литературно-художественного произведения И. Лажечникова. На остальных языках словарной статьи также приводятся аналоги: немецкие *sich j-n/etwas uas dem Herzen reißen* (стереть из сердца), *j-n/twas aus dem Herzen verdrängen* (вытеснять из сердца); турецкие *kalbinden söküp almak* (выдратить из сердца) и *gönülden çıkarmak* (вытащить из сердца); татарские *йөрәктән тартып алу* (вытянуть из сердца); *йөрәктән алып ташлау* (выбросить из сердца).

В словарной статье фразеологической единицы *запереться в четырех стенах* мы наблюдаем помету «неодобр.»:

ЗАПЕРЕТЬСЯ

ЗАПЕРЕТЬСЯ В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ часто неодобр. – *immure oneself; become a recluse; keep <oneself> to oneself*.

– Уж не собираешься ли ты запереться в четырех стенах и вести жизнь отшельника? Уверяю тебя, такая жизнь не для таких, как ты.

sich in seine vier Wände verkriechen

evine kapanmış olmak

≈ дұрт стена әченә бикләнеп утыру [РАНТТФС, с. 222].

После русской фразеологической единицы приводится три аналога *immure oneself* (замуровать); *become a recluse* (стать авторником); *keep <oneself> to oneself* (держать при себе). Краткий и емкий авторский иллюстративный пример дополняет русскую Ф.Е. Далее следует эквивалент на немецком языке *sich in seine vier Wände verkriechen* (запереться в четырех стенах), аналог на турецком языке *evine kapanmış olmak* (запереться в доме) и эквивалент на татарском языке *дұрт стена әченә бикләнеп утыру* (запереться в четырех стенах).

Таким образом, мы можем отметить эффективность системного подхода в русско-англо-немецко-турецко-татарском фразеологическом словаре, в частности, при оформлении и построении словарной статьи, в подаче переводного материала при помощи эквивалентов или аналогов.

Заключение

Методология представления этнокультурного компонента в двуязычных и многоязычных словарях прошла свой путь развития, неоспоримым вкладом в которое являются лексикографические разработки, публикации теоретических исследований и научно-методических пособий казанских лингвистов.

Рассмотрев материал двух словарей и проанализировав татарские монолексемы и фразеологические единицы с этнокультурным компонентом, необходимо подчеркнуть значимость познаний в области уникальных культурных черт, которые выявляются особенно ярко в области переводной лексикографии. Экстраглоссические реалии

формируют особенности национального мышления того или иного народа и являются необходимым и важнейшим компонентом изучения для познания специфики культуры этноса. Этнокультурный компонент на фоне всеобщей глобализации позволяет сохранять самоидентичность народа, в то время как изучение данного компонента ведет к эффективной межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Аюрова Р.А.* Фразеографическое описание татарского, русского и английского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Аюрова Р.А. – Казань, 2010. – 39 с.
2. *Аюрова Р.А.* Фразеология и фразеография татарского языка / Р.А. Аюрова // Альманах современной науки и образования. – 2010в. – № 7 (38). – С. 172–176.
3. *Берков В.П.* Двуязычная лексикография: учебник / В.П. Берков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 237 с.
4. *Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка: учеб. пособие / В.В. Дубичинский. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 428 с.
5. *Ермолаева Ю.А.* Принципы лексикографического описания русской фразеологии (на материале словарных статей общих и учебных словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Ермолаева. – Л., 1990. – 19 с.
6. *Ермолович Д.И.* Ономастическая лексика как объект двуязычной лексикографии / Д.И. Ермолович // Вопросы филологии. – 2004. – № 2. – С. 64–70.
7. *Иванищева О.Н.* Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.Н. Иванищева. – СПб., 2005. – 37 с.
8. *Костева В.М.* Способы представления фразеологизмов в двуязычном словаре: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук / В.М. Костева. – М., 1996. – 188 с.
9. *Малаховский Л.В.* Размещение фразеологизмов в словаре: Теоретические соображения составителя и интересы читателя / Л.В. Малаховский // Теория и практика современной лексикографии: сборник науч. тр. / отв. ред. Р.П. Рогожникова. – Л., 1984. – С. 157–164.
10. *Муратов С.Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках / С.Н. Муратов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 129 с.

11. *Хайруллина Д.Д. История собирания и лексикографирования английских, русских, татарских пословиц и поговорок / Д.Д. Хайруллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4 (22), ч. 2. – С. 192–196.*
12. *Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – Л., 1974а. – С. 265–312.*
13. *Щерба Л.В. Предисловие (к русско-французскому словарю) / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – Л., 1974б. – С. 304–312.*
14. *Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1972. – 416 с.*

Словари

15. РАФС Русско-английский фразеологический словарь / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Хэтер, 1999. – 318 с.
16. РАНТТФС Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь / Е.Ф. Арсентьева, Т.П. Трошкина, А.В. Шарипова, [и др.]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 720 с.
17. ТААТ2019 Татарско-английский, англо-татарский словарь (на кириллице) / Timerkhanov A.A., Safiullina G.R. Tatar-English, English-Tatar dictionary. – Kazan: ILLA, 2019. – 544 p.

ГЛАВА IX

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-КОЛОРОНИМОМ GRÜN / ЗЕЛЕНЫЙ / ЯШЕЛ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Мухамадьярова А.Ф.

Введение

Фразеологические и паремиологические единицы (далее ФЕ и ПЕ), значительный вклад в изучение которых внесли W. Mieder [41], Cs. Földes [38], B. Wotjak [45], Н. Ф. Алефиренко [1], Е.Ф. Арсентьева [2], Р.А. Аюпова [3], Д.О. Добровольский [13], М.А. Кулькова [16], Г.Л. Пермяков [22], Т.Н. Федуленкова [32], являются носителями информации о менталитете народа.

Каждая культура имеет свою лингвоцветовую картину мира. Цветовая символика ярко отображается во фразеологических и паремиологических единицах, обрядах, мифах и религиозных ритуалах. На сегодняшний день существует обширная информация по цветовой символике. Есть традиционная классификация цветов, предложенная оптикой и экспериментальной психологией [30]. Цвет является емким культурным кодом, знание которого может способствовать преодолению «культурологического дальтонизма» при взаимодействии разных народов [7].

Материалом данного исследования послужили ФЕ и ПЕ с компонентом колоронимом «зеленый» в немецком, русском и татарском языках, которые были собраны методом сплошной выборки из фразеологических, этимологических, толковых словарей трех языков, в том числе: Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник, 1999; Даль, В. Толковый словарь живого

великорусского языка, 1989; Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь, 2008; Снегирев, И. М. Книга народной мудрости, 2014; Сафиуллина, Ф.С. Татарча – русча фразеологик сүзлек, 2001; Исәнбәт, Н.С. Татар халық мәкалъләре: мәкалъләр жыелмасы: 3 томда, 2010; Байер, Х. Немецкие пословицы и поговорки, 1989; Duden Redewendungen. Bd. 11.; Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg, 2001; Simrock K. Die deutschen Sprichwörter. Patmos; Auflage: 1, 2003. Теоретическим основанием исследования являются работы Н.Б. Бахилиной [6] А.П. Василевича [9], А. Вежбицкой [10], Л.Н. Мироновой [20]. Анализу было подвергнуто 161 ФЕ и ПЕ с компонентом зеленый, в том числе 65 ФЕ и ПЕ в немецком, 41 – в русском и 25 – в татарском языках. Также были использованы примеры с колоронимом зеленый, взятые из корпуса DWDS (<http://www.dwds.de/>), национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) и татарского национального корпуса «Туган тел» (http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/interface_language=ru).

Лингвокультурологические особенности фразеологических и паремиологических единиц, содержащих колоронимы *grün / зеленый / яшел*, в немецком, русском и татарском языках

Анализ лингвокультурологических особенностей колоронима зеленый мы начали с этимологической справки и выявили различия значений между немецким, русским и татарским языками. Немецкая лексема *grün* восходит к средневерхнемецкому *grüejen* со значением ‘wachsen, sprießen, gedeihen’ (расти, всходить, распускаться (о цветах)). Русский колороним зеленый родственен лит. žālias, лтш. zaļš «зеленый», др.-прусск. saligan – то же, лит. želiù, žéliau, žélti «зарастать», др.-инд. háriš, авест. zairi- «желтый, золотистый», лат. helvus «желтоватый» [34]. А татарская лексема яшел этимологически связана со словом «яшь» (молодой). В «Древнетюркском словаре» отмечено, что колороним яшел означал не только зеленый цвет, но и сине-зеленый, голубой [19, с. 575].

Зеленый цвет является амбивалентным, т. е. включает в себя как положительные, так и отрицательные символические значения. Учитывая тот факт, что *grün* изначально имел значение ‘расти, процветать’, начнем анализ колоронима с символического значения природы. В немецком языке представлены следующие фразеологизмы с данным значением: *bei Mutter Grün schlafen (scherzh.)* «ночевать под открытым небом» [36, с. 279]. Природа персонифицируется и олицетворяется с образом матери. Колороним *grün* означает лоно природы, где можно отдохнуть душой и телом, набраться сил, энергии.

В следующих примерах ФЕ колороним олицетворяет зеленые насаждения, растительность: *eine grüne Lunge* (зеленые легкие планеты), *die grüne Insel* («зеленый остров» – поэтическое название Ирландии). Тюригию по праву именуют *das Grüne Herz Deutschlands*, букв. «зеленым сердцем Германии». В татарском языке лес, природу также метафорически называют *яшел алтын* (зеленое золото).

Если человек проявляет любовь к природе, талант к выращиванию цветов и растений, то в немецком языке используют заимствованный из английского языка фразеологизм *einen grünen Daumen haben*. В основном корпусе русского языка мы также нашли пример устойчивого выражения со сходной семантикой: «У него была, что называется "зелёная рука" – очень любил растения, занимался садом на даче под Питером. У меня, как ни странно, ничего не растёт дома, хоть я очень люблю цветы в горшках» (Сати Спивакова. Не всё (2002)). В лексикографических источниках фразеологизм «зеленая рука» не был обнаружен. Можно предположить, что это выражение было заимствовано из французского языка. Про того, у кого есть способность к уходу за растениями, говорят *il a la main verte* (букв. у него зелёная рука). [23, с. 172].

Цветообозначение *grün* развивает свое значение, связанное с природой, и образует новые термины, связанные с земледелием, например, *die Grüne Woche* – «Зеленая неделя» со значением «международная выставка сельского хозяйства и продовольственной промышленности в Берлине»; *der Grüne Bericht* – «Зеленый отчет», т. е. годовой отчет

Министерства земледелия ФРГ. Связь зеленого цвета с природой прочитывается также в политическом контексте в значении «экологичный»: *grüne Partei, die grüne Basis, Fraktion, der grüne Abgeordnete*.

Во многих культурах зеленый цвет соотносится с растительностью в ранней стадии созревания: неспелые ягоды, фрукты и овощи сначала имеют зеленую окраску. Именно поэтому колороним приобрел символическое значение «неопытности, молодости», которое отражается в произведениях устного народного творчества. Некоторые лингвисты считают, что перенос значения произошел в XVII веке.

В романе «*Der grüne Heinrich*», написанном Г. Келлером в 1854–1855 гг., колороним *grün* является символом исканий самого себя, что обусловлено молодостью и незрелостью главного героя. Зеленая одежда героя является внешним выражением поисков своего «Я» героем между искусством, природой и обществом. *Ein Greenhorn sein* – это обозначение неопытного человека, которое было заимствовано из английского языка. Продолжим ряд фразеологизмов и пословиц с данным символическим значением: *ein grüner Junge* – зеленый юнец, желторотый птенец, молокосос, *grün um die Nase sein* – быть молодым, неопытным. Колороним *grün* в сочетании *grünnes Holz* приобретает символическое значение молодости и энергии: *Grünes Holz, große Hitze* [43, с. 255], *Je grüner das Holz, je dicker der Rauch* [4, с. 134]. Однако энергия молодости, кажущаяся не иссякающей, имеет свои границы и с течением времени люди теряют ту самую искорку, из которой они черпают силы, пословица гласит: «*Das schönste Grün wird auch Heu*» [43, с. 466].

О неопытном человеке в русском языке говорят *молодо-зелено* (часто шутл.-ирон.). Этот оборот является частью пословицы «*молодо-зелено – гулять велено*» [8, с. 384]. В словарях представлены следующие пословицы с колоронимом «зеленый», символизирующими неопытность, молодость: *Молодо – зелено; старо – да сбойливо* [11, с. 81], *Не тряси яблока, покуда зелено: созреет, само упадет* [11, с. 665], *Молодой зелен, старый сед, а середовой в масть* [11, с. 376],

Молода, зелена, в Саксонии не была [27, с. 276], *зеленый мастер* [15, с. 135], Эти пословицы и фразеологизмы употребляются в том случае, когда чьи-либо поступки или слова свидетельствуют о молодости или неопытности.

В татарском языке зеленый цвет также упоминается, когда речь идет о молодости, например, в пословице “*коры ботакка ябышканчы, йәшел сабакка ябыш*” (в значении ‘нужно выходить замуж за молодого’) [29, с. 77]. Встречающиеся в татарском языке фразеологизмы *яшел авыз / яшел борын / яшел кыяр* заимствованы из русского языка и переводятся как «желторотый птенец / молоко на губах не обсохло / не видавший лиха» [25, с. 332]. В татарской пословице «*Пешкән алмага кизәндек, йәшеле төштө*» [29, с. 708] зеленый цвет приобретает значение ‘что-то новое, неизведанное, необработанное’.

Проанализируем сочетание *grüne Hochzeit* – день свадьбы [36, с. 344]. Мы можем предположить, что колороним *grün* связан с символическим значением «неопытный». Нельзя, однако, забывать, что зеленый цвет символизирует и любовь. В миннезангах зеленый цвет был олицетворением зарождающейся любви. Молодую, незамужнюю девушку называли «*ein grünes Mädchen*» [39, с. 78]. Символическое значение зеленого цвета находит свое отражение и в славянских свадебных обрядах. В этот день невеста надевает зеленый венок, данный обычай относится к древнему обряду покрывания невесты. По народному поверью листья также одеваются, покрывают дерево. Именно поэтому зелень деревьев служит символом брачного покрова и брака вообще [17, с. 77–78]. В свадебных обрядах татар обычай надевания зеленого венка отсутствует.

Колороним *grün* в немецком языке часто имеет положительное ассоциативное значение чего-либо приятного, близкого к сердцу: *Komm an meine grüne Seite! Jmdm. nicht grün sein (ugs.)* [36, с. 278]. Как отмечает Б.Х. Бакиров в статье «Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков», тюркские поэты причисляли зеленую траву и зеленый луг к разряду четырех вещей, которые «приятны душе человека» («яшел чэмкән», «яшел чэмән»)

[Бакиров 2015: 11л5]. Кроме того, в татарском языке зеленый цвет может получить символическое значение ‘красивый, хороший’: Аръяк яр һәрвакыт йәшелрәк күренә (дословно “заречная сторона всегда кажется зеленее”) [29, с. 518]. Положительная символика зеленого цвета отражается в пословице *Яхыларга иярсәң, йәшел чапан киярсен; Яманнарга иярсәң, көрән чикмән киярсен* (буквально ‘Если будешь следовать за хорошими людьми, то оденешь зеленый чапан, за плохими – коричневый чикмен’) [29, с. 554].

Зеленый цвет может символизировать свободу, беспрепятственное движение. Приведем примеры: *jemandem grünes Licht geben, grünes Licht haben*. В русском языке колороним зеленый фигурирует во фразеологизме *зеленая улица*, который имеет два значения. Как отмечает Бирих, значение ‘свободный прямой путь, беспрепятственное продвижение’ является исконно русским. Его источником послужила профессиональная речь железнодорожников; *зеленая улица* названа по цвету сигнала светофора [8, с. 584].

Можно констатировать факт, что в немецком языке в колорониме *grün* заложено больше ассоциативных связей, чем в русском и татарском языках. Символическое значение надежды отражается в таких пословицах, как *Je dürrer die Zeit, je grüner die Hoffnung* [4, с. 67], *Mein Herz wird grün, wenn man wieder hoffen durfte* [39, с. 76]. Символическое значение успеха и процветания, которое обусловлено этимологией зеленого цвета, мы можем проследить в немецком фразеологизме *auf (keinen) grünen Zweig (Ast) kommen* [42, с. 1782]. Можно дополнить зеленый цвет еще одним символическим значением гармонии, беззаботной, беспроблемной жизни: *etwas / alles liegt / ist im grünen Bereich* – все в порядке, все под контролем. Следует отметить также, что зеленый цвет может выражать интенсивность какого-либо действия: *sich grün und gelb ägern* – позеленеть от злости [42, с. 590].

Рассмотрим реализацию колоронима «зеленый» в религиозной лексике. *Gründonnerstag* – Страстной Четверг, Великий Четверг. Эксперт теологии благотворительной организации Евангелической Церкви Германии И. Хюбнер считает, что первый компонент сложного слова образован от древневерхненемецкого «*Grunen, Greinen oder Weinen*». В словаре «Германия. Лингвострановедческий словарь» отмечено, что в образовании слова участвует колороним *grün*, доказывается этот факт тем, что, согласно поверью, в этот день нужно есть много зелени, свежих овощей зеленого цвета, украшать дом зеленью, быть на природе. В некоторых регионах во время литургии надевали церковное одеяние зеленого цвета, несмотря на то что существовал обычай одеваться в белое. Поэтому Великий четверг называют еще *weißer Donnerstag*. Нужно также отметить, что «зеленый» в этом случае принимает символическое значение ‘обновления’.

В христианской традиции зеленый цвет ассоциировался с цветом Троицы, Откровения и символизировал Воскрешение, поэтому зеленого много на праздновании Пасхи. В Средние века он считался цветом Иоанна Евангелиста. Праздник Святой Троицы на Руси назывался Зелеными Святками, это был праздник тепла, долгожданного лета и плодородия. Символом Троицы является береза, символизирующая молодость, любовь. Основные обряды и обычай были связаны с растительностью, достигающей в это время своего расцвета. Общей для всех славян была традиция украшать жилище, церковь зеленой веткой. Все служители церкви во время праздника Пасхи одевались в зеленые одежды. “Семицкая” неделя на Руси называлась также “русальной”, “зеленой”, “поминальной” [14, с. 63–79, 26, с. 320].

У славян известен обряд, который заключается в приходе ритуального гостя (его называли полазником) – первого посетителя во время Рождества или в один из осенних и зимних праздников в период со дня св. Дмитрия до Богоявления. Считали, что он приносит удачу, здоровье и богатство на предстоящий год. Он разводил в очаге огонь и

приносил в дом зеленую ветку. В некоторых случаях появление полазника связывали с колядованием: маленькие здоровые дети, которые приносили зеленые ветки пихты, желали всем быть здоровыми, веселыми и молодыми [26, с. 128–130].

В исламской культуре “яшел” считается самым почитаемым цветом, символом всех благ, исходящих от растений, как земных, так и небесных: зелень, пища, тень, рай изображается в священных книгах и фольклоре как царство зеленого цвета. Зеленый является священным цветом Пророка, его знамя – зеленое, ангелы Аллаха в зеленых тюрбахах [20, с. 63–71]. В некоторых регионах саван должен был быть зеленого цвета [28, с. 86]. Яшел чапан (зеленый чапан) является неотъемлемой частью одежды мусульманских духовных лиц.

При анализе отрицательных коннотаций ФЕ с колоронимом *зеленый* необходимо упомянуть, что зеленый цвет является неотъемлемым атрибутом персонажей народной демонологии. В необъятных далях лесов обитает леший с длинной зеленой бородой [12, с. 498]. Интересно отметить, что у сказочных жильцов водной стихии также присутствует зеленый цвет. Например, у русалок и водяных глаза и волосы зеленые [12, с. 166, 549]. В античности и средневековье вода ассоциировалась с зеленым цветом. На самых ранних географических картах моря, озера, большие и малые реки изображались зелеными. Только с конца XV века синий стал лидировать и занимать место зеленого в образе воды [21, с. 104].

В немецких единицах *Grüne Männchen* (марсиане) [42, с. 590] и *Grüne Männchen sehen* (галлюцинации) колороним «зеленый» приобретает символическое значение ‘внеземное’ [42, с. 590].

Зеленый цвет ассоциируется также с алкогольными напитками или определенным отрезком времени, когда пьют алкогольные напитки. *Die grüne Stunde* – так называли во Франции послеобеденное время для абсента. В русском языке присутствуют фразеологизмы: *зелено вино* (народно-поэт.) – об алкогольных напитках. В данном выражении прилагательное *зеленый* носит отрицательную оценку. Народ

назвал виноградное вино по цвету продукта, из которого оно делалось, но затем, осознав вред алкоголя, стал называть его зеленым змием [8, с. 83]. «Образ» зеленого змия навеян галлюцинациями алкоголиков, а также выражением зелено вино и библейским текстом «Не смотри на вино ... впоследствии, как змей, оно укусит» (Книга притчей Соломоновых). Фразеологизм *напиться / напиваться (допиваться/допиться) до зеленого змия* (устар. книж. неодобр.) означает «напиваться допьяна, до потери сознания» [8, с. 215].

Продолжая анализ негативных значений колоронима «зеленый», приведем примеры из русской и татарской фразеологии: ФЕ «крепок орешек, да зелен» используют для обозначения объекта, имеющего обманчиво привлекательный вид, но в действительности плохого качества [8, с. 423]. В татарском языке пронзительный, визгливый, неприятный голос называют *яшел тавыш* (зеленый голос) [25, с. 332].

Сочетание «*grünes Kleid*» в пословице «*Stieftütter sind am besten im grünen Kleide*» [43, с. 502] метафорически означает могилу. Негативную коннотацию, которую приобрел колороним *grün* в данной пословице, можно объяснить тем, что в устном народном творчестве образ мачехи практически всегда является отрицательным.

Остановимся подробнее на фразеологизме «*grüne Minna*» со значением 'полицейская машина для перевозки арестованных' [36, с. 278]. С 1866 года в Пруссии существовала специальная повозка для заключенных, которая была окрашена в зеленый цвет. Тот факт, что тюрьма в Берлине, расположенная на улице Антона, называлась *grüner Anton* заставляет задуматься о том, какое символическое значение имеет колороним зеленый. В воровском жаргоне слово *grün* означало 'unangenehm, nicht geheuer', поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что во фразеологизме «*grüne Minna*» *grün* означает цвет. Кроме этого, в Швабии для обозначения транспорта для арестованных было распространено сочетание *grüner August*, а в Австрии – *grüner Heinrich*. В русском языке спецмашины для арестованных назывались «черный ворон, ворон, воронок, черная Маруся». Еще один пример: зеленая

карета (*устар.*) со значением ‘театральная, казенная карета, в которой ездили представители театра, артисты’. Выражение представляет собой аллюзию на окраску соответствующих карет в середине прошлого века [8, с. 252].

Происхождение фразеологизма *dasselbe in Grün (sein)* Ш. Готтшлинг в своей работе «Lexikon der Wortwelten» объясняет следующим образом: выражение происходит из автомобильной промышленности, когда Опель в 1924 г. производит свой маленький автомобиль *Laubfrosch* (досл. квакша, древесница). Название машины позволяет нам предположить, что она была зеленого цвета. Но этот транспорт был не новым на рынке, так как был копией французского *Citroën 5 CV*, от которого он отличался лишь желтым цветом *dasselbe in Grün* (т. е. от французской машины).

Сравнительная характеристика символьческих значений в трех языках представлена в таблице 9.1.

Таблица 9.1

Сравнение символьческих значений колоронимов *grün/зеленый/яшел*
в немецком, русском и татарском языках

Символическое значение цвета	Немецкий язык	Русский язык	Татарский язык
природа, лес, зелень	+	+	+
	bei Mutter Grün, bei Mutter Grün schlafen (scherzh.) eine grüne Lunge grüne Hölle grüne Weihnachten	зеленый друг	яшел алтын
любовь к природе, успех в садоводстве	+	+	-
	einen grünen Daumen haben	зелёная рука	

Продолжение табл. 9.1

Символическое значение цвета	Немецкий язык	Русский язык	Татарский язык
весна, пробуждение, воскрешение	+	+	+
	представлен в песнях, стихотворениях	зеленый шум Нас честной Семик / с пира-гульбища Всех зовет прийти / под березничек – На зеленые святки весны	Яшел тес – яз күрке
молодость, неопытность	+	+	+
	ein grüner Junge, grün um die Nase sein	молодо-зелено – гулять велено, Не тряси яблока, покуда зелено: созреет, само упадет, Молодой зелен, старый сед, а середовой в масть, Молода, зелена, в Саксонии не была, зеленый мастер, Он дурак прирожденный, самородковый, круглый, зеленый	яшел авыз яшел борын яшел кыяр Пешкән алмага кизәндек, йәшеле тәште
молодость, энергичность	+	–	+
	Grünes Holz, große Hitze Das schönste Grün wird auch Heu Je grüner das Holz, je dicker der Rauch		коры ботакка ябышканчы, йәшел сабакка ябыш

Продолжение табл. 9.1

Символическое значение цвета	Немецкий язык	Русский язык	Татарский язык
экологичность	+	+	-
	grüne Partei, die grüne Basis, Fraktion, der grüne Abgeordnete grüne Gedanken	Политическая партия «Российская экологическая партия «Зеленые»	
приятное, близкое к сердцу	+	-	+
	Komm an meine grüne Seite		Аръяк яр hәрвакыт йәшелрәк күренә
процветание	+	-	-
	auf (keinen) grü- nen Zweig (Ast) kommen		
гармония, беззаботная жизнь	+	-	-
	etwas / alles liegt / ist im grünen Be- reich		
надежда	+	+	-
	Je durrer die Zeit, je grüner die Hoff- nung [Байер 1989: 67]	название кружка «Зеленая лампа»	
любовь	+	+	-
	grüne Hochzeit	представлено в обрядах	

Символическое значение цвета	Немецкий язык	Русский язык	Татарский язык
значение интенсивности	+	+	-
	sich grün und gelb ägern, grün / gelb / grün und gelb vor Neid werden, jem. (etw.) über den grünen Klee loben	позеленеть от злости	
свобода	+	+	+
	jemandem grünes Licht geben, grünes Licht haben	зеленая улица	яшел ут бирү
внеземное	+	+	+
	Grüne Männchen	зеленый человечек, атрибут персонажей народной демонологии	атрибут персонажей народной демонологии
символ бюрократии	+	-	-
	vom grünen Tisch entscheiden (beurteilen, verordnen)		
неприятное	+	-	+
	grüne Minna (в воровском жаргоне)		яшел тавыш

Символическое значение цвета	Немецкий язык	Русский язык	Татарский язык
алкогольные напитки	+	+	+
	Die grüne Stunde	зелено вино (народно-поэт.) напиться // напиваться (допиваться/допиться) до зеленого змия Зелено вино на пагубу дано	яшел елан
ощущение несчастья	—	+	—
		тоска зеленая	
могила, смерть	+	—	—
	Stiefmütter sind am besten im grünen Kleide		

Таким образом, в системе цветообозначений присутствует ряд универсальных черт. Нами было выявлено, что во всех трех языках зеленый цвет имеет символическое значение природы, весны, пробуждения, молодости, неопытности, свободы, алкогольных напитков (в последних трех значениях в татарском языке представлены заимствования из русского языка). В немецком языке связь зеленого цвета с растительным миром прослеживается более широко, это не только лес или отдельные деревья, а вся природа. Символические значения ‘процветания, успеха’, ‘гармонии, беззаботной жизни’, ‘могилы’, ‘бюрократии’ представлены только в немецком языке. Если значение молодости и неопытности представлено во всех трех языках, то значение ‘молодости и энергичности’ мы можем найти в немецком и татарском языках. Символические значения ‘надежды’, ‘любви’ и ‘интенсивности’

совпадают в русском и немецком языках. Следует также отметить, что в немецком и русском языках зеленый цвет часто привносит в ФЕ эмоционально-экспрессивную окраску. Обнаруженные особенности восприятия цвета людьми разных национальностей обусловлены социокультурными особенностями каждого народа.

Этапы и методы изучения фразеологизмов с колоронимом *grün*

Фразеодидактика является достаточно молодым направлением современной фразеологии. Важность обучения ФЕ и ПЕ отмечается многими учеными, но, несмотря на это, данной области уделяется недостаточно внимания [18, 24, 31, 37, 40]. Т.Н. Федулenkova отмечает, что фразеология как отдельная дисциплина в учебных планах отсутствует, и подчеркивает необходимость более детального изучения фразеодидактики [31].

Общеевропейская шкала уровней владения иностранным языком (CEFR) показывает растущую роль фразеологизмов в развитии коммуникативной компетенции. В CEFR также определяется «лингвистическая компетентность», компонентами которой являются лексические, грамматические, и фонологические компетенции. Лексическая компетенция включает в себя знание и использование различных слов и выражений, в том числе, корректное использование фиксированных оборотов речи, идиом (например, *einen Bären aufbinden*) и шаблонных выражений (*Könnte ich bitte...?*).

ФЕ и ПЕ могут оказаться для обучающихся одними из самых сложных аспектов освоения средств выражения. Как справедливо отмечает X. Люгер, обучение иностранному языку не может ограничиваться изучением элементарных лексических единиц и базовым набором грамматических правил, на занятиях следует обращать внимание и на ФЕ и ПЕ. Предлагаем комплекс упражнений на отработку фразеологизмов с компонентом *grün*. Данные упражнения рассчитаны на уровень владения языком A2-B1. При интеграции фразеологизмов, пословиц и поговорок в занятие по иностранному языку следует учитывать этапы работы с ними (рис. 9.1).

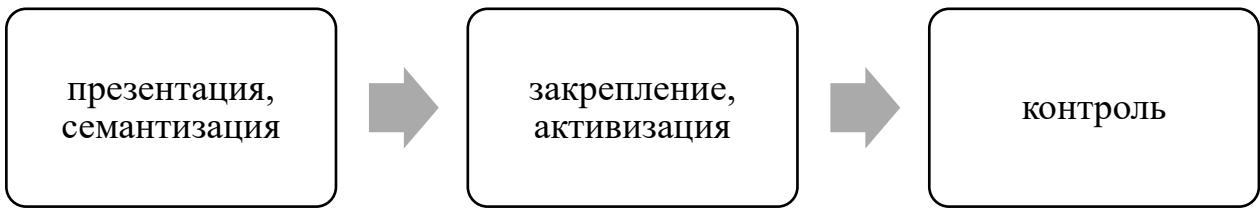

Рис. 9.1. Этапы работы над ФЕ и ПЕ

Первый этап работы заключается в презентации формы и значения ФЕ и ПЕ. Для этого используют несколько методов, один из них – контекстуальный. Благодаря такому методу фразеологизмы вводятся в контексте, например, в тексте или диалоге. Представим первое задание. Обучающимся предлагается догадаться о значении фразеологизмов с помощью контекста, что развивает их языковую догадку.

Aufgabe 1. Lesen Sie den Text und finden Sie die Redewendungen mit der Farbe „grün“, die im Text vorkommen. Was könnten Sie bedeuten? Vermuten Sie.

Ein Tag im Grünen

Es war ein sonniger Samstagmorgen, und Lisa beschloss, einen Ausflug ins Grüne zu machen. Als sie den Park betrat, rief sie begeistert: „Ach du grüne Neune! Es ist ja viel schöner hier, als ich gedacht habe!“ Die Wiesen blühten in allen Farben, und das Wetter war perfekt. Während sie durch die Blumenwiese spazierte, dachte sie an die letzten Wochen. Ihr Projekt bei der Arbeit war nicht gut gelaufen; sie war einfach auf keinen grünen Zweig gekommen. Doch heute wollte sie all das hinter sich lassen. „Hier ist alles im grünen Bereich“, murmelte sie vor sich hin und lächelte. Plötzlich sah sie ihren Freund Max, der mit einer Gießkanne in der Hand auf dem Boden kniete. „Hey, Max! Hast du einen grünen Daumen? Deine Pflanzen sehen fantastisch aus!“ Max grinste und antwortete: „Ja, ich liebe es, im Garten zu arbeiten!“ Nach einer Weile setzten sich die beiden auf eine Bank. Max erzählte von seinem neuesten Projekt und wie er endlich von seinem Chef das grüne Licht bekommen hatte, um seine Ideen umzusetzen. Lisa hörte aufmerksam zu und dachte daran, wie wichtig es ist, auch mal eine Pause einzulegen. „Weißt du“, begann Lisa, „ich habe mich in letzter Zeit so oft

*geärgert. Ich glaube, ich habe mich **grün** und blau geärgert über die Schwierigkeiten bei der Arbeit.“ Max nickte verständnisvoll. „Das kenne ich nur zu gut. Manchmal muss man einfach loslassen und die Dinge entspannter angehen.“ Am Ende des Tages waren Lisa und Max glücklich und entspannt. Sie hatten die Sorgen des Alltags hinter sich gelassen und einfach die Natur genossen. Als sie nach Hause gingen, fühlte sich Lisa erfrischt und bereit, neue Herausforderungen anzugehen – schließlich war sie jetzt wieder im **grünen** Bereich!*

Во время презентации фразеологизмов можно использовать наглядные примеры в виде фотографий, иллюстраций, с помощью которых достигается образная визуализация. Следующий способ семантизации – перевод ФЕ и ПЕ на родной язык описательным способом и объяснение значения: это обусловлено тем, что иногда не предоставляется возможным привести точное соответствие на родном языке. Одним из эффективных способов семантизации является использование синонимов или антонимов. В некоторых случаях необходимо использовать этимологическую справку, объяснив происхождение ФЕ и ПЕ.

Для активизации и закрепления материала на основе ФЕ и ПЕ рекомендуется использовать различные упражнения и задания. На основе второго упражнения обучающиеся уточняют значение введенных ФЕ и ПЕ на немецком языке. Следующее упражнение направлено на нахождение русского эквивалента и значения фразеологизмов.

Aufgabe 2. Ordnen Sie die folgenden Redewendungen den passenden Bedeutungen zu.

Auch du grüne Neune! – auf keinen grünen Zweig kommen – alles im grünen Bereich – grünes Licht geben – sich grün und blau ärgern

- 1) nichts erreichen oder mit etwas nicht erfolgreich sein
- 2) ein Ausruf des Erstaunens oder Entsetzens
- 3) etwas erlauben oder genehmigen
- 4) alles ist in Ordnung und läuft nach Plan

5) wütend werden

Aufgabe 3. Ordnen Sie zu.

Auch du grüne Neune! – auf keinen grünen Zweig kommen – alles im grünen Bereich – grünes Licht geben – sich grün und blau ärgern

- 1) не иметь успеха
- 2) дать зеленый свет
- 3) позеленеть от злости
- 4) Вот тебе на! Вот тебе раз!
- 5) все в порядке, идет по плану

Четвертое упражнение помогает понять особенности функционирования ФЕ и ПЕ в речи, обучающимся следует заполнить пропуски подходящими по смыслу фразеологизмами.

Aufgabe 4. Ergänzen Sie die Lücken.

Auch du grüne Neune! – auf keinen grünen Zweig kommen – alles im grünen Bereich – grünes Licht geben – sich grün und blau ärgern

- 1) Nach den letzten Schwierigkeiten bei der Arbeit war sie froh, dass jetzt ...
- 2) Er hat lange an seinem Projekt gearbeitet, aber er ist einfach ...
- 3) Als sie den schönen Park sah, rief sie: ...
- 4) Sie hat ... in letzter Zeit wirklich über die vielen Probleme ...
- 5) Der Chef hat ihm endlich ... für seine neue Idee ...

Использование игр, кроссвордов, интерактивных заданий, викторин способствует повышению мотивации к изучению и активному использованию ФЕ и ПЕ как в устной, так и в письменной речи (рис. 9.2). Регулярное повторение фразеологизмов и паремий позволит активировать знания и закрепить навыки использования ФЕ в речи. Следует включать изученные ФЕ и ПЕ во все виды речевой деятельности (говорение, письмо, аудирование, чтение). Игра «тетрагу» может проводиться в паре или команде: участники одновременно открывают две карточки (одну с картинкой, вторую с описанием): если изображение соответствует текстовому описанию, то игрок забирает карточки и может выполнить еще один ход. Выигрывает тот, кто быстрее соберет карточки-пары.

Aufgabe 5. Bingo. Finden Sie zu jedem Bild eine passende Situation.

Рис. 9.2. Картинки, иллюстрирующие ФЕ и ПЕ с колоронимом grün

1. Im Alltag wird die Redewendung oft humorvoll eingesetzt. Wenn beispielsweise jemand einen unerwarteten Vorschlag macht oder sich in einer unerwarteten Weise verhält, können die Anwesenden mit einem Lächeln sagen: ...

2. Man kann sich beispielsweise ..., wenn man im Stau steht und die Zeit davonläuft, während wichtige Termine anstehen. Die Wut wächst, und man fühlt sich hilflos, da man nichts an der Situation ändern kann.

3. Eine Person versucht, in ihrem Job befördert zu werden, aber scheitert immer wieder an den gleichen Hindernissen. Trotz harter Arbeit und Engagement scheint der Traum unerreichbar zu bleiben. In solchen Fällen kann es frustrierend sein, da man das Gefühl hat, sich im Kreis zu drehen und auf der Stelle zu treten.

4. Stellen Sie sich vor, ein Team hat einen innovativen Vorschlag für ein neues Produkt entwickelt. Nachdem sie ihre Ideen präsentiert haben, erhält das Team schließlich ... von der Geschäftsführung. Dies bedeutet, dass sie mit der Umsetzung des Projekts beginnen dürfen und die notwendigen Ressourcen zur Verfügung stehen.

5. Stellen Sie sich vor, ein Team arbeitet an einem wichtigen Projekt mit einer strengen Deadline. Nach einem wöchentlichen Meeting stellt der

Projektleiter fest, dass alle Aufgaben planmäßig erledigt wurden und keine Probleme aufgetreten sind. Mit einem Lächeln sagt er: „Super, alles ...!“ Dies gibt dem Team das Vertrauen, dass sie auf dem richtigen Weg sind und die gesteckten Ziele erreichen können.

На этапе контроля усвоения материала можно использовать творческие задания, например, написание эссе, сочинений с включением ФЕ и ПЕ, чтобы проверить знание и расширить навыки их контекстуального употребления: *Aufgabe 6. Diskutieren Sie in der Gruppe oder schreiben Sie einen kurzen Aufsatz darüber, warum es wichtig ist, Zeit in der Natur zu verbringen und wie dies das Wohlbefinden beeinflussen kann. Verwenden Sie dabei die Redewendungen mit „grün“.*

При составлении комплекса упражнений следует учитывать следующие аспекты. Во-первых, задания должны иметь коммуникативную направленность. Во-вторых, нужно учитывать ситуативность и аутентичность материалов. Важно, чтобы задания были максимально приближены к реальной жизни и развивали коммуникативную компетенцию обучающихся. На более высоком уровне владения языком можно провести мини-исследование на основе корпуса текстов DWDS и Национального корпуса русского языка, которое заключается в выявлении трансформации фразеологизмов и паремий с компонентом цветообозначения.

Заключение

Данное исследование проведено в русле сопоставительного изучения фразеологизмов и паремий с компонентом *grün*/зеленый/яшел в немецком, русском, татарском языках. В результате анализа лексико-графических источников проанализировано более 160 ФЕ и ПЕ с обозначенным компонентом-колоронимом в сопоставляемых языках. На основе проведенного анализа выявлены универсальные и отличительные черты в лингвокультурологической картине мира трех народов. Символическое значение ‘природы; весны; пробуждения’, ‘молодости, неопытности’; ‘свободы’ представлено в немецком, русском и татарском языках. Значение ‘интенсивности’ присуще только немец-

кому и русскому языкам. Было также отмечено, что в немецком и русском языках колороним придает фразеологизмам эмоционально-экспрессивную окраску. Приведены примеры функционирования ФЕ и ПЕ в речи на основе корпусов текста, что позволяет проанализировать их использование в публицистических и художественных текстах.

Во второй части исследования представлен комплекс упражнений, направленный на интеграцию фразеологизмов и паремий с компонентом *grün* в занятие по немецкому языку в вузе. Для каждого этапа приведены задания и упражнения. На первом этапе презентации и семантизации ФЕ и ПЕ предлагается использовать контекстуальный метод. На этапе активизации и закрепления материала рекомендуется использовать такие типы упражнений, как соотнесение ФЕ и ПЕ с их значением, либо с эквивалентами на русском языке, а также заполнение пропусков, ролевые игры, кроссворды, интерактивные игры. Этап контроля усвоения ФЕ и ПЕ характеризуется выполнением тестов различного типа, коммуникативных заданий (проигрывание диалогов, проведение дискуссий, написание эссе, сочинений, текстов с использованием изученных фразеологизмов и паремий. Следует учитывать аутентичность, ситуативность и коммуникативную направленность заданий.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении лингводидактического потенциала использования ФЕ и ПЕ на занятиях немецкого языка. Составление типологии заданий для разных этапов обучения в общеобразовательных учреждениях и в рамках разных подходов является одним из важных аспектов фразеодидактики. Использование инновационных цифровых технологий в обучении немецкому языку при интеграции фразеологизмов и паремий заслуживает отдельного изучения. Проведение сравнительно-сопоставительного анализа ФЕ и ПЕ для выявления универсальных и отличительных черт лингвоцветовой картины мира послужит ценным материалом для курсов по межкультурной коммуникации, фразеологии, культуре речевого общения.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц: (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. – 126 с.
3. Аюрова Р.А. Фразеографическое описание татарского, русского и английского языков: дисс. ... д-ра филол. наук / Аюрова Р.А. – Казань, 2010. – 367 с.
4. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки: сборник / Х. Байер, А. Байер. – М.: Высш. шк. 1989. – 392 с.
5. Бакиров Б.Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков / Б.Х. Бакиров // Филология и культура. Philology and Culture. – 2015. – № 1(39). – С. 114–119.
6. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
7. Белов А.И. Цветовые этноэйдемы как объект этнопсихолингвистики / А.И. Белов // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука. 1988. – С. 49–58.
8. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Спб.: Фолио – Пресс, 1999. – 704 с.
9. Василевич А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания / А.П. Василевич // Наименование цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. – М., КомКнига, 2007. – С. 9–29.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари. 1996. – 416 с.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 1. А–З. – 699 с.
12. Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа / В.И. Даль. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 608 с.
13. Добровольский Д.О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом / Д.О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 2011. – № 2 (22). – С. 219–246.
14. Зеленый. – М.: КИТОНИ, 2009. – 216 с.

15. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – Изд. 4-е, стер. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 590 с.
16. Кулькова М.А. Когнитивно-смыслоное пространство народной приметы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.А. Кулькова. – Казань, 2011. – 52 с.
17. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы / Д.Г. Мальцева. – М.: Высшая школа, 1991. – 173 с.
18. Маматаева Д.Х. Методические приемы и интеграция фразеологических единиц в процесс преподавания немецкого языка / Д.Х. Маматаева // Journal of Humanities & Natural Sciences. – 2024. – № 11 (06). – С. 140–150.
19. Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2007. – 5756.
20. Миронова Л.Н. Цвет в изобразительном искусстве: Пособие для учителей / Л.Н. Миронова. – Минск: Беларусь, 2005. – 151 с.
21. Пастуро М. История цвета / М. Пастуро. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 144 с.
22. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
23. Першина Е.М. Сравнительный анализ функционирования слова «зелёный» в русской культуре и слова «vert» во французской культуре / Е.М. Першина // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. / под ред. С.А. Песоцкой; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – Ч. 2. – С. 167–173.
24. Сафина Р.А. Фразеодидактика немецкого языка: этапы обучения и типология упражнений / Р.А. Сафина // Русская и сопоставительная филология. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – С. 216–220.
25. Сафиуллина Ф.С. Татарча – русская фразеологика сүзлек / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.
26. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – 655 с.
27. Снегирев И.М. Книга народной мудрости / И. Снегирев. – М.: Эксмо, 2014. – 576 с.
28. Урманче Ф. Татар халык иҗаты / Ф. Урманче. – Казан: Мәгариф, 2005. – 383 б.

29. Татар халык мәкалъләре: мәкалъләр жыелмасы: 3 томда / Нәкый Исаенбәт. – 2нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010.
30. *Тресиддер Д.* Словарь символов / Д. Тресиддер. – М.: Фаир-Пресс, 1999. – 448 с.
31. *Федулenkova T.H.* Современная фразеология и фразеодидактика / Т.Н. Федулenkova // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2005. – № 11 (51). – С. 35–39.
32. *Федулenkova T.H.* Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии: на материале английского, немецкого и шведского языков: дис. ... д-ра филол. наук / Т.Н. Федулenkova. – Северодвинск. – 2006. – 360 с.
33. *Хабутдинова М.М.* Содержание и поэтика образа деятеля мусульманского духовенства в творчестве А.М. Гилязова (1928–2002) / М.М. Хабутдинова // Грамота. – 2014. – № 1 (31). – Ч. II. – С. 191–195.
34. Этимологический онлайн-словарь русского языка М. Фасмера. – URL: <http://vasmer.info/> (дата обращения: 25.10.2024).
35. *Юзееев А.* Тукай – просветитель // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 2011. – № 1/2. – URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2011_1_2/07/03/ (дата обращения: 25.10.2024).
36. Duden Redewendungen. Bd. 11. 2., neu bearb. und aktualisierte Auflage. – 2002. – 955 S.
37. *Ettinger S.* Phraseme im Fremdsprachenunterricht / S. Ettinger // Phraseology. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. International Handbook of Contemporary Research De Gruyter. – 2007. – Vol. 2. – P. 893–908.
38. *Földes Cs.* Farbbezeichnungen als phraseologische Strukturkomponenten im Deutschen, Russischen und Ungarischen / Cs. Földes // Europhras'90. Akten der internationalen Tagung zur germanistischen Phraseologieforschung. Aske Schweden 12–15. Juni 1990. Uppsala. 1991. – S. 77–89.
39. *Immoos F.* Farbe. Energie der Farbe. Amsterdam. – URL: <http://franz.immoos.eu/farbe.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).
40. *Lüger H.-H.* Anregungen zur Phraseodidaktik. Beiträge zur Fremdsprachenvermittlung 32 / H.-H. Lüger. – Landau, 1997. – S. 69–120.
41. *Mieder W.* Sprichwort – Wahrwort: Studien zur Geschichte, Bedeutung und Funktion deutscher Sprichwörter / W. Mieder. – Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. – 1992. – 288 S.

42. *Röhrich L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten / L. Röhrich. – Freiburg, 2001. – 1256 S.
43. *Simrock K.* Die deutschen Sprichwörter / K. Simrock. – Patmos; Auflage: 1, 2003. – S. 630.
44. *Tomková M.* Die emotionale Bedeutung der grünen Farbe in den Liedern der Sammlung 'Des Knaben Wunderhorn' / M. Tomková. – Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Ostraviensis. Studia Germanistica. – 2011. – Iss. 9. – P. 105–112.
45. *Wotjak B.* Verbale Phraseolexeme in System und Text. – Tübingen: Verlag Niemeyer, 1992. – 211 S.

Информация об авторах

1. **Варламова Е.В.**, канд. филол. наук., доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
el-var@mail.ru
2. **Газизова Л.Г.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, liliksu@mail.ru
3. **Гималетдинова Г.К.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
gim-nar@yandex.ru
4. **Гурьянов И.О.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
igor.goor@gmail.com
5. **Гурьянова К.А.**, канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, c.b-carina@yandex.ru
6. **Колабинова Т.И.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
tatianakolabinova@mail.ru
7. **Каюмова А.Р.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, alb1980@yandex.ru

- 8. Мухамадъярова А.Ф.**, канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
<liliana_muhamad@mail.ru>
- 9. Пестова Мария Сергеевна**, канд. филол. наук, декан факультета иностранных языков РГУ СоцТех, *pestova_m@bk.ru*
- 10. Сафина Р.А.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
rsafina@mail.ru
- 11. Салиева Р.Н.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, *sargus5@yandex.ru*
- 12. Сафиуллина Г.Р.**, канд. филол. наук, доцент Казанского Приволжского федерального университета, *safiullina_gulshat@mail.ru*
- 13. Соболева Н.П.**, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ИМОИиВ, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
NPSoboleva@kpfu.ru
- 14. Тарасова Ф.Х.**, д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, *fhtarasova@yandex.ru*
- 15. Халитова Л.К.**, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
liliya.halitova@kpfu.ru

Список сокращений

БЛ – безэквивалентная лексика

ККЛ – культурно-коннотированная лексика

ПЕ – паремиологические единицы

ФЕ – фразеологическая единица

ИС – имена собственные

Словари

РАФС – Русско-английский фразеологический словарь

РАНТТФС – Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь

ТААТ2019 – Татарско-английский, англо-татарский словарь

DWDS – Корпус немецкого языка

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Сафина Р.А., Салиева Р.Н. Этапы развития и научные достижения Казанской фразеологической школы.....	9
Глава 2. Гурьянов И.О., Гурьянова К. А. Качественный и количественный анализ фразеологических единиц бibleйского происхождения в английском языке и их моделируемости в устном и письменном публичном дискурсах.....	32
Глава 3. Каюмова А.Р., Варламова Е.В. Контекстуальные преобразования фразеологических единиц в стихотворениях для детей на русском и английском языках.....	52
Глава 4. Халитова Л.Л., Гималетдинова Г.К. Фразеологизмы- антропонимы в заголовках газетных статей: взгляд современного читателя.....	71
Глава 5. Соболева Н.П. Окказиональная фразеология в рекламных слоганах (на материале английского и немецкого языков).....	95
Глава 6. Пестова М. С., Тарасова Ф. Х. Особенности перевода фразеологических единиц с английского на русский язык.....	108
Глава 7. Газизова Л.Г., Колабинова Т.И. Транскультурная адаптация фразеологизмов: сравнительное исследование русского, испанского и английского языков.....	129

Глава 8. Сафиуллина Г.Р. Способы представления этнокультурного компонента татарского языка в переводных словарях.....	145
Глава 9. Мухамадъярова А.Ф. Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-колоронимом <i>grün</i> /зеленый/яшел: лингвокультурологический и методический аспекты.....	162
Информация об авторах	187
Список сокращений.....	189

Научное издание

**ФРАЗЕОЛОГИЯ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР:
ОПЫТ КАЗАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

Коллективная монография

Подписано в печать 24.04.2025.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16 Гарнитура «Times New Roman»

Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 8,18

Тираж 100 экз. Заказ 105/4

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)